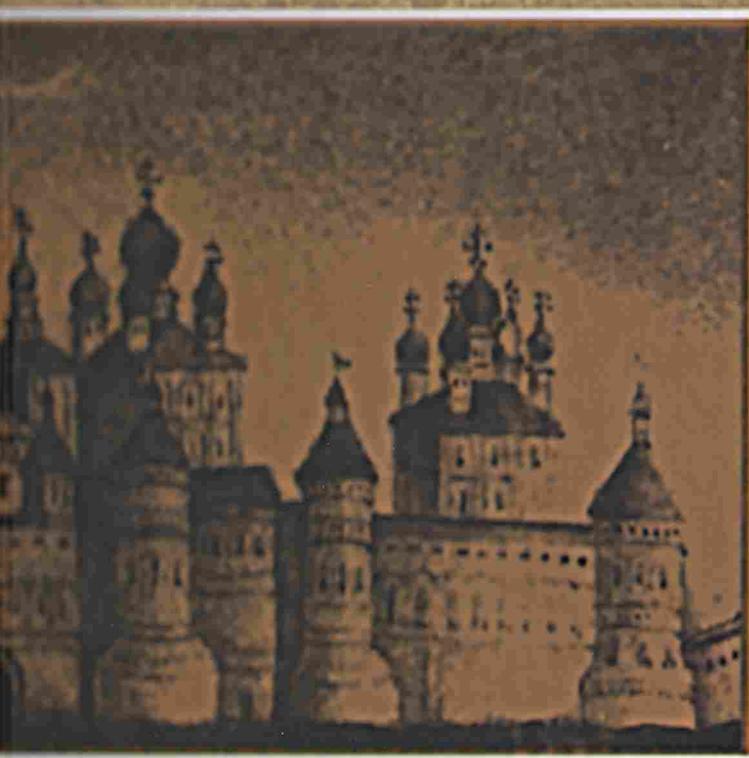

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

Н. Г. Самойлович

**КОНЮШЕННЫЙ
РАСКОП
В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ**

**результаты охранных
археологических исследований
2001-2005 гг.**

**Материалы
охранных
археологических
исследований**

ТОМ 9

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н.Г. Самойлович

Конюшенный раскоп в Ростове Великом

МАТЕРИАЛЫ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 9

Москва

2007

ББК 63.444(235)
С17

Ответственный редактор
к. и. н. *А.В. Энговатова*

Рецензенты:
д. и. н. *Л.А. Беляев*
к. и. н. *В.Ю. Коваль*

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

С17 Самойлович, Наталья Георгиевна
Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. Т. 9. / Н.Г. Самойлович. – М.: ООО «ТАУС», 2007. – 88 с.: ил.
ISBN 978-5-903011-10-0.

Издание представляет материалы раскопок на территории Конюшенного двора в Ростове Великом. За несколько лет полевых работ Волго-Окской экспедиции ИА РАН был исследован культурный слой XI–XVII вв., выявлены три периода истории изученного участка городской территории. Публикуются данные о постройках и сооружениях, представлены основные находки.

Для археологов, историков и всех, интересующихся историей средневекового города.

ISBN 978-5-903011-10-0

© Институт археологии РАН, 2007 г.
© Н.Г. Самойлович, 2007 г.
© Иллюстрации В.П. Орлова, 2007 г.
© ООО «ТАУС», 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Начальная история участка (2-я половина XI–XII вв.)	8
Усадьба А (1-я треть XIII в.)	14
Усадьба Б (50-е годы XIII в. – конец XV вв.)	18
Хозяйственный двор (XVI – 1-я пол. XVII вв.)	28
Заключение	32
Библиография	34
Приложение. Результаты комплексного исследования почв и культурного слоя раскопа в Конюшенном дворе	38
Список сокращений	46

ВВЕДЕНИЕ

Археологические раскопки в Ростове ведутся преимущественно на территории исторического центра города в пределах земляной крепости XVII в. Именно крепость обусловила особенность Ростова как археологического памятника – только в ее границах сохранился многометровый влажный культурный слой, за ее пределами мощность отложений, как правило, не превышает 1,5–2 м.

Но и в пределах крепости сохранность и стратиграфия культурного слоя неодинаковы. При строительстве городских укреплений в 1632–1634 гг. на сооружение валов использовали грунт близлежащей территории, отчего город на значительных участках по периметру крепости лишился отложений XIII–XVI вв., а в некоторых местах и более ранних. Второе серьезное вмешательство, изменившее облик городского центра, произошло на рубеже XVIII–XIX вв., когда, в связи с введением регулярной планировки, городской землей была засыпана долина протекавшей через город р. Пижермы.

Свой вклад в формирование городского рельефа внесли каменное строительство и реставрация второй половины XIX–XX вв. Поэтому территория, сохранившая полную свиту напластований культурного слоя, сравнительно невелика. В одном из таких мест – Конюшенном дворе с 2001 г. ведутся археологические исследования.

Конюшенный двор – одна из построек знаменитого ростовского митрополита Ионы Сысоевича находится в центре Ростова у западных ворот кремля и представляет собой замкнутое каре корпусов, ограничивающих обширный двор площадью более 1000 кв. м. (рис. 1). Здание сооружено в конце XVII в. и вместе с ансамблем кремля входило в комплекс сооружений резиденции ростовских митрополитов. После реконструкции, с середины XIX в. по 1978 г., использовалось как казарма. В настоящее время здание руинировано, ждет реконструкции (рис. 2).

Именно в преддверии строительных работ на территории двора были начаты археологические раскопки с целью определения характера и хронологии культурного слоя этого участка городской территории. Работы вела Волго-Окская экспедиция Института археологии РАН по договору с Государственным музеем-заповедником «Ростовский кремль».

В исследованиях принимали участие А.Е. Леонтьев, А.В. Кашкин, К.И. Комаров (ИА РАН), Н.И. Асташова (ГИМ), В.Н. Орлов (ГМЗ «Ростовский кремль»), Е.К. Кадиева (ЯрГУ). Аналитические исследования проводили Н.Б. Черных и А.А. Карпухин (ИА РАН), А.А. Александровский (ИГ РАН), Н.А. Кирьянова (ГИМ). Реставрация находок осуществлена А.В. Григорьевым и А.Ф. Черторижской (Ярославский музей-заповедник).

Раскоп, заложенный в северо-западном углу двора, имел размеры 10×14 метров, был разбит по сторонам света, ориентирован по линии З-В. Квадраты сетки по линии запад-восток обозначены буквами А-Ж, по линии север-юг – цифрами 1–5. За нулевую отметку принят уровень цоколя северо-восточного угла здания Конюшенного двора.

Поверхность раскопа была слабо задернована, имела уклон по линии ЮЗ-СВ, перепад высот по крайним точкам составлял 0,59 м. Следует отметить, что в конце 80-х гг. на территории двора был снят верхний грунт на глубину около 0,6 м, что привело к утрате отложений второй половины XVII–XX вв.

Предварительное бурение показало, что мощность культурного слоя в исследуемом месте достигает 4,6 м. Впервые в Ростове представилась возможность изучить полную свиту отложений, начиная с первой половины XVII в. На других раскопах в центре города отложения XIII–XVI вв. в той или иной степени оказывались поврежденными или совсем отсутствовали.

Перед началом работ на участке раскопа, с целью выравнивания поверхности, экскаватором был снят верхний слой строительного мусора толщиной 0,05–0,6 м, представлявший собой, в основном, разновременный строительный мусор. Культурный слой снимался горизонтальными пластами толщиной 0,2 м, начиная с отметки – 0,6 м от условного «0».

Культурный слой в основе представляет собой темно-серый суглинок, с глубины около 1 м от поверхности уходящий ниже уровня грунтовых вод. Толща слоя сохранила многочисленные включения, прослойки, линзы разного состава, но суглинистая основа грунта для Ростова неизменна. Особым литологическим горизонтом является погребенная почва, залегающая в основании культурного слоя. Это гумусированный темно-серый, во влажном состоянии черный комковатый суглинок толщиной до 0,4 м. Несмотря на естественное происхождение, почвенный горизонт сохранил следы человеческой деятельности: в его толще встречены как находки городского времени, так и артефакты более ранних эпох. Более подробное описание культурного слоя и погребенной почвы с учетом природной составляющей отложений дано в публикуемом в Приложении данного издания исследовании А.Л. и Е.И. Александровских.

Участок раскопа отличался сложной стратиграфией. Помимо обычных для города разновременных перекопов и прочих нарушений свиты напластований за все прошедшие века, оказалось, что раскоп захватил часть древнего склона, образовавшегося за счет неравномерного нарастания культурного слоя. Поэтому при раскопках в пределы одного горизонтального пласта в некоторых случаях попадали не синхронные отложения. Древний микрорельеф реконструируется по расположению деревянных сооружений. Всего в толще культурного слоя удалось выявить 9 строительных горизонтов сменявших друг друга построек. Примечательно, что первоначальная поверхность, фиксируемая по уровню погребенной почвы, оказалась близкой к горизонтальной и имела лишь незначительный естественный уклон в сторону озера.

В истории исследуемой территории можно выделить четыре периода (в «перевернутой» хронологии археологического исследования). В XVI – первой половине XVII вв. здесь стояло несколько небольших хозяйственных или служебных построек с небрежным мощением отдельных участков. На рубеже указанных столетий был сооружен дренажный колодец с водоотводными трубами, уходившими по рельефу в сторону озера. Хронология горизонта определяется дендродатами и находками большемерного кирпича, который начинает использоваться в Ростове со времени строительства нового Успенского собора в период 1506–1512 гг.

В начале XVI в. На этом участке существовала мастерская по изготовлению глиняных половых плиток. Возможно, ее устройство связано с возведением нового здания Успенского собора.

Учитывая традицию хозяйственного использования участка, в дальнейшем продолженную строительством Конюшенного двора, можно полагать, что, начиная с XVI в., эта территория принадлежала Ростовскому архиерейскому дому.

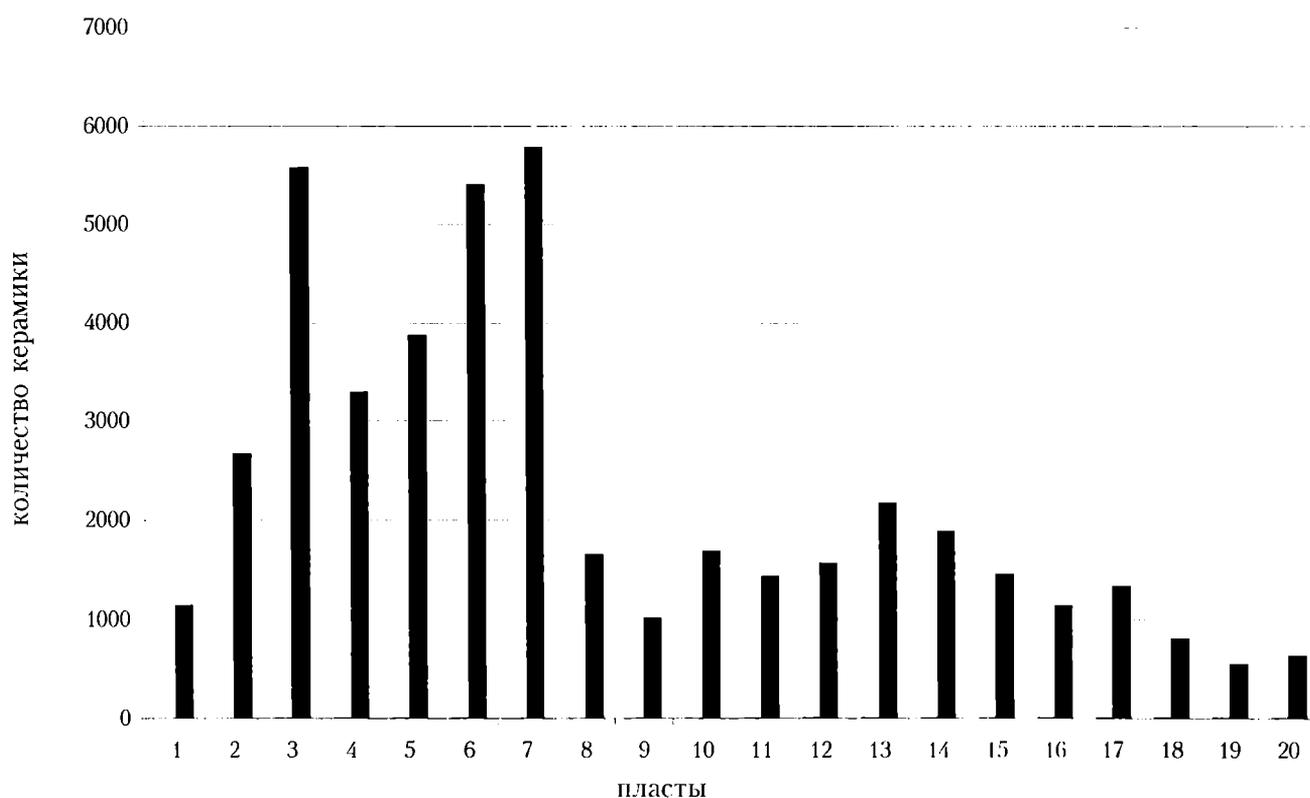
Периоду «хозяйственного двора» предшествовала долгая история существования жилой усадьбы. Линия частоккола и остатки хозяйственной постройки проявились в слое последней четверти XV в. Культурный слой этого периода отличается свойственным жилым городским участкам разнообразием и включает в себя многочисленные линзы и прослойки щепы, навоза, глины, углей, разбросы печных камней, обломков бревен и досок. Усадьба существовала в своих границах более 200 лет. За это время неоднократно менялись и подновлялись постройки, передвигалась граница ограды, которая в первое время начиналась с плетня. За оградой тянулся проулок, мощный сначала бревнами, потом ветками (гать), затем бросовым деревом разобранных построек. Время возникновения усадьбы приходится на середину XIII в. Общая мощность связанного с усадьбой культурного слоя составляет до 1,6 м.

Следы более ранней планировки (усадьба «А») выявились на уровне 14 пласта. Непосредственно под остатками плетня ограды усадьбы «Б» показались остатки очередного сруба и связанного с ним тына.

Наконец, первоначальный период освоения исследованного участка городской территории не связан с какой-либо постоянной застройкой. Меняется характер культурного слоя, который лишен разнообразия и насыщенности, свойственных отложениям более позднего времени. Меняется и «хронологическая цена» пластов: толщина наслоений середины XI–XII вв. достигает всего 0,9 м, включая погребенную почву.

Интенсивность освоения участка в разные периоды отразилась в количестве находок. Керамика, зафиксированная в количестве 45 240 фрагментов, в культурном слое при учете по пластам распределена следующим образом (диаграмма 1):

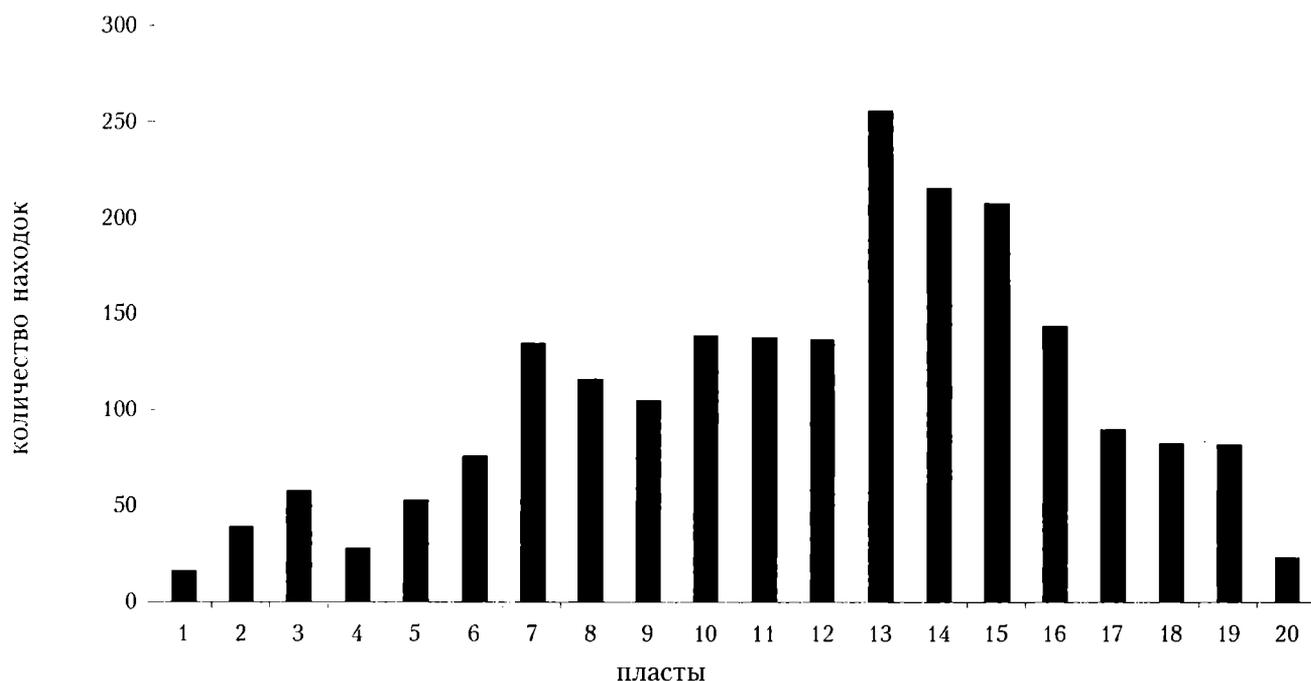
Диаграмма 1. Количество керамики (по пластам)

Очевидно явное количественное преобладание керамики в поздних 2–7 пластах. Этому есть объяснение общего порядка: городская жизнь в XV–XVII столетиях стала более интенсивной.

Распределение индивидуальных находок, общее количество которых составляет 2175 предметов, отражает иную сторону истории участка (диаграмма 2):

Диаграмма 2. Количество находок (по пластам)

Наиболее многочисленная и разнообразная коллекция предметов связана с периодом существования усадеб XIII–XV вв. Вместе с тем, сравнение данных обеих таблиц показывает единую динамику изменения насыщенности отдельных пластов как массовыми, так и индивидуальными находками.

В представленной публикации описание строительных горизонтов и находок дано в рамках означенных этапов в истории участка. Нумерация построек традиционно сохраняет принятый в отчетах полевой порядок «сверху вниз».

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ УЧАСТКА (2-я половина XI–XII вв.)

Первоначальный период освоения исследованного участка городской территории отражен в материалах 16–20 пластов (последний неполон).

В отсутствие дендродат, учитывая последовательность отложений, состав находок и особенности керамической коллекции, хронологическое членение культурного слоя в пределах пластов представляется следующим образом: 19, 20 пласты – вторая половина XI в.; 18 пласт – конец XI начало XII вв.; 16, 17 пласты – середина – конец XII в.

Следы человеческой деятельности были зафиксированы уже на уровне материка, который залегал на глубине около 4,5 м от поверхности и представлял собой плотную серо-коричневую глину. Его относительно ровная поверхность имела небольшую покатость по линии север-юг при перепаде высот в площади раскопа на более 0,10 м. Сохранившаяся поверх материка погребенная почва имела мощность около 0,4 м (неполный 20-й пласт, 19, частично 18 пласты). При этом она полностью отсутствовала в северо-восточном углу раскопа, где до уровня материковой глины продолжался слабо насыщенный культурный слой с примесью древесного тлена и редких угольков. Помимо предметов, связанных с древним Ростовом, в погребенной почве встречены несколько кремневых отщепов и 4 окатанных фрагмента сетчатой керамики. Эти находки, как и древняя материковая яма, указывают на вероятное нахождение поблизости поселения эпохи бронзы (см. приложение).

Материк и погребенную почву прорезали несколько разновременных ям, относящихся, в основном, к начальному периоду освоения участка. Яма 1 подпрямоугольной формы большей своей частью уходила к востоку за пределы раскопа (рис. 4, 6). В ее заполнении сохранилось 13 фрагментов лепной и круговой керамики второй пол. XI в. (определение Е.К. Кадиевой). Наиболее значительная по размерам яма 3, овальная в плане, размерами 2,10×1,90 м, глубиной до 0,75 м. Заполнение ямы – темно-серый грунт с примесью щепы и угольков, в грунте присутствовали вкрапления синего налета (вивианит). В верхней части заполнения найдены железная игла, оселок, берестяное донце и 52 фрагмента керамики, из которых 8 – принадлежали лепным сосудам. С восточной стороны углубление было ограничено согнутым в дугу деревянным ободом диаметром около 1 м. По керамике и стратиграфическому положению яму можно датировать концом XI в.

Яма 4 – неглубокая корытообразная западина, уходившая в южную стенку раскопа, относилась к несколько более позднему времени рубежа XI–XII вв. К этому времени, очевидно, относится постройка 17, фиксирующая первоначальный этап строительства на участке (1-й строительный горизонт), поставленная на поверхности

погребенной почвы. Нивелировочные отметки этого горизонта в западной части раскопа -4,07–4,12 м (18 пласт), его уровень незначительно понижается по направлению к юго-востоку.

Постройка была разобрана в древности, сохранились юго-восточная и юго-западная стены и угол между ними (рис. 7). Сруб частично перекрывал яму 3 и был ориентирован углами по сторонам света. Размеры по внутренней стороне сруба 3,2×3,2 м, угловая связь представляла самый примитивный вариант – бревна стен были положены «встык» (рис. 8), при этом юго-восточная стена имела вынос длиной 0,25 м. Бревно юго-восточной стены постройки – еловая лага не имела верхнего паза для укладки следующего венца, для выравнивания южного угла под него подложили обломок бревна. Следов внутренних конструкций в площади сруба не прослежено, внутри и снаружи стены были обложены мхом, в заполнении отмечена небольшая примесь навоза. Находок, кроме нескольких мелких фрагментов круговой керамики, нет.

Других строений этого времени в площади раскопа не отмечено. Однако можно полагать, что к юго-западу от участка раскопа в это время велось активное строительство. Заполнение упомянутой материковой ямы 4 отличается обильной примесью крупной щепы и обломков дерева.

Культурный слой нижних пластов представляет собой темно-серый суглинок с локальными включениями материковой глины, щепы, редких обломков жердей и бревен, навоза, расколовшихся обожженных камней. Характер отложений показывает, что исследуемый участок городской территории в начальный период освоения был лишен постоянной застройки и, скорее, выглядел в городе пустырем, хотя состав находок отражает разнообразие городской жизни второй половины XI–XII вв.

В нижнем горизонте культурного слоя найдено 437 различных предметов из бересты, дерева, стекла, камня, железа и цветного металла. Помимо многочисленных гвоздей, среди железных изделий 14 ножей (рис. 9), два из которых сохранили остатки деревянных рукояток (рис. 9, 2, 8), еще один имел деревянную рукоятку, обтянутую тонкой кожей (рис. 9, 14). Необходимо отметить нож с прямой спинкой, без уступа переходящей в короткий черенок (рис. 9, 7). Это единственный экземпляр в коллекции Конюшенного раскопа выполненный в мерянских традициях. Подобные ножи хорошо известны в слоях XI в. раскопов в Митрополичьем саду (Леонтьев, Розанова, 2005. С. 153–160).

В этом же горизонте найдены изящные пружинные ножницы небольшого размера (рис. 10, 8), пинцет (рис. 10, 1), большая прямоугольная пряжка (рис. 10, 11), два поясных кольца (рис. 10, 4, 5), восемь железных игл. Накладка с выпуклым орнаментом (рис. 10, 9) похожа на известную в материалах Суздаля, определенную как оковка сундука (Бейлекчи, Родин, 2007. С. 219). Среди ключей два небольших от нутряных замков, (рис. 10, 6, 7), очевидно, сундучных; еще один представляет древнейший тип плоских ключей от нутряного цельнодеревянного замка – задвижки (рис. 10, 12). Подобные использовались в древнерусских городах в X–XI вв. и вышли из употребления в начале XII в. (Колчин, 1982. С. 161).

Среди изделий из цветного металла представлена серия разнообразных нательных крестов, насчитывающая пять экземпляров.

Обломок креста с грубым изображением распятия (18 пласт. Рис. 11, 9), представляет I вариант данного типа крестов по классификации Н.Г. Недошивиной, датирующийся второй половиной XI в. (Недошивина, 1990. С. 102–106). Это второй подобный крест в Ростове, первый был найден в отложениях Григорьевского раскопа, датирующихся 80-ми годами XI в. (Самойлович, 2001. С. 232). Крестик из Григорьевского раскопа отлит из белого металла, имеет не очень четкое, грубоватое в деталях изображение

и представляет собой отливку по оттиску. Крест из Конюшенного раскопа изготовлен на тонкой пластине качественного сплава на основе меди, отличается глубоким, хорошо проработанным рельефом и, несомненно, является оригинальным изделием. По мнению А.Е. Мусина, появившись из Скандинавии, крестики с изображением распятия распространялись по Руси со стороны Новгорода (Мусин, 2002. С. 169).

Крестик из белого металла с фигурными концами, выпуклым средокрестием, массивным оглавием-ушком найден на уровне 19 пласта (рис. 11, 11). По своему облику он близок к так называемым «крестикам скандинавского типа», с той лишь разницей, что боковые выпуклые бусинки на концах лопастей заменены криновидными выступами, и по-иному оформлено оглавие. Территориально ближайшие аналогии известны в материалах Белоозера (Захаров, 2004, С. 165. Рис. 42, 5–8) и Суздаля XI в. (Седова, 1997. С. 203. Рис. 73, 1). Плоский односторонний литой крест с орнаментированными оконечностями лопастей (рис. 11, 12) также имеет аналогии в коллекции Суздаля, где найден в окольном городе «у мытного рва» в отложениях XI – сер. XII вв. (Седова, 1997. С. 202. Рис. 42, 1). Ростовский экземпляр отличается затертой поверхностью и плохой проработкой рельефа. Еще один литой двусторонний крестик XII в. имеет квадратное средокрестие, округлое окончание лопастей и массивное ушко (рис. 11, 10). Найдена также некачественная отливка крестика из белого металла (рис. 11, 13).

Среди других изделий из цветного металла примечательна пряжка из медного сплава (рис. 11, 22), найденная в основании культурного слоя (19 пласт). По стилистическим особенностям орнамента она явно восходит к скандинавским образцам, в древнерусских материалах аналогии ей найти пока не удалось. Еще одна прямоугольная орнаментированная пряжка отлита из оловянистой бронзы (рис. 11, 21), найдена в 17 пласте и может быть датирована XII в. Упрощенный вариант схожей пряжки известен в материалах Новгорода начала XIII в. (Седова, 1981, рис. 65, 9; С. 147). Не удалось найти аналогий пряжке из черного металла, инкрустированной медью (рис. 11, 23).

Перстни встречены в четырех экземплярах и представляют разные типы этих изделий. Два относятся к типу узкопластинчатых, по классификации М.В. Седовой (Седова, 1981. С. 131). Перстни с орнаментом в виде косички (рис. 11, 18), по ее мнению, были широко распространены у финских племен Поволжья и Прикамья и не характерны для славянских древностей. Два подобных перстня происходят с территории Юго-Западного Белозерья, где обнаружены в комплексах XI в. (Сумина, 1999. С. 170. Рис. 2, 4). Еще один ростовский узкопластинчатый перстень с заходящими концами орнаментирован косыми насечками (рис. 11, 17). Литой пластинчатый широкосрединный перстень? украшенный розеткой (рис. 11, 6), был найден туго свернутым, что не позволило определить способ соединения его концов. Перстень с вставкой из зеленого стекла в круглом, украшенном ложной зернью щитке (рис. 11, 16), найден в 16 пласте и датируется 2-ой половиной XII в., что соответствует датировке этого типа перстней в новгородских материалах (Седова, 1981. С. 140–141).

Два бубенчика с крестовидной прорезью и косою насечкой (рис. 11, 4, 5) представляют ранний тип подобных изделий, датирующийся серединой X – серединой XI вв. (Седова, 1981. С. 156. Рис. 62, 2). Отметим также лунницу из белого металла (рис. 11, 19), обломок витого браслета (рис. 11, 20), бронзовые пуговицы (11, 1–3), фигурную накладку (рис. 11, 7). Бронзовая книжная застежка (рис. 11, 8) имеет близкую аналогию в материалах Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 112, 12).

В верхней части 16 пласта обнаружены две плоские свинцовые отливки, на которых не сохранились оттиски матриц, но по размерам и форме они могли быть слышми печатями (рис. 11, 14, 15).

Набор бус немногочислен и представлен достаточно ранними типами. Среди каменных бус – янтарная зонная и сердоликовая призматическая, (рис. 12, 8, 11), время бытования которых для Восточной Европы обычно фиксируется в рамках IX–XI вв. (Полубояринова, 1988. С. 26), бусины зонные синего прозрачного стекла (рис. 12, 5, 6) в Ростове происходят из отложений X–XI вв. (Самойлович, 2006. С. 383), а рубчатые синие (рис. 12, 3, 4, 10) встречены только в горизонте X в. в Митрополичьем саду (Самойлович, 2006. С. 374). Аналогия крупной шаровидной бусине синего стекла (рис. 12, 13) отмечена в горизонте XI в. Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду (Самойлович, 2001. С. 235).

Другие изделия из стекла представлены двумя перстнями – плосковыпуклым коричневого стекла и плосковыпуклым литым желтым с щитком (рис. 12, 14, 15).

Коллекция шиферных пряслиц этого горизонта насчитывает 12 экземпляров. Среди изделий из кости – двусторонний костяной гребень (рис. 12, 19) и часть костяной рукоятки с циркульным орнаментом (рис. 12, 18). Точеный стержень (рис. 12, 16) – подобные обычно интерпретируются как пуговицы – имеет аналогии в материалах многих древнерусских городов, в том числе Суздаля (Седова, 1997. Рис. 67, 4). Из редких находок отметим найденные в 19 пласте подвеску из клыка медведя (рис. 12, 20) и белемнит, «чертов палец» (пласт 17, XII в.).

В 16–20 пластах и в заполнении ямы 4 – удлиненной материковой западины, лишь частью вошедшей в площадь раскопа встречено, найдено большое количество деревянных предметов. В заполнении ямы 4 найдены деревянная миска токарной работы (рис. 13, 4) и обломок небольшого колесика (рис. 13, 2). Среди других предметов из ямы отметим три больших чекмаря (рис. 14, 1, 2), находка которых является еще одним свидетельством интенсивных строительных работ, поскольку чекмари большого размера, а ростовские экземпляры относятся к их числу, применяли для забивания свай и для раскалывания бревен на тесины (Колчин, 1968. С. 19. Табл. 3). Еще одна находка в яме 4 – деревянная лопата из дубовой доски (рис. 14, 3). Такой инструмент – часто встречается в Новгороде в отложениях X–XV вв. (Колчин, 1968. Рис. 5, табл. 1). Лопата, найденная в Ростове, очевидно, предназначена для рытья и вскапывания земли – эти лопаты имели прямоугольную или трапециевидную форму рабочей лопасти, они всегда делались из дуба и были достаточно острыми (Колчин, 1968. С. 17).

В яме 4 найдены также лукошко из лыка и несколько донец берестяных туесков.

В пласте 18 обнаружен предмет, который предположительно определен как пасочница – простейшего рода форма, применявшаяся для изготовления традиционного пасхального блюда из творога. Это гладко липовая тесаная дощечка овальной формы размерами 22×18 см, толщиной 1,5 см. В ее центре старательно, но не очень ровно прорезан крест с расширяющимися лопастями. Стенки прорези, как делается в формах для получения выпуклого изображения, косые, с сужением к верхней плоскости доски (рис. 13, 3). Назначение второго сквозного отверстия прямоугольного сечения, расположенного ближе к краю, неясно. Если предположение о пасочнице верно, то вероятно, что свободное крепление верхней доски с крестом к нижней осуществляется при помощи квадратного в сечении стержня. Полная, но более поздняя по времени аналогия известна в Новгороде. Такая же дощечка овальной формы с прорезным крестом и вторым прямоугольным отверстием была найдена в слое, который датируется серединой XIV в. (1340–1360-е гг.). Предмет интерпретирован как «розетка с прорезным крестом» (Колчин, 1971. Табл. 17, 5).

Редкой находкой является обломок тонкого точеного деревянного диска с отверстием посередине и круглыми углублениями, сделанными перовидным сверлом (рис. 13, 1). Диск происходит из отложений второй половины XII в. (пласт 16), изготовлен

из плотного дерева, возможно, самшита. Обломки двух таких изделий были найдены в Ростове в Григорьевском раскопе в отложениях XI в (Леонтьев, 1998. С. 142. Рис. 7, 9; Рис. 12, 1), подобные известны в Новгороде в горизонтах XIII–XIV вв. Назначение этих предметов неясно, атрибуция их в качестве подставок для ложек (Колчин, 1968. С. 85) не кажется убедительной, особенно с учетом того, что изготовлены они из ценного привозного дерева.

Керамическая коллекция нижнего хронологического горизонта представлена разрозненными фрагментами, не составляющими скоплений и не приуроченных к каким-либо участкам раскопа. Реконструированы формы нескольких круговых сосудов (рис. 15), в одном из них хранился деготь (рис. 15, 6). Найдены три донца с клеймами, среди них примечателен экземпляр с клеймом в виде пятиконечной звезды в круге. В 16 пласте, в так называемом «горизонте запустения», впервые были отмечены единичные фрагменты лепной керамики, сделанной из грубого теста с примесью крупной дресвы. Облик лепных сосудов хорошо известен по материалам древнейших горизонтов других ростовских раскопов – у Часозвона (Леонтьев, Самойлович, 1991. С. 56. Рис. 1, 3–6) и в Митрополичьем саду (Леонтьев, 1998. Рис. 8, 1–5). Эти сосуды отличает низкий, чуть отогнутый венчик, в большинстве случаев орнаментированный насечкой по краю.

В нижележащих отложениях на уровне 17–19 пластов лепная керамика составляла до 18 % всей коллекции, имела те же формы, была представлена в более крупных фрагментах, но стратиграфически не была приурочена к каким-либо пятнам или прослойкам в заполнении пластов. Восстановлены формы трех лепных сосудов (рис. 16, 1, 4, 7). Отдельные горшки, помимо орнаментации края венчика, украшены по плечикам отпечатками штампа, ногтевыми вдавлениями, прочерченным арочным орнаментом (рис. 16, 7).

Особую группу в керамическом материале раннего хронологического горизонта составляет серия фрагментов богато орнаментированных круговых сосудов из отложений второй половины XI – начала XII вв. Их отличает наличие одного или нескольких орнаментированных валиков (рис. 15, 2, 4, 5). Основной орнамент на подобной посуде – многоярядная волна или линейка по тулову, оттиски штампов или косых насечек по валикам.

Такая керамика западнославянского происхождения известна в материалах X – нач. XI вв. Новгорода, Рюрикова городища, поселений Приильменья, Пскова (Малыгин, Гайдуков и др. 2001. С. 89; Малыгин, Гайдуков, 2001. Табл. 2; Носов и др. 2005. Табл. 114; Белецкий, 1996. Рис. 55, 4). На территории Северо-Восточной Руси подобная посуда известна в материалах селища Гнездилово под Суздалем (Горюнова, Лапшин, 2004. Рис. 1, 4; рис. 5, 2). К этому же кругу древностей можно отнести и фрагмент сосуда с так называемой «путаной» волной по тулову, происходящий из отложений начала XI в. Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду (Леонтьев, 1998. Рис. 8, 9). Для круговой керамики Ростова такие сосуды нехарактерны и могут рассматриваться как привозные.

Импортная керамика представлена единичными фрагментами болгарских красноглиняных кувшинов (рис. 15, 8–10), наиболее ранние из которых происходят из напластований 18 пласта. Здесь же найден обломок кувшина с «перекрестным» лощением и косыми насечками гребенчатого штампа, подобные сосуды хорошо известны по материалам Биляра, где датируются второй половиной XI – началом XIII вв. (Кокорина, 2002. С. 52. С. 273. Рис. 20, 4). С тем же уровнем связана находка фрагмента амфоры. По данным предыдущих исследований, эти привозные предметы появляются в Ростове в 30-х годах XI в. (Самойлович, 2000. С. 271).

На глубине около 3,6 м (уровень 16 пласта) была зафиксирована прослойка почти лишенного находок плотного суглинка, местами с примесью материковой глины. Мощ-

ность «слоя запустения» в западной части раскопа составляла около 0,2 м, в восточной – менее 0,1 м. Суглинок не покрывал сплошь всю поверхность раскопа – сказались воздействия более позднего времени, но был отмечен во всех его частях. Специфический характер прослойки позволяет считать ее погребенной почвой, сформировавшейся в период запустения участка. Это время, как показали материалы вышележащих отложений, пришлось на конец XII в. Следует отметить, что и на Григорьевском раскопе в Митрополичьем саду культурные отложения, приуроченные ко второй половине XII в. отличаются малой насыщенностью и, в сущности, также фиксируют время запустения (Самойлович, 2001. С. 229).

УСАДЬБА А

(1-я треть XIII в.)

Следы последующей застройки изучаемой территории выявились в северо-восточном углу раскопа, где на глубине 3,2–3,5 м (пласт 14, 15) были расчищены две срубных постройки. Очевидная взаимосвязь строений позволяет считать их частью одной усадьбы.

2-й строительный горизонт (рис. 17). Постройка 14 вошла в площадь раскопа частично. Ориентирована она как и срубы более позднего времени, углами по сторонам света. Длина юго-западной стенки 3,8 м, длина вошедшей в площадь раскопа части северо-западной стенки 2 м, длина отрезка юго-восточной стены – 0,8 м. Сруб сохранился на два венца, рублен в обло, с остатком около 0,2 м, пазы проконопачены мхом (рис. 19). Заполнение сруба – темно-серый суглинок с незначительным включением щепы, в придонной части у юго-западной стены прослежено скопление зерна, а также расчищен беспорядочный наброс обломков бревен и досок, не позволяющий определить конструктивное устройство внутреннего пространства сооружения.

Приуроченных к площади постройки 14 находок мало – найдены единичные мелкие фрагменты круговой посуды, поделка из дерева и обломок шестилучевого колта из свинцово-оловянистого сплава (рис. 24, 4).

Постройка 15 располагалась в 1 м от постройки 14, имела ту же ориентировку, размеры 2,4×2,4 м (рис. 18). Сруб рублен в обло с остатком 0,10–0,15 м, сохранился на два венца, под юго-восточную стену было подведено дополнительное бревно для выравнивания поверхности при установке нижнего венца. В северо-восточной стене находился входной проем шириной 1,2 м, который располагался точно по центру. Внутреннее пространство сруба было беспорядочно завалено мелкими обломками дерева, определить наличие внутри помещения каких-либо конструкций не представлялось возможным. Порубочная дата одного из бревен – 1213 г.

У юго-восточного венца постройки найдена деревянная деталь в виде бруска длиной около 40 см, толщиной 8 см, с углублением под запор и дугообразной выемкой для хода двери. Дверное полотнище с выступом под запор именно такой конструкции было найдено в Григорьевском раскопе в Митрополичьем саду в горизонте 2-ой пол. XI в.

Комплекс находок, связанных с постройкой 15, выделяется обилием разнообразных ювелирных изделий. Среди них головка «звездчатой» булавки (рис. 24, 15), напускные бусины от височного кольца (рис. 24, 9–14), нашивные бляшки, крестоспиральные подвески (рис. 24, 17–19), а также лом белого и цветного металлов и льячка-тигель. Здесь же найдены многочисленные изделия из железа – обломок шпоры, ножи, большая серия разнообразных ключей к навесным замкам, один из ко-

торых, очевидно, был приготовлен для ремонта: две половинки сломанного ключа были соединены вместе (рис. 21, 4). Подробно вещевой материал будет рассмотрен и прокомментирован ниже.

В узком проходе между постройками 14 и 15 лежал большой камень со следами пребывания в огне, здесь же зафиксировано значительное скопление обожженного зерна. Можно полагать, что постройки 14 и 15 составляли единый хозяйственный комплекс и являлись кладовыми.

Существование третьей постройки 16 в 2 м к востоку от сруба 15 предположительно. Можно полагать, что остатками разобранного сруба, сохранявшего ориентировку соседних строений, являются лежавшие перпендикулярно друг другу два бревна плохой сохранности. Вероятные размеры постройки 3,8×3,8 м. Полученная дендродата указала 1224 г. рубки дерева.

Вдоль северо-западной стены постройки 15, в 0,4–0,5 м от нее, прослежены остатки плетневой ограды очень плохой сохранности. О ней можно судить по основаниям вбитых в землю жердей и оплетки из веток. Размеры сохранившегося участка плетня – 3 м.

Нельзя однозначно определить, располагался ли комплекс построек 14–16 на одном дворе, поскольку не ясно, как проходила далее к юго-западу линия плетня.

К тому же хронологическому периоду принадлежала материковая яма 10. Пятно ямы овальной в плане формы проявилось чуть ниже истинного устья на глубине около 3,7 м в виде участка влажного, чуть проседающего грунта, примыкавшего к восточному углу постройки 15. На уровне материка пятно ямы имело овальную форму, размеры 1,50×1,30 м. Ее глубина, включая материковую часть, достигала 1,6 м, стенки отвесные, дно плоское. Заполнение ямы – сильно гумусированный, очень влажный грунт с обильной примесью крупной щепы, соломы и навоза. Яма была вырыта и засыпана до строительства сруба, поскольку его восточный угол незначительно, но перекрывал ее край.

В заполнении ямы встречено большое количество находок. Здесь, в основном в придонной части, найдены два ножа хорошей сохранности, три швейных иглы, железная пряжка, спиральный перстень белого металла, медная створчатая петля. Бусины – две янтарных, крупная зонная фиолетового полупрозрачного стекла, черная с накладными нитями и глазками (рис. 25, 15). Найдены также берестяной кружок с рисунком «бегущая лошадка» (рис. 26, 2), деревянная лопатка и обломок березового веника, два обрывка ткани, один из них с мережкой. В заполнении встречены скорлупа грецкого ореха, косточки вишни и яичная скорлупа, в том числе крашенная. Вся керамика, происходящая из ямы 10, круговая, основная ее масса в мелких фрагментах, однако два горшка сохранились в практически полных развалах. Среди керамического материала – донце сосуда с клеймом «свастика» (Кадиева, 2007. С. 182).

Связанный с постройками культурный слой насыщен строительными остатками. Спил одного из обломков (14 пласт) показал вероятную дату рубки – 1223 г.

Находки этого строительного горизонта были сосредоточены, в основном, в северной и северо-восточной части раскопа, приурочены к площади построек 15 и 16 и к прилегающей к ним территории, а также к заполнению ямы 10.

Среди железных предметов серия ножей, насчитывающая 32 целых экземпляра (рис. 20), ключи (рис. 21), два пинцета, один из которых выделяется прекрасной сохранностью (рис. 22, 3, 4), кернер (рис. 22, 9) и обломок пилы (рис. 22, 7).

Обломок шпору из постройки 15 (рис. 22, 6) относится к типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова, и датируется 2-ой половиной XII – 1-ой половиной XIII вв. (Кирпичников, 1973. Табл. XX, 1). Шпора украшена точечной инкрустацией серебром или оловом, это излюбленный вариант орнаментации, присущий подобным изделиям восточноевропейского происхождения (Кирпичников, 1973. С. 63).

Из предметов вооружения встречены ромбовидный наконечник стрелы, не имеющий узкой даты, и маленький бронебойный наконечник (рис. 22, 1), относящийся к типу 92, по классификации А.Ф. Медведева, хорошо известному по материалам Новгорода, Старой Рязани и Волжской Болгарии и датирующемуся XII – 1-ой пол. XIII вв. (Медведев, 1966. С. 84).

Шесть экземпляров кресал представляют три разных типа подобных изделий. По новгородским материалам, общей датой для калачевидных (рис. 22, 15, 16), «короткоовальных» (рис. 22, 11) и «овальных заостренных» (рис. 22, 12–14) кресал может быть 1-ая половина XIII в. (Колчин, 1982. С. 163).

Из других железных предметов необходимо отметить пряжку с овальной рамкой (рис. 22, 8), фрагмент оклада (?) (рис. 22, 5), накладку с выпуклым орнаментом (рис. 22, 2), аналогичную найденной в более раннем горизонте, ладейную заклепку и инкрустированную белым металлом булавку с кольцом (рис. 22, 10).

С усадьбой А связаны первые в Ростове находки свинцовых пломб. Все они по-рознь обнаружены в толще 13–16 пластов преимущественно в северной части раскопа в пределах отметок –3,1–3,55 м. Всего найдено 11 экз., из них 4 сохранили не всегда ясные оттиски матриц (рис. 23). Читаемые сюжеты известны по находкам в других древнерусских городах. Так, пломба с изображением четырехконечного креста с точками в средокрестии на одной стороне и «кудрявым святым» на другой (рис. 23, 9) обнаружена в Старой Ладобе (Белецкий, Петренко, 1994. С. 230, 231. Рис 54), представляя класс II, разряд II.2, по С.В. Белецкому, включающему пломбы с сочетанием изображений «святой»-«крест». Такой тип пломб имел широкое распространение в XII–XIII вв. (Захаров, 2005. С. 25). Еще одна пломба несет отчетливые оттиски равноконечного креста и Т-образного знака (рис. 23, 10), у другой – крест сопровождается на оборотной стороне неясной геометрической фигурой (рис. 23, 4). На уровне догадки, обращаясь к публикации С.Д. Захарова (Захаров, 2005. С. 24. Рис. 2, 10; 6, 66; 14, 22), можно полагать, что еще одна пломба также имела изображение святого и княжеский знак на обороте (рис. 23, 7).

Многочисленна и разнообразна коллекция ювелирных изделий, среди которых есть предметы, являющиеся достаточно надежными хронологическими маркерами. Среди них лировидная пряжка, датировка которых обычно не выходит за пределы XII в. (Седова, 1981. С. 144; рис. 56, 5), ростовский экземпляр отличается малым размером (рис. 24, 29), аналогичная небольшая лировидная пряжка известна в материалах Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 94, 20).

Более узкой хронологической датой определяется бытование так называемых «звездчатых» булавок (рис. 24, 15), точная аналогия ростовской булавке известна в материалах Людогичинского раскопа в Новгороде (Седова, 1981. С. 81, рис. 29, 3), датировка подобных изделий – вторая пол. XII – середина XIII вв. (Седова, 1981. С. 78). К этому же кругу древностей относятся упоминавшийся обломок шестилучевого колта из свинцово-оловянистого сплава (рис. 24, 4), аналогии в Новгороде датируются концом XII – началом XIII вв. (Седова, 1981. С. 18, рис. 5, 9), и шесть металлических бусин от височных колец среди них одна ажурная (рис. 24, 9–14), одна сплющена (рис. 24, 12). Необходимо отметить также массивный литой двусторонний нательный крест свинцово-оловянистого сплава с позолотой (рис. 24, 20), три крестоспиральные подвески (рис. 24, 17–19), аналогии которым известны в материалах Белоозера (Захаров, 2004. Рис.62, 1–4), два крестопрорезных бубенчика (рис. 24, 5), две бронзовые булавки (рис. 24, 16, 30), обрывок цепочки (рис. 24, 8) и витой серебряный детский браслет (рис. 24, 31).

К этому горизонту относится значительная серия перстней – семь экземпляров, представляющих разнообразные типы этих изделий, хорошо известных по материалам

многих древнерусских городов и курганных могильников. Среди них: плетеный (рис. 24, 25), обломок ложновитого (рис. 24, 24), узкопластинчатый с заходящими концами (рис. 24, 28), обломок пластинчатого широкосрединного и два перстня с печатками (рис. 24, 23, 27, 26). Не удалось найти аналогий двум перстням с круглыми объемными щитками (рис. 24, 21, 22).

Некоторые изделия из цветного металла были смяты и явно представляли собой лом, предназначенный для дальнейшей переработки, а поблизости от постройки 15 были найдены льячка-тигель (рис. 25, 25) и обломок тигеля.

Изделия из стекла немногочисленны. Найдены девять обломков стеклянных браслетов и несколько бусин. Среди них: три крупных шаровидных бесцветного патинированного стекла (рис. 25, 16), представленных в ростовских материалах значительной серией и датирующихся второй половиной XII – началом XIII вв. (Самойлович, 2006. С. 372), синяя шаровидная (рис. 25, 10) с такой же датировкой (Колчин, 1982. С. 167; Самойлович, 2006. С. 372), и золотостеклянная. Еще две бусины являются датирующими для заполнения ямы 10. Одна из них – крупная зонная фиолетового стекла, по новгородским данным датируется XII – 1-ой пол. XIII вв. (Колчин, 1982. С. 167). Крупные черные бусины с накладными нитями и глазками (рис. 25, 15) в Ростове известны в материалах Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду, в отложениях X – 1-ой пол. XI вв., (Самойлович, 2006. С. 376), в Новгороде, по данным последних исследований Ю.М. Лесмана, их бытование фиксируется вплоть до 1-ой трети XIII в. Автор уточняет, что поступление их в Новгород, очевидно, прекратилось около середины XI в., но впоследствии они сохранялись «во вторичном и раритетном» использовании (Лесман, 2006. С. 247).

Среди других находок этого горизонта необходимо отметить четыре костяных гребня (рис. 25, 19, 20, 22, 24), костяную подвеску в форме когтя с бронзовым шпеньком (рис. 25, 18), костяную проколку (рис. 25, 23), музыкальный инструмент-брунчалку (рис. 25, 18), раковину каури (рис. 25, 11) и семь шиферных пряслиц.

Интересен резной деревянный ковшик с ручкой в виде головы дракона (рис. 26, 5), который, видимо, служил подсвечником – его придонная часть внутри обгорела, на дне остались следы воска.

Неожиданностью стала находка мелких фрагментов штукатурки со следами фресковой росписи и архитектурного гвоздя. Эти предметы, происходящие с уровня 13–14 пластов, явно связаны с ремонтом церковного здания и позволяют датировать слой периодом 1204–1231 гг.: от времени обрушения первого белокаменного Успенского собора (1204 г.) до окончания строительства второго храма (1231–1232 гг.).

Керамика этого горизонта представлена обычными для конца XII-первой половины XIII вв. сосудами с линейным орнаментом и эсвидным профилем, четко выраженным венчиком и короткой шейкой (рис. 27).

Учитывая полученные дендродаты и хронологию находок, время существования усадьбы А можно определить в пределах 10-х–40-х годов XIII в.

На исследованном участке находился хозяйственный двор, огороженный плетнем, здесь стояли надворные постройки, очевидно, служившие кладовыми. Вероятно, где-то поблизости находилась мастерская ремесленника-ювелира. Более высокая насыщенность находками северо-восточного участка раскопа позволяет предположить, что неподалеку располагались жилые помещения усадьбы.

УСАДЬБА Б

(50-е годы XIII в. – конец XV вв.)

Во второй трети XIII в. произошло изменение планировки участка. На уровне 12–13 пластов были выявлены остатки плетня, линия которого пересекала раскоп по диагонали в направлении ЮЗ-СВ и прошла поверх более ранних построек 14, 15 усадьбы А. С этого времени началась история усадьбы Б, просуществовавшей более 200 лет, на протяжении которых застройка изменялась пять раз.

3-й строительный горизонт (рис. 28). К этому горизонту относятся два объекта уровня 12, 13 пластов с отметками основания по нижнему венцу -3,05–3,10 м. Постройка 12 представляет собой сруб сохранившийся на два венца, значительная часть которого осталась за пределами раскопа. Размеры исследованной части 4×3,2 м. Углы рублены в обло с выпуском около 20 см, углы и пазы между венцами тщательно проконопачены мхом, выемка для более плотного прилегания венца сделана в нижнем бревне (рис. 30). Верхнее бревно юго-восточной стенки чуть сдвинуто к юго-востоку в направлении естественного склона поверхности участка. Очевидно, для предотвращения дальнейшего оползания стены, вдоль нее были вбиты три столбика-подпорки. Здесь же, вдоль стены, отмечены остатки лежавших параллельно ей тонких бревен. Скорее всего, это остатки завалинки, служившей для утепления нижних венцов дома.

В южном углу, примыкая к стенам, находилась печь (рис. 29). Ее размеры 1,2×1,4 м, она вытянута вдоль юго-западной стены. С одной стороны печь была ограничена поставленной на ребро доской шириной 24 см, с другой – обноской из двух положенных друг на друга бревен диаметром 15 см. В двух противоположных углах основания печи стояли столбы диаметром 20 см. Столбы опечка были углублены в землю от уровня нижней отметки юго-западной стены нижнего венца на 0,18 м. При разборке печи найдены мелкие обожженные камни и множество печины. На отдельных фрагментах печины видны следы выгоревших веток и отпечатки ткани. Очевидно, для устройства печного свода был использован обтянутый тканью каркас из веток, затем обмазанный глиной.

С северо-запада к обноске печи примыкали две доски, лежавшие перпендикулярно юго-западной стене сруба, оказавшиеся остатками дверного полотнища, вторично использованные как доски пола (рис. 31).

Нижнее бревно юго-восточной стены сруба оказалось составленным из трех частей – под восточный угол был подложен обрубок достаточно мощного бревна с вырубкой-«чашкой» на конце, на который опиралась обгоревшая с одного конца лага, поверх нее положили подтесанное снизу бревно с «чашкой» под южный угол сруба. Составное бревно позволило выровнять восточный угол сруба. Показательно, что при строитель-

стве этого сруба использован не просто бывший в употреблении материал, но материал заведомо для строительства малопригодный. Дендродата одного из бревен постройки 1240 г., однако оно использовано вторично.

К юго-западной стенке сруба с внешней стороны примыкал небольшой придел подпрямоугольной в плане формы, размерами 1,8×1,00 м (вытянут вдоль стены сруба). Сохранились остатки коротких бревен и досок, лежавших упорядоченно, повторяя направление стен постройки. Среди них были найдены деревянные бытовые предметы и хозяйственная утварь – чекмарь, бондарные клепки и донце, рогатина и грабли. Пристройка, видимо, не имела капитальных стен, представляла собой небольшие сени и использовалась для хранения хозяйственного инвентаря.

Назначение постройки 12 остается неясным, возможно, оно прояснится при условии ее полного исследования. Тщательность подгонки венцов, хорошо проконопаченные швы, существование завалинки могут указывать на то, что она была жилой. Печь похожей конструкции и печина с отпечатками веток и мешковины описана в материалах Белоозера (Голубева, 1973. С. 115). Можно отметить, что это строение середины XIII в. в достаточной мере соответствует этнографическому описанию жилой курной избы первой трети XX в. под Суздалем, приведенному М.В. Седовой: «Размеры избы внутри 3,53×3,48 м, высота внутри 1,85 м. Печь размерами 1,35×1,7 м была сбита из глины на деревянном опечке, под которым находилась подпечная яма. Печь топилась «по-черному», дым выходил из волоковых окон. Печь располагалась слева от входа, устьем к окнам... пол в доме дощатый, лежащий непосредственно на земле». (Седова, 1997. С. 168).

Находок, приуроченных к площади постройки 12? немного – это ключи от навесного и нутряного замков, нож, дужка ведра, свинцовый грузик, зонная бусина синего прозрачного стекла, несколько гвоздей, навершие прялки, обрывки холщовой ткани. Необычен небольшой сосудик баночной формы с узким закрытым горлом и двумя ручками-«ушками» для подвешивания (?) (рис. 51, 2), который был доверху наполнен спекшимся зерном.

Постройка 13 стояла в 3 м к юго-западу от постройки 12. Ориентирована так же, сохранился западный угол сруба и части нижних бревен юго-западной и северо-западной стенок. Размеры сохранившейся части 1,8×2,8 м. Сруб был разобран в древности, плохая сохранность дерева указывает на то, что его остатки сравнительно долго оставались на поверхности. Дендродата бревна юго-западной стенки – 1241 г.

К юго-западу от постройки 13 стояла изгородь, шедшая перпендикулярно юго-западной стене сруба, в продолжение его северо-западной стены. Сохранились основания жердей, вкопанных попарно в 15–17 см друг от друга. Расстояние между парами – около 1 м. Столбики удерживали положенную между ними тонкую лагу. Изгородь продолжалась дальше к юго-западу – остатки еще одной пары столбиков прослежены в полутора метрах юго-западнее. Ограда отделяла пятно глинистого грунта с незначительной примесью угольков. Сохранность дерева плохая, конструкция была разобрана в древности. Совпадение направления изгороди и стены сруба позволяет предположить, что они составляли единый хозяйственный комплекс.

К постройке 13 приурочены находки двух ножей, шила, двух железных игл, клепки ушата, обломков деревянных сосудов, грузила из известняка и костяного лошила, иногда определяемого как «конек».

Усадьба была огорожена плетневой оградой, проходившей примерно в 2 м от постройки 12. Остатки тонких вертикальных жердей плетня прослежены практически по той же границе, по которой в последующее время проходил частокол, за исключением северо-восточного угла раскопа, где линия изгороди первоначально поворачивала

к северу, образуя тупой угол. Впоследствии линия ограды была спрямлена. По сохранившимся на некоторых жердях остаткам коры можно сделать вывод, что в устройстве плетня использовались тонкие стволы березы и осины.

Дендродаты двух построек позволяют датировать 3 строительный горизонт серединой XIII вв.

4-й строительный горизонт (рис. 32). На уровне 11 пласта постройку 13 сменила постройка 11 с отметками по основанию -2,7–2,75 м, а вместо плетня по той же линии был возведен частокол, за которым южнее, вдоль него с внешней стороны усадьбы замостили дорожку. Все сооружения сгорели в пожаре.

Постройка 11 имела традиционное для усадебной застройки расположение углами по сторонам света. Сооружение сохранилось плохо, читается по остаткам обугленных бревен трех стен. Предполагаемые размеры постройки 3,5×3,5 м. В южном углу прослежены остатки обгоревшего дерева, которые можно интерпретировать как остатки обноски глинобитной печи – слой здесь представляет собой глиняное пятно с обожженными камнями и углем, встречаются многочисленные обломки печины.

В площади постройки найдены три ножа, оселок, костяная втулка, три фрагмента стеклянных браслетов и кусок меха.

На уровне этого строительного горизонта зафиксированы остатки частокольной ограды, которая, очевидно, сменила плетневую и сгорела одновременно с постройкой 11.

Еще одно сооружение этого горизонта – небольшой участок обгоревшей мостовой, проходившей с внешней стороны частокола, вплотную к нему (рис. 34), полностью соответствуя направлению более поздней гати. Настил мостовой был собран из горбылей и бревен, уложенных плотно друг к другу на двух мощных подкладных лагах. Ширина мостовой 2,2 м, протяженность в пределах раскопа 5 м, уходит в западную стенку раскопа, с восточной стороны продолжения не имеет, очевидно, была разобрана. Ко времени пожара мостовая была уже достаточно старой – обгорела лишь верхняя часть настила, низ бревен и подкладные лаги от огня не пострадали, видимо, уже были достаточно глубоко утоплены в землю.

Дендродата одного из кольев сгоревшего частокола 1246 г. Дендродат постройки 11 нет, однако, можно предположить, что две обугленные подкладные лаги, использованные при строительстве более поздней постройки 10, принадлежали сгоревшей постройке 11. Они датируются 1248 г. и 1252 г., таким образом, сооружения 4-ого строительного горизонта существовали во 2-ой половине XIII в.

5-й строительный горизонт (рис. 33). После пожара началось новое строительство. Ограда была сдвинута на полметра юго-восточнее, а сгоревший частокол использован как основа под нижний венец постройки 10, которая располагалась на самом краю усадьбы, почти вплотную к новому частоколу (рис. 37). Нивелировочные отметки основания сруба -2,65 м. Сруб 3×3,2 м, ориентирован углами по сторонам света и сохранился на два венца (рис. 35). Углы рублены в обло, швы между венцами тщательно проконопачены мхом. В восточном углу сруба находилась печь, которая фиксировалась по мощному слою глины, развалу обожженных камней и кусков печины (рис. 36). Размеры печи 1×1,2 м, с северо-западной стороны она ограничена поставленной на ребро доской высотой 22 см, толщиной 5 см. Проем входа в постройку прослеживался в северо-западной стене. Слева от входа, между печью и северо-западной стеной перпендикулярно ей лежали два бревна, упирившихся одним концом в венец сруба, другим – в обноску печи. В площади постройки были найдены отдельные обломки досок, представляют ли они собой остатки половиц неясно. Заполнение сруба – темно-серый грунт с вкраплениями глины и мелких пережженных камней.

Среди немногочисленных находок из постройки 10: нож, два обломка стеклянных браслетов, деревянный ковш, обломок ведерной клепки, деревянное бондарное донце, а также пара детской обуви, судя по всему, стоявшей на печи.

Расположение постройки в окраинной части усадьбы, необходимое для вывода воды и для пожарной безопасности, небольшие её размеры, печь, занимающая значительную площадь, состав находок – все это позволяет предположить, что постройка 10 служила баней. Дендродата одного из бревен – 1326 г., в качестве подкладок под восточный угол и северо-восточную стену использованы обгоревшие бревна с порубочными датами 1248 г. и 1252 г.

По мнению А.С. Хорошева, основные признаки бани – небольшой размер сруба, печь, занимающая значительную площадь, практически стерильный слой, отсутствие находок. По новгородским материалам, бани, как правило, выносились за пределы усадьбы, ближе к воде (Хорошев, 1998. С. 304). В постройках новгородского Троицкого раскопа, интерпретированных как бани (всего их шесть), печь находилась в центре помещения (там же. С. 305).

Дендродаты двух кольев частокола, огораживающего усадьбу, – 1332 г. и 1334 г., таким образом, ограда была поставлена в одно время с постройкой 10.

Какое-то время к востоку от бани на небольшом участке по линии старого частокола существовало необычное сооружение. Оно представляло собой огороженную досками площадку, на которой стояли три «столбика» из многослойной бересты. Береста была скручена внутренней стороной наружу, образуя полости диаметром 15–16 см, заполненные плотной материковой глиной. Высота «столбиков» составляла около 20 см, они стояли по углам площадки подквадратной формы размерами 0,9×0,8 м. Следует отметить, что береста, заполненная глиной, представляет жесткую и прочную конструкцию. На площадке, которую ограничивали «столбики», было расчищено скопление стеблей льна-долгунца, лежавшего небольшими снопами, упорядоченно, занимая всю площадь площадки. Подо льном расчищены остатки небольшого настила, вписывающегося в ту же площадь. Можно предположить, что лен лежал на небольшом настиле-столешнице, опорой которому служили «столбики», и сооружение связано с процессом обработки (обмолотом?) льна.

Рядом располагался небольшой очаг, сложенный из камней размерами 12–20 см. Очаг имел подковообразную форму, размеры 0,7×0,5 м. Камни очага с внутренней стороны были закопчены, в его заполнении отмечены угли, зола, редкие куски печины.

Очевидно, очаг и настил со льном составляли единый комплекс. Известно, что при отбеливании льняной нити или холста, их заливали горячим щелоком и выдерживали какое-то время в теплом месте.

На прилегающем к этому комплексу участку раскопа найдены многочисленные обломки трепал и чесал для обработки льна, а также детали прялок и юрок. Неподалеку были найдены деревянные пяльцы для плетения (рис. 38). Пяльцы представляли собой две прямоугольные рамы из тонких планок, крепящиеся на средней оси. Между верхними перекладинами сохранились остатки ткани, которая фиксировала высоту их установки. Реконструкция пялец и способ их применения по этнографическим и современным данным представлены на рис. 39.

За пределами усадьбы, с внешней стороны частокола, примыкая к нему, шла дорожка, мощенная ветками (гать), проходившая вдоль границы усадьбы и пересекавшая весь раскоп. Она сменила ранее устроенный бревенчатый настил. Гать представляла собой наброс молодых елей и еловых веток (сохранилась хвоя), сложенных достаточно упорядоченно (рис. 34, 35). Ширина мощения 2,2–2,5 м. Нивелировочные отметки его поверхности четко показывают уклон поверхности по направлению юго-запад-северо-восток:

у юго-западного угла раскопа мощение фиксируется с глубины около 2,3 м, у восточного борта раскопа – на глубине около 2,9 м. Можно полагать, что дорожка существовала достаточно долго и подновлялась, поскольку толщина утопленного в грунт слоя веток достигала местами 30–40 см. С внешней юго-восточной стороны проулка основу отложений составлял слоистый навоз с прослойками соломы и редкими включениями щепы.

Есть основания полагать, что на протяжении достаточно длительного времени, предшествовавшего строительству построек 7 и 8 следующего строительного горизонта, исследованный участок находился в запустении. Обильная примесь щепы в слое, зафиксированная в северо-западном углу раскопа, свидетельствует о строительных работах на участке, находящемся где-то поблизости, и не вошедшем в площадь раскопа. Возможно, именно в это время за счет более быстрого нарастания культурного слоя в северной части раскопа образовался покатый склон к юго-востоку. Этот период пришелся на уровень 8, 9 пластов и соответствовал времени второй половине XIV– первой половине XV вв.

6-й строительный горизонт (рис. 40). Последний в истории усадьбы Б. К этому строительному ярусу относятся две хозяйственные постройки, частокол, фиксирующий границу усадьбы и небольшой участок мостовой, оставшейся, в основном, за пределами раскопа. Отметки основания строений в пределах -2,0–2,10 м (уровень 8 пласта).

Постройка 7 – ориентирована углами по сторонам света, вошла в площадь раскопа южным и восточным углами. Сохранившийся на два венца сруб рублен в обло с небольшим остатком, толщина бревен 0,15 м, длина юго-восточной стенки 4 м, юго-западной в пределах раскопа -3,6 м, северо-восточной – 1 м. Из внутренних конструкций строения сохранилась лежавшая параллельно юго-восточной стене, на расстоянии 0,8 м от нее, лага – переводина под доски пола. Перпендикулярно ей лежали обломки половых досок. Сохранность дерева очень плохая. Очевидно, постройка была разобрана и ее остатки достаточно долго оставались на поверхности. Дендродаты постройки 7 – 1459, 1467, 1472 гг.

Постройка 8 располагалась в 2-х м к юго-западу от постройки 7. Сруб квадратной в плане формы, размерами 4×4 м, ориентирован углами по сторонам света (рис. 41). Сохранились три стены нижнего венца, западный угол и юго-западная стена уничтожены при строительстве водосборного колодца 2 яруса, юго-восточная стена перебита при прокладке траншеи для дренажной трубы. Углы рублены в обло с небольшим остатком. Внутри сруба сохранились остатки двух переводин под доски пола, идущих от юго-восточной стены к северо-западной, следов их врубки в бревна венца нет. Для выравнивания нижнего венца, учитывая уклон поверхности к юго-востоку, под северный, восточный и южный углы сруба были достаточно бессистемно подложены несколько коротких обрубков бревен. Некоторые из них имеют вырубки-«чашки», не связанные с устройством постройки 8, и следы пребывания в огне. Дендродата одной из подкладных лаг – 1310 год, дендродата бревна юго-восточной стены постройки 8 – 1462 г.

Заполнение постройки отличалось сильной примесью навоза, здесь же отмечено скопление рыбьей чешуи, найдены пряди конских волос, пучки мха. Внутри сруба, у северо-восточной стенки стоял целый сероглиняный горшок (рис. 51, 1), лежали обработанные ивовые прутья, приготовленные для плетения, а также весло и несколько береговых поплавок. Несомненно, постройка 8 являлась клетью-кладовой.

С северо-запада к постройке 8 примыкал мощный участок. Мостовая проходила в 0,4 м от северо-западной стены сруба, была сложена из горбылей и бревен диаметром 0,15–0,2 м, некоторые из которых использовались вторично – имели вырубки-«чашки»

и «шипы» на концах. Бревна были уложены на грунт, без использования подкладных лаг. Вплотную к настилу, ограничивая его, лежала лага диаметром 0,22 м, длиной 3,6 м. Мостовая вошла в площадь раскопа небольшим участком, ее ширина в пределах раскопа составляла 2,4 м, длина – 3,6 м,

В двух метрах к юго-востоку от постройки 8 проходила линия частокола, огораживавшего усадьбу с юго-востока. Частокол сохранился на протяжении 8 м, далее оказался перебит водоотводной трубой XVII в. и постройкой 6. Небольшой участок линии ограды, продолжавший ее в том же направлении сохранился в северо-восточном углу раскопа.

Частокол состоял из стоявших вплотную друг к другу столбов диаметром 0,10–0,13 м. Для укрепления основания, почти на всем протяжении сохранившейся части ограды, с обеих сторон была сделана обноска из небольших обрубков бревен. В некоторых случаях для этого использованы выпавшие старые колья того же частокола. Еще одна линия частично разобранный частокола шла от постройки 8 перпендикулярно ее юго-восточной стене и основному частоколу. Ограда состояла из шести таких же столбов, но без обноски по основанию, и сохранилась на протяжении менее одного метра.

С 6-ым строительным горизонтом связано большое количество индивидуальных находок, сосредоточенных, в основном, в пределах усадебного двора и приуроченных к заполнению построек.

В постройке 7 найдены несколько ножей, грибовидная бронзовая пуговка, деталь наборной костяной рукоятки, несколько обломков стеклянных браслетов.

В площади постройки 8 найдены нож, небольшая стамеска, серебряное детское колечко (рис. 45, 6), крупный односторонний деревянный гребень с прочерченными антропоморфными фигурками (рис. 48, 5), камень-терочник, деталь ткацкого станка, шерстяной пояс, сплетенный в узелковой технике из двухцветной нити (рис. 49, 3), а также плетеное изделие, выполненное из сложенных вместе лыковой и кожаной полос – возможно, часть лаптя, подобного известным из раскопок в московском Зарядье (Осипов, 2006, С. 41). Особый интерес представляют найденные в площади постройки куски благовонной смолы. Темно-коричневое маслянистое на ощупь вещество издает при нагревании запах ладана.

С постройками 6-ого строительного горизонта оканчивается история усадьбы Б, существовавшей на протяжении почти двухсотпятидесяти лет с середины XIII до конца XV вв. Общая мощность связанного с усадьбой культурного слоя составляет 1,6 м.

За это время на территории хозяйственного двора четырежды сменились постройки и сооружения. Планировка двора не была традиционной, постройки не наследовали друг другу, и каждая последующая ставилась на новом месте. Традиционной на протяжении всего этого времени оставалась лишь ориентировка срубов на площади двора, которая, очевидно, диктовалась направлением склона берега.

Усадебные постройки представляли собой клетки – простейшие однокамерные срубные конструкции небольшого размера, имевшие хозяйственное назначение. Одна из построек предположительно была баней, не исключено, что постройка 12 могла быть жилой.

Особенностью, характеризующей надворные постройки Ростова XIII–XV вв., оказалось очень плохое качество строительных материалов. Дерево построек в большинстве случаев было использовано многократно, часто применялся материал нестроеного калибра, молодое дерево, дерево лиственных пород (береза, осина, ольха). Полученные дендродаты показывают, что разброс порубочных дат использованных в одном строении бревен мог достигать 50 лет. Использование некачественного материала является косвенным свидетельством того, что хорошего строевого леса в окрестностях Ростова к этому времени стало недостаточно.

Коллекция разнообразных предметов, связанных с усадьбой 2 пол. XIII–XV вв. насчитывает 770 единиц и в основном представляет характерные для своего времени вещи, хорошо известные по материалам других древнерусских городов. Среди них много предметов домашнего обихода, хозяйственного инвентаря и различного инструментария. Самыми многочисленными находками являются ножи. Всего найдено 40 экземпляров ножей и их обломков, несколько изделий сохранили рукоятки из кости, дерева и капа (рис. 42).

Коллекция ключей насчитывает 7 экземпляров. Среди них – один от внутреннего замка (рис. 43, 8) и 6 ключей от навесных замков (рис. 43, 1–7), относящихся к типам Б и В, по новгородской классификации (Колчин, 1982. С. 162). Найдены три корпуса навесных замков (рис. 43, 9–11) и три пружины к ним. Из отложений 6-ого строительного горизонта (середина XIV в.) происходят две цепи (рис. 44, 6, 7), обе двухзвенные, с пробоями, одна – из перекрученного дрота. К этому же времени относятся находки остроги (рис. 44, 3), накладки, орнаментированной медными вставками (рис. 44, 4) и оковки лопаты (рис. 44, 5).

Встречены два зубила, стамеска (?), шилья, два пинцета (рис. 45, 10, 12) один из которых, так называемый «плоскогубый», аналогичен найденному в Новгороде на Нутном раскопе в отложениях конца XIV в. (Гайдуков, 1992. С. 89, рис. 48, 1). Ростовская находка имеет ту же датировку.

Найден наконечник стрелы (рис. 45, 13) – так называемый «кунжутолистный», тип 72? по классификации А.Ф. Медведева. Подобные наконечники появились в Восточной Европе во время монгольского нашествия, достаточно широко распространились в XIII–XIV вв., известны в материалах Старой Рязани, Смоленска, Пскова и Новгорода (Медведев, 1966. С. 78).

Среди ювелирных изделий – серебряное височное кольцо с двумя напускными бузинами (рис. 45, 1), встреченное недалеко от постройки 10, и серебряная лунница поляя, двусторчатая (рис. 45, 7). Детский пластинчатый браслет из свинцово-оловянистого сплава (рис. 45, 4), представляет один из самых распространенных типов браслетов с прямосрезанными концами и орнаментом «косой крест». В Новгороде подобные украшения получили наибольшее распространение в XIII–XIV вв. (Седова, 1981. С. 110, рис. 41, 2). Из редких находок интересен бронзовый браслет, сделанный из круглого стержня с оплеткой из тонких проволочек (рис. 45, 11), аналогия его известна в древностях Усть-Шексны (Рыкунова И.И. и др. 2004. С. 197, рис. 107, 2). Найдены также витой браслет (рис. 45, 5), ложновитой бронзовый перстень (рис. 45, 2), серебряный детский пластинчатый перстенок (рис. 45, 6) и крупный бронзовый шаровидный бубенчик (рис. 45, 9) с линейной прорезью, по новгородским материалам они датируются в широких хронологических рамках XI–XIV вв. (Седова, 1981. С. 156).

Бронзовая плоская ажурная подвеска-уточка (рис. 45, 8), встреченная рядом с постройкой 7, архаична в контексте материалов городской усадьбы середины XV в. Такие подвески относятся к группе 1, типу IV по классификации Е.А. Рябинына, и датируются XII-сер. XIII вв. (Рябинин, 1981. С. 13). Е.А. Рябининым данный тип подвесок определен как «достаточно редкий, происходящий в основном из городских центров Северо-Восточной Руси – Суздаля, Владимира, Ярополча Залесского» (Рябинин, 1981. С. 18). За последние годы географический и хронологический ареал подобных подвесок значительно расширился. К тринадцати экземплярам, вошедшим в каталог Е.А. Рябинына, кроме ростовской можно добавить экземпляры найденные в Болгаре и Биляре (Полякова, 1996. Рис. 64, 7; Полубояринова, 1993. С. 80. Рис. 31, 3), в Старой Рязани (Даркевич, 1996. С. 240), на селище Введенском под Ярославлем (Праздников, 2002. С. 59, рис. 1), в Угличе, в постройке XIV в. (раскопки А.Б. Селезнева, 2003 г.), в Пле-

се (подъемный материал, сообщение И.В. Купцова), в Ярославле на Стрелке (Фараджева, Осипов, 2007), в Усть-Шексне и на поселении Луковец в среднем течении Шексны (Кудряшов, 2006. С. 163. Рис. 18, 2).

Среди стеклянных предметов около ста обломков стеклянных браслетов и обломок перстня синего стекла со щитком. Еще четыре перстня найдены в отложениях XVII в., они явно попали туда при земляных работах по устройству водоотводной системы с уровня усадебных отложений. Один из них синего прозрачного стекла, декорированный многоцветной крошкой по внешнему краю (рис. 46, 11), представляет собой византийский импорт (определение Е.К. Столяровой). Еще три – плосковыпуклые, массивные из голубого (бирюзового) непрозрачного стекла. В Ростове аналогичный перстень был найден в раскопе у Часозвона в отложениях конца XIII–XIV вв. Такие перстни известны в материалах Новгорода, где происходят из слоев того же времени и отнесены Ю.Л. Щаповой к западноевропейскому импорту (Щапова, 1963. С. 115). Однако аналогичные по составу стекла перстни выявлены при изучении материалов стеклоделательной мастерской на Селитренном городище. По мнению М.Д. Полубояриновой, именно этот рецепт стекла был одним из характерных для Поволжья в золотоордынский период, поэтому ей предложено рассматривать новгородские перстни этого типа как изделия золотоордынских мастеров (Полубояринова, 1988. С. 197).

Стеклянная посуда представлена фрагментом сосуда из прозрачного стекла, с рельефным рисунком и эмалевой росписью голубой и золотой красками (рис. 46, 15). Такие высокогорлые флаконы происходят из мастерских Алеппо (Сирия), фрагмент аналогичного сосуда встречен в Твери в постройке с дендродатой 1333–1364 гг. (Егорьков, 2001. С. 141. Рис. 1, 80). Редкой находкой являются найденные в отложениях XIV в. фрагменты так называемого «бородавчатого» кубка – высокого, конусовидного, из тонкого бесцветного стекла, украшенного по всему тулову небольшими налепами-шишечками округлой формы (рис. 46, 17–19, 21). Подобные изделия связывают с деятельностью богемских мастеров и датируют XIV в. (Гейдова и др. 1983. С. 131), однако известны итальянские аналогии, относящиеся к концу XIII в. (Gasparetto, 1975. Fig. 3)*.

В напластованиях 6-ого строительного горизонта в усадебном слое рядом с постройкой 10 найден обломок чаши синего прозрачного стекла с росписью золотом (рис. 46, 10). На фрагменте изображен юноша с поднятой вверх головой, ветки кипариса над головой юноши похожи на деталь декора на чаше из Новогрудка (Гуревич и др., 1968. Табл. VII, 2). Поверх золотой росписи нанесена тонкая защитная стеклянная пленка. Такая техника сближает чашу с сосудами синего стекла, найденными в Коринфе и Египте, где они датируются XI – нач. XII вв. (Щапова, 1963. С. 125).

Среди стеклянных бус: две зонные желтые, эллипсоидная зеленого прозрачного стекла (рис. 46, 8) и винтообразная синего прозрачного стекла – по материалам Новгорода, подобные изделия датируются сер. XII – концом XIV вв. (Колчин, 1982. С. 167).

Интересны две так называемые «пятнистые» бусины – одна из них двухчастная, с основой из темно-коричневого непрозрачного стекла и пятнами белого, желтого и печеночного цвета (рис. 46, 1). Эта бусина бракованная – одна часть ее сплюснута и канал заплыл. Вторая бусина зонная, с основой из черного глухого стекла, сплошь покрытого полихромными пятнами (рис. 46, 2) – подобные бусы известны в материалах Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 297, 15), Саркела – Белой Вежи (Львова, 1959. С. 328, рис. 6, 17), Хорезма в золотоордынский период (Полубояринова, 1988. С. 171), в могильниках Прикамья, где они происходят из захоронений XIII–XIV вв. (Голдина, Кананин, 1989. С. 72, тип 125) и в мордовских могильниках того же времени (там же. С. 90).

---

* Благодарю Ю.А. Лихтер за любезную консультацию и ссылку на публикацию.

Две янтарные бусины, так называемые, «эллипсоидные уплощенные» или «плоскоовальные» (рис. 46, 28, 29), по новгородским материалам датируются XIV–XV вв. (Колчин, 1982. Рис. 7) и являются одной из самых характерных для Новгорода форм бус из янтаря (Полубояринова, 1994. С. 77). Подобные бусы также широко представлены в золотоордынском слое Болгара (Полубояринова, 1991. С. 44. Рис. 3, 10). Ростовские экземпляры укладываются в ту же датировку, к финальному периоду существования усадьбы относится крупный кусок янтаря со следами сверления (рис. 46, 30). Редкой является находка в слое крупного кристалла граната (рис. 46, 23), который был встречен рядом с постройкой 8.

Найдены два крупных креста из серого шифера (рис. 46, 26, 27), а также миниатюрные из самшита и янтаря (рис. 46, 24, 25). Янтарный крестик украшен циркульным орнаментом, самшитовый не имел отверстия для подвешивания. По новгородским аналогиям можно предположить, что он был оправлен в металл (Полубояринова, 1994. С. 81). Необходимо упомянуть также заготовку образка из серого шифера (рис. 46, 22), который также попал в отложения середины XVII в. при прокладке траншеи под трубу водовода.

Изделия из кости представлены серией гребней (рис. 47, 19, 21, 22), один из которых сделан из моржового клыка (рис. 47, 19). Достаточно редкой находкой является втульчатый наконечник стрелы (рис. 47, 16), хотя возможно, это навершие в форме заостренного конуса. Найдены игральные кости, одна из которых, в подражание настоящей, вырезана из плотного рога (пласт 8). Это второй случай находки в Ростове «шутерской» игровой кости. Встречено также около двух десятков деталей костяных наборных рукояток, преимущественно в 8, 9 пластах (рис. 47, 2–9). В Новгороде подобные изделия приурочены к напластованиям конца XIV–XV вв. (Гайдуков, 1992. С. 101). Обломок еще одной орнаментированной костяной рукоятки (рис. 47, 11) был найден в пласте 10.

Две костяные пуговицы явно привозные. Одна из них тонированная, вишневого цвета, с инкрустированным серебром циркульным орнаментом по ребру (рис. 47, 17), вторая – более грубой работы, также с инкрустацией (рис. 47, 17). Подобные изделия, встречаясь в единичных экземплярах в материалах многих древнерусских городов (Захаров, 2004. Рис. 223, 4, 5; Седова. 1997. Рис. 67, 6), значительной серией, насчитывающей более 40 экземпляров, представлены в материалах Волжской Болгарии, где бытовали, практически не меняясь, в широком хронологическом диапазоне X–XIV вв. (Руденко, 2005. С. 72, табл. 18, 357, 370, 347). Представлен также другой, более распространенный в средневековье тип пуговиц: биконических с перехватом в центре для крепления в петле (рис. 47, 12). Еще одна круглая в сечении объемная пуговица с двумя сквозными отверстиями (пласт 7) имеет вполне современный вид (рис. 47, 13). Неясно назначение усеченно-конической поделки с округлым верхом, украшенной двумя линиями двойного линейного орнамента (пласт 7, рис. 47, 14). Боковые отверстия с общим выходом вверх явно предназначены для шнурка. Вполне возможно, что это корпус печатки. Сама печать крепилась (наклеивалась) на плоское основание. Интересна обоймица, представляющая собой две плоских костяных пластины, соединенные тремя бронзовыми шпеньками (рис. 47, 23, пласт 10). В пласте 9 найдены костяной вертлюг (рис. 47, 15) и лоцило (рис. 47, 20).

Среди изделий из глины – рыболовные грузила как дисковидные, так и бочонковидные разного размера. К рыболовным принадлежностям относятся также поплавки из бересты и сосновой коры. Кожаные изделия представлены многочисленными фрагментами обуви, среди которой можно отметить пару детских туфель, стоявших на печке в постройке 10. Найдены также ножны (рис. 49, 4), мяч (?), кошельки и прочие бытовые предметы, хорошо известные по материалам других древнерусских городов.

Деревянные изделия представлены разнообразными бытовыми предметами – гребнями (рис. 48, 3–5), один из которых был орнаментирован (рис. 48, 5), ложками, бондарными клепками и донцами, уже упоминавшимися чесалами (рис. 48, 6, 7), точеными сосудами. Одна из деревянных мисок имела внутри на донце клеймо в виде «птичьей лапы» в круге (рис. 48, 1). На бондарном донце было встречено выжженное клеймо (рис. 48, 2). Интересна деревянная резная деталь, очевидно, представлявшая собой боковую поверхность крышки ларца (рис. 48, 8). Найдены также фрагменты льняной и шерстяной ткани, вязаные рукавицы и плетеные пояски (рис. 49). Редкой является находка войлочной попоны под седло, отороченной кожаной бейкой и украшенной аппликацией из кожи, орнамент имеет явные восточные мотивы.

Керамической коллекции этого горизонта посвящена специальная статья Е.К. Кадиевой (Кадиева, 2004). Автором отмечено разнообразие форм сосудов (рис. 50) – в наборе посуды, кроме обычных кухонных горшков разных размеров, присутствуют сосуды баночного типа небольшого размера, блюда (рис. 50, 9, 10) и так называемые «стаканы» (рис. 50, 12, 13, 16). Подводя итог своему исследованию, автор делает вывод, с одной стороны, о продолжении традиций гончарного дела домонгольского времени, а с другой – о процессе стандартизации круговой керамики Ростова, завершившегося, очевидно, к концу XIV в. (Кадиева, 2004. С. 523.).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДВОР (XVI – 1-я пол. XVII вв.)

Верхний горизонт культурного слоя включает отложения XVI – 1-ой пол. XVII вв., когда на изучаемой территории стояли отдельные хозяйственные или служебные постройки с локальными мощеными участками. Соответствующий этому времени верхний горизонт культурных отложений, составляющий заполнение 1–6 пластов, представляет собой темно-серый суглинок с примесью кирпичной крошки, редкими включениями извести и угольков, в северо-западном углу раскопа имеет мощность около 1,3 м, в юго-восточном углу – до 1,9 м, фиксируя, таким образом, уклон поверхности в сторону озера. Учитывая сложившуюся на протяжении XVI – 1-ой пол. XVII вв. традицию хозяйственного использования исследованного участка, в дальнейшем продолженную строительством здесь Конюшенного двора, можно полагать, что, по крайней мере с начала XVI столетия, эта территория принадлежала Ростовскому архиерейскому дому.

7-й строительный горизонт (рис. 52). Ранняя история хозяйственного двора связана с существованием на исследованном участке мастерской по изготовлению керамических половых плиток. В использовании этого сооружения можно выделить два этапа. К первому относится постройка 6, дошедшая до нас в полуразобранном виде. Сохранились северо-восточная и нарушенная дренажной канавой юго-восточная стены, размерами соответственно 4,8 м и 2,4 м. Внутри сруба найдено скопление половых плиток со следами пребывания в огне (рис. 53), насчитывающее более 30 целых и разбитых экземпляров. Плитки квадратной формы, трапециевидные в сечении, различны по размерам. Шесть из них имели следующие размеры: малая площадка 14×14 см, большая площадка 16×16 см, толщина 3 см, две плитки имели на малой площадке клеймо в виде буквы «п». Остальные экземпляры имели меньшие размеры: малое основание 13×13 см, большое основание 14×14 см, толщину 2 см, на них стояли клейма в виде буквы «и», а также «косой крест» и «дуга по диагонали» (рис. 55). Часть плиток имела на поверхности сажистый налет и следы известкового раствора, другие явно не были в употреблении.

Постройка была разобрана, и поверх нее был устроен настил из пяти мощных, толщиной до 7 см, досок длиной 3,8 м, шириной 30–35 см, уложенных на три лаги. Северо-западный край настила был укреплен оградой из жердин диаметром 5–7 см, вбитых в землю вплотную друг к другу вдоль крайней доски настила. Еще два таких же, судя по использованному строительному материалу, настила вошли в раскоп частично, оставшись, в основном, за пределами раскопа.

На настилах хранилось сырье для производства плиток – голубовато-серая материковая глина, толщина пласта которой достигала 0,5 м. Очевидно, глина постепенно

оползала вниз, фиксируя естественный уклон дневной поверхности с севера-запада на юго-восток. Мощность глиняной линзы, занимавшей почти всю центральную часть раскопа, достигала 0,4 м, перепад нижних нивелировочных отметок этого горизонта от -1,90 м у северной стенки до -2,40 м в юго-восточном углу раскопа.

На настиле, в слое глины сохранились аккуратно сложенные глиняные плитки, аналогичные описанным выше плиткам большого размера без клейм (рис. 54). Плитки новые, не бывшие в употреблении, изготовлены из теста с сильной примесью песка и мелкой дресвы, имеют светло-охристый цвет, неровный обжиг и представляют собой производственный брак – из-за плохого обжига они расслоились.

Плитки, аналогичные найденным в площади постройки 6, с клеймом в виде буквы «и» были найдены в раскопе у Успенского собора в горизонте разрушения собора XIII в. (Леонтьев, Отчет 1987 г. Л. 5).

Дендродата постройки 6 – 1507 год, одной из лаг настила для хранения глиняного сырья – 1510 год. Таким образом, сооружение мастерской по производству глиняных плиток пола можно отнести к концу первого десятилетия XVI в. При этом старые плитки из Успенского собора, очевидно, были использованы в качестве образцов. К каким строительным работам было приурочено устройство плиточной мастерской, сказать трудно. Строительство нового здания Успенского собора, по последним данным, относится к 1506–1512 гг. (Леонтьев и др. 1996. С. 5 ; Рузаева Е.И. 2007). В середине XVI в. на Соборной площади была построена церковь Иоанна Предтечи, ей предшествовал деревянный храм (Леонтьев, 1998. С. 30), но глиняные половые плитки, найденные при раскопках этих сооружений имели прямоугольное сечение и небольшую румпу (Леонтьев, 2006. С. 229. Рис. 4, 5).

К этому же строительному ярусу относится постройка 9, которая находилась в юго-восточном углу раскопа и представляла собой сруб, ориентированный углами по сторонам света. Сохранились юго-восточная, юго-западная и северо-западная стены. Размеры постройки 2,8×3,00 м, связи углов не прослеживались. Внутри сруба по линии С-Ю сохранилась доска, возможно, половая. За пределами сруба, параллельно юго-восточной и юго-западной стенам находились отдельно лежащие бревна. Кроме того, с северо-западной стороны вдоль стены сруба были вкопаны три столба.

В заполнении постройки 9 отмечено значительное содержание угля, а также найдены продукты железодельного производства – две крицы. Одна из них лепешковидной формы, диаметром около 12 см, весом 1,3 кг. Вторая имеет форму придонной части сосуда, диаметр 13 см, толщину около 4 см, вес 1,6 кг.

Дендродата одного из столбов поблизости от постройки 9 – 1509 г. Пространство между постройкой 9 и настилами для хранения глиняного сырья было замощено. Таким образом, можно полагать, что постройка 9 являлась одним из производственных сооружений единого хозяйственного комплекса.

К 8-ому строительному горизонту отнесена постройка 2 и водоотводная система (рис. 56). Постройка 2 расположена в юго-восточном углу раскопа, вошла в его площадь своим западным углом и, частично, северо-западной и юго-западными стенами, размеры исследованной части 5×3 м. Сруб сохранился на один венец, но, поскольку постройка была сооружена на склоне (падение по направлению З-В составляло около 0,3 м), северо-западная стена имела дополнительное нижнее бревно в половину своей длины. Подкладки из большемерных кирпичей были прослежены у западного угла, под бревном северо-западной стены, отдельные кирпичи находились в площади постройки и очевидно использовались как подкладки для переводов пола. Кирпичи имели разные размеры: 15×28×8 см; 13,2×30×7 см; 14×?×7 см, и по качеству теста аналогичны тем, из которых сложено здание Успенского собора.

В нижней части заполнения сруба были отмечены большие полотнища бересты, очевидно использовавшиеся для гидроизоляции пола. В юго-восточном углу площадь постройки перебитая поставленной на ребро доской толщиной до 7 см, ограничивавшей позднюю хозяйственную яму.

С юго-запада к постройке 2 примыкал настил из 12 бревен, лежавших вплотную друг к другу. Ширина настила в пределах раскопа 1,9–2,2 м, несколько бревен имели на концах «шип», т.е. на настил были использованы остатки рубленной «в шип» постройки. Бревна настила были уложены прямо на грунт, без использования подкладных лаг. Дендродата двух бревен настила – 1610 г., очевидно, к этому же времени может быть отнесено и строительство постройки 2.

Еще одно сооружение этого строительного горизонта – водосборная система, пересекавшая участок раскопа с запада на восток (рис. 57). Хорошая сохранность позволяет полностью восстановить принцип устройства и функционирования сооружения, представляющего собой водосборный накопительный колодец и систему связанных с ним труб. Колодец размерами 1,8×1,00 м был сделан из стоящих вертикально плотно друг к другу бревен диаметром 0,18–1,20 м, сохранившихся на высоту 1,00–1,2 м. Для устройства колодца была выкопана яма диаметром около 2 м, затем заостренные бревна были вбиты в грунт. С внешней стороны бревна были обнесены опалубкой из вертикально стоящих, плотно прилегающих друг к другу досок шириной 0,15–0,18 м. Углы колодца с внутренней стороны усилены дополнительными кольями, вероятно, сверху колодец закрывался крышкой. В Новгороде подобные водосборные колодцы имели вид сруба с соединением венцов в обло или «в лапу», имели дно и периодически чистились (Сорокин, 1998. Рис. 11). Ростовский колодец dna не имел, в его заполнении найдено большое количество ореховой шелухи и вишневых косточек.

С водосборным колодцем связана система водоотводных труб. В нижний северо-западный угол колодца входила труба, длиной в площади раскопа 1 м, ее наклон по этой длине составлял 2 см. От верхнего юго-восточного угла колодца отходила труба, составленная из двух колен и имевшая длину 12,8 м. Уклон трубы в площади раскопа составлял 0,38 м. Разница по высоте между устьями входящей и исходящей труб составляла 0,4 м. Еще одна труба была врезана в длинную исходящую трубу с севера (рис. 58). Ее длина в пределах раскопа составила 4,4 м, и уклон на этом отрезке равнялся 0,82 м. Трубы диаметром около 0,25 м были сделаны из расколотых пополам еловых бревен с выдолбленной сердцевинной, толщина стенок составляла 3–4 см, составленные вместе половины были плотно обмотаны полотнищами бересты. Трубы очень хорошо сохранились, берестяная обмотка была настолько плотной, что внутри они не были заилены. Более того, система продолжала действовать, и из западной трубы поступала вода.

Результаты дендроанализа не дали однозначной датировки строительства водоотводной системы. Порубочные даты определены для 28 бревен, использованных при строительстве колодца, при этом 25 образцов дали даты в интервале 1586–1589 гг. и три образца датированы 1609 годом. Большой разброс порубочных дат позволяет интерпретировать полученные данные двояко: либо колодец и, следовательно, вся водосборная система сооружалась в конце 1580-х годов и ремонтировалась около 1610 года, либо строительство относится к концу первого десятилетия XVII в., но для него было использовано, в основном, старое дерево. Скорее можно принять второй вариант датировки, поскольку ремонт подобного сооружения затруднителен, а традиции использования бывшего в употреблении строительного материала в Ростове хорошо известны.

Судя по направлению уходящей в восточную стенку раскопа водоотводной трубы, возможно, в оставшейся за пределами раскопа части постройки 2 стоял еще один колодец – водосборник, или, по новгородской терминологии, «дрена», или «водотяга». Устройство

дренажных колодцев-отстойников в площади срубов, или с внешней стороны одной из стен – обычная практика в Новгороде (Гайдуков, 1992. С. 13; Сорокин, 1995. С. 61).

Похожее сооружение, представлявшее собой колодец из дубовой колоды и две деревянные, обмотанные берестой трубы, врезанные в колоду на разной высоте, было исследовано на территории Троице-Сергиевой лавры и определено автором работ как водопровод (Вишневский, 2007. С. 352–354).

9-й строительный горизонт представляет постройка 1, остатки которой зафиксированы в северо-западном углу раскопа на уровне 1 пласта (рис. 59). Она ориентирована углами по сторонам света, сохранился рубленный в обло южный угол. Бревно юго-восточной стены имеет вынос около 1 м, параллельно ей на расстоянии 1,4 м с внешней стороны сруба лежало бревно такой же длины, связанное со стеной общей подкладной лагой. В площади постройки расчищены остатки бревенчатого настила. Находок нет. Очевидно, сооружение имело хозяйственное назначение

Самыми поздними сооружениями, вскрытыми в площади раскопа, являются выходящие на поверхность две небольшие творильные ямы с досчатым дном и стенками, сохранившими остатки извести. По своему стратиграфическому положению ямы могут относиться к 80–90 годам XVII в., и, вполне возможно, ямы использовались при строительстве здания Конюшенного двора.

Среди находок, характеризующих поздний этап истории участка, основную массу составляют различные бытовые предметы и инструменты. Найдено несколько ножей, мотыга, обломок косы, зубило, многочисленные гвозди и костыли, пробои, несколько ножей, обувные подковы, глиняные грузила, оселки, фрагменты кожаной обуви, вязаная рукавица и т.п. Интересен фрагмент глиняной игрушки – мужской торс с кушаком, завязанным узлом. Редкими находками являются деревянная чаша-братина хорошей сохранности и большой фрагмент одежного кроя из конопляного полотна.

Среди поздних находок представлена серия красноглиняных рамочных изразцов, явно происходящих из одного набора (рис. 60). Прямые аналогии двум из них – с сюжетом «китоврас в круге» (рис. 60, 4, 5) и «птица в круге» (рис. 60, 7), известны в декоре зданий Афанасьевского монастыря 1660-х гг. и церкви Иоанна Златоуста (1649–1654 гг.) в Ярославле (Маслих, 1983. Илл. 41, 49) и являются образцами ярославского производства. Находки изразцов тяготеют к северо-восточному участку раскопа, здесь же найден фрагмент изразцового декора окна или портала (рис. 60, 8), а также два обломка слюдяной оконницы в форме ромба.

Среди индивидуальных находок выделяется серия предметов, выпадающих из общего хронологического контекста. Это калачевидное кресало, шиферное пряслице, заготовка образка из серого шифера, несколько обломков стеклянных браслетов, три фрагмента стеклянных перстней. Находки приурочены к северной и северо-западной частям раскопа и найдены рядом с траншеей под водоотводную трубу. Очевидно, что они попали в вышележащие отложения при земляных работах.

Керамическая коллекция верхнего горизонта представлена разрозненными фрагментами чернолощенной и сероглиняной посуды. Из редких для Ростова керамических форм можно отметить фрагменты стенок красноглиняных горшков с белым пятнистым ангобом, хорошо известных по материалам Москвы, где они датируются концом XV – первой половиной XVI вв. (Розенфельдт 1968. С. 21. Табл. 4, 3, 4), а также несколько обломков белоглиняных кувшинов того же времени (Чернов, 1991. С. 50; табл. 87).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследований на территории Конюшенного двора позволяют датировать начало освоения этого участка городской территории серединой XI в. – к этому времени можно отнести наиболее ранние находки. В начальный период участок был лишен постоянной застройки, что отличает его от ранее исследованных мест в черте древнейшей части Ростова. Первое строительство на территории Митрополичьего сада не более чем в 100 м юго-восточнее Конюшенного двора относится к 80-ым гг. X в. В 90 м севернее участка Конюшенного раскопа в предматериковых отложениях были зафиксированы следы интенсивного строительства, а одно из сооружений имело дендродату 1024 г. (Леонтьев, Отчет 1992 г. Рис. 72).

Таким образом, получено свидетельство того, что застройка города в X–XI вв. не была сплошной, заселенные участки могли перемежаться пустошами, возможно, приуроченными к топким, болотистым местам.

Неожиданностью стало отсутствие на раскопе отложений предшествовавшего древнерусскому городу мерянского поселка, зафиксированных при исследованиях на территории Митрополичьего сада (Леонтьев, 1998. С. 135; Самойлович, 2003. С. 250–256). Учитывая разность в высотных отметках первоначального рельефа, приходится полагать, что граница мерянского поселения проходила южнее территории Конюшенного двора, ниже по склону озерного берега.

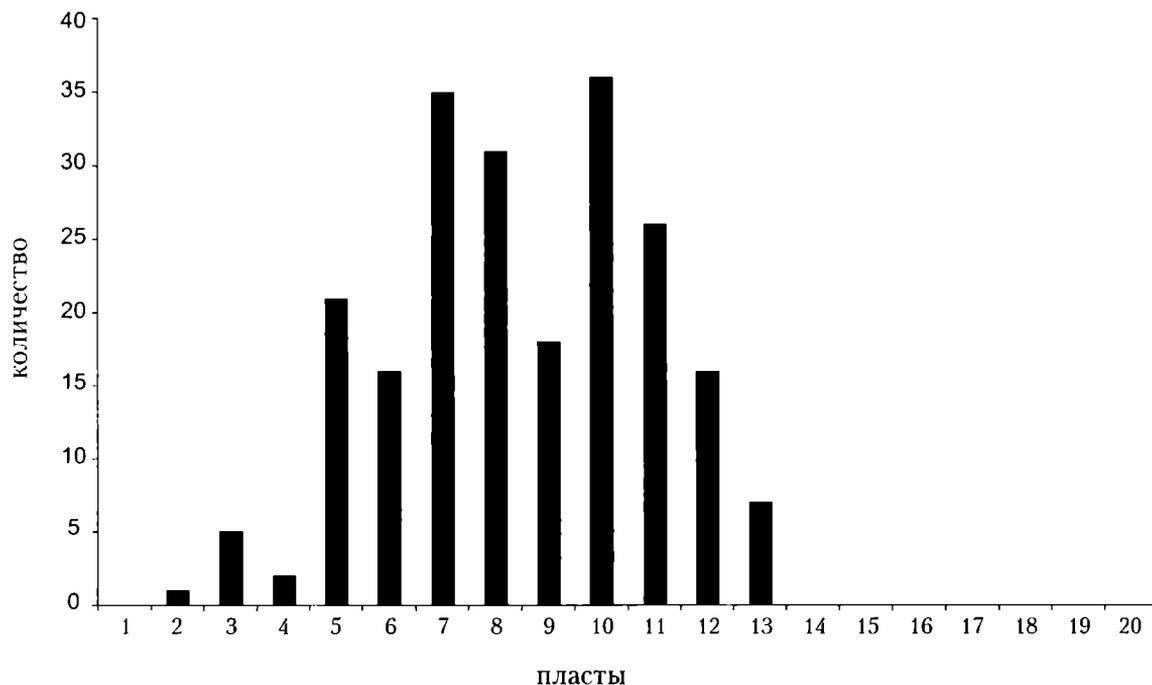
Сложение усадебной планировки на исследованном участке относится к 1-ой трети XIII в., когда здесь появляются три хозяйственных постройки, возможно, располагавшихся в пределах одного двора. Первая усадьба просуществовала в своих границах не более 30 лет. В середине XIII в. происходит перепланировка участка и установление новых усадебных границ, остававшихся практически неизменными на протяжении около двухсот пятидесяти лет.

В течение всего этого времени на участке располагалась окраинная часть усадебного двора, стояли надворные хозяйственные постройки различного назначения. Это определило состав коллекции находок – в ней представлены, в основном, предметы домашнего обихода, различная утварь и хозяйственный инвентарь. Массовыми оказались находки ножей, находивших широкое применение во всех сферах производства и быта, – их найдено более ста.

Спецификой культурного слоя и полученной коллекции «усадебного времени» оказалось относительно малое число и дискретность находок стеклянных браслетов – их найдено менее двухсот экземпляров. Для сравнения, в Григорьевском раскопе, хотя и имевшем большую площадь, но лишенном отложений конца XIII–XIV вв. найдено

более шестисот фрагментов. Статистика находок по пластам не дает в итоге картины нормального хронологического распределения браслетов, обычной для отложений XII–XIV вв. (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Распределение стеклянных браслетов в культурном слое

Браслетов мало в материалах усадьбы А, а максимум их приходится на отложения 1-ой половины XIV в. Объяснения этому обстоятельству еще предстоит найти. Вместе с тем, анализ материалов и стратиграфии раскопа показал, что находки значительной серии браслетов в верхних отложениях являются следствием преотложенности грунта в результате земляных работ конца XVII в. при сооружении водоотводной системы.

За время существования усадьбы Б происходило интенсивное накопление культурного слоя в пределах двора, что привело к формированию иного рельефа этого участка – уклон поверхности по направлению СЗ-ЮВ образовался в течение именно этого периода и достиг к концу XV в. 0,7–0,8 м.

Полный анализ материалов раскопок еще не закончен. В частности, возможно будет уточнена серия дендродат, получены данные карпологического анализа, обработана остеологическая коллекция. Исследования на территории Конюшенного двора будут продолжены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы:

Леонтьев А.Е. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции в 1987 г. Архив ИА РАН, № 15156.

Леонтьев А.Е. Отчет о полевых исследованиях Волго-окской экспедиции Института археологии в 1992 г. Архив ИА РАН , № 17535.

Самойлович Н.Г. Отчеты о работе Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 2001–2005 гг. Архив ИА.

Литература:

Бейлекчи В.В., Родин В.В. 2007. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале //Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.

Белецкий С.В., 1994. Печати и пломбы из Старой Ладogi. // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.

Вишневский В.И. 2007. Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVIII веках. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.

Гайдуков П.Г. 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Гейдова Д. и др. 1983. Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. Прага.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А. 1973. Вель и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.

Горюнова В.М., Лапшин В.А. 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб.

Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.

Даркевич В.П. 1996. Древняя столица Рязанской земли. М.

Егорьков А.Н. 2001. Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедения. СПб.

Захаров С.Д. 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Захаров С.Д. 2005. Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.

- Кадиева Е.К. 2004. Поздняя древнерусская круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002–2003 гг.) // История и культура Ростовской земли. 2003. Материалы научной конференции. Ростов.
- Кадиева Е.К. 2007. Клейма на круговой посуде Центра Севера-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.
- Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ, вып. Е1–36. М.
- Кокорина Н.А. 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков. Казань.
- Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б.А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ, вып. Е1–36. М.
- Колчин Б.А. 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ, вып. Е1–55. М.
- Колчин Б.А., Рыбина Е.А. 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кудряшов А.В. 2006. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец.
- Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери. М.
- Леонтьев А.Е. 1998 а. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований). М.
- Леонтьев А.Е. 1998 б. Из истории ростовской Соборной площади (по археологическим данным). История и культура Ростовской земли. Ростов.
- Леонтьев А.Е. 2006. Раскопки у северных ворот Ростовского кремля // Археология Верхнего Поволжья. (К 80-летию К.И. Комарова). М.
- Леонтьев А.Е., Розанова Л.С. 2005. Ростовские ножи X–XIII вв. Технология производства и типологический анализ. М.
- Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г. 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., Черных Н.Б. 1996. Некоторые частные аспекты хронологии Ростова (дендрохронологический анализ археологических материалов) // История и культура Ростовской земли, 1995. Ростов.
- Лесман Ю.М. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бус с глазками в петельках) // Археология Верхнего Поволжья. (К 80-летию К.И. Комарова). М.
- Львова З.А. 1959. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА 75, Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М-Л.
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г. 2001. Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В.Л. Янина и М.Х. Алешковского // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Материалы II Тверской археологической конференции и 50-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. II. Тверь.
- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.15. Новгород.
- Маслих С.А. 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
- Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ, вып. Е1–36. М.
- Мусин А.Е. 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья // ИИМК РАН, Труды. Том XVIII. СПб.

Осипов Д.О. 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.

Полубояринова М.Д. 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Полубояринова М.Д. 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.

Полубояринова М.Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.

Полубояринова М.Д. 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения А.В.Арциховского. Новгород.

Полякова Г.Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Праздников В.В. 2002. Привески с поселения Введенское // Археология Ярославского края. Вып. 2. Рыбинск.

Розенфельдт Р.Л. 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. САИ, вып. Е1–39. М.

Рудаков К.А. 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды. Казань.

Рузаева Е. 2007. К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль. (в печати)

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М. 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.

Рябинин Е.А. 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIX вв. САИ, Л.

Самойлович Н.Г. 2000. Стратиграфическое распределение и хронология массовых находок в культурном слое Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов.

Самойлович Н.Г. 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.

Самойлович Н.Г. 2003. Мерянский «Ростов» // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль.

Самойлович Н.Г. 2006. Стекланные бусы Ростова Великого. // Археология Верхнего Поволжья. (К 80-летию К.И. Комарова). М.

Седова М. В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.

Седова М.В.1981. Ювелирное изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.

Седова М.В. 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Сорокин А.Н. 1995. Благоустройство древнего Новгорода. М.

Сорокин А.Н. 1998. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Сумина И.А. 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. 111. М.

Фараджеева Н.Н., Осипов Д.О. 2007. Археологические исследования в историческом центре г. Ярославля. (Успенский раскоп 2004–2006 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль.

- Хорошев А.С. 1998. Бани в усадебной застройке Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Чернов С.З. 1991. Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.
- Щапова Ю.Л. 1963. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. М.
- Щапова Ю.Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Gasparetto Aston, 1975. La verrerie venitienne et ses relations avec le levant balkanique au moyen age // Средневековно стакло на Балкану (V–XV век). Зборник радова са међународног саветованья одржаног од 22 до 24 априла 1974 г. у Београду. Београд.

ПРИЛОЖЕНИЕ

д.г.н. А.Л. Александровский
к.г.н. Е.И. Александровская

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ И КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ РАСКОПА В КОНЮШЕННОМ ДВОРЕ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Исследование почв и отложений в раскопе, расположенном в центральной части Конюшенного двора, проведено в 2003 и 2005 годах, исследована полная свита напластований, включая погребенную почву.

Общая стратиграфия раскопа следующая (глубина от поверхности раскопа, без учета поправки +0,6 м от усл. «0»):

1. Верхняя часть вскрытых напластований, до глубины 1,00–1,20 м представлена, в основном, мелкоземистыми отложениями. Примесь органического вещества невелика.

2. До глубины 3,50 м (середины 19 пласта) располагается мощная органогенная толща, насыщенная водой. В данном «мокрое» слое сохранность органического вещества хорошая, примесь минерального вещества невелика. Прослойки и горизонты здесь выражены четко, хорошо сохранились остатки различных деревянных построек.

3. Ниже залегает погребенная почва (пласты 19–20), подстилающая культурный слой. Прогумусированная часть профиля почвы имеет мощность около 40 см, ниже лежит иллювиальный глеевый горизонт, сформированный в толще озерных суглинков.

Исследования полного профиля усадебного горизонта культурного слоя и погребенной почвы проведены в зачистке на западной стенке в кв. А5.

Глубина 1,20–3,20 – щепа разной степени разложения с черным дисперсным торфообразным органическим материалом (гумуфицированная труха) и примесью гумусированного суглинка. Имеются углистые прослойки. Почти вся данная толща вскипает от 10% HCl. При высыхании дает налет солей.

Проба 15 – прослойка угля и золы из нижней части пласта 11 (в верхней части прослойки палевого с зеленоватым оттенком суглинка). Возможно, и зола и суглинок относятся к основанию постройки 10. Зола бурно вскипает от HCl.

Проба 14 – щепа из средней части пласта 12; щепа лежит в торфообразной массе с примесью гумусированного суглинка. От HCl вскипает слабо, в основании пласта бревна и тонкие жерди на уровне поверхности ямы.

Проба 13 – щепа из средней части пласта 13, местами слабо вскипает от HCl.

Проба 12 – углистый прослой из средней части пласта 14. Вскипает от HCl.

Проба 11 – щепа из верхней части пласта 15. Под микроскопом в темно-серой (черной) торфообразной массе обнаруживаются небольшие плотные обломки (комочки) светлой окраски, вскипающие от HCl (известняк или, менее вероятно, строительная известь), торфообразная масса не вскипает.

Проба 10 – углистый прослой ниже середины пласта 15. Вскипает от HCl.

Проба 9 – щепы, проба взята несколько выше середины пласта 16, слабо вскипает от HCl.

Пласты 17 и верхняя половина пласта 18 (3,20–3,48 м). Навоз – слоистый темно-серый органический материал с очень небольшой примесью суглинка. Местами встречается солома, единичные мелкие кусочки щепы, скорлупки лещины. Не вскипает от HCl. В основании, на поверхности погребенной почвы обнаружены фрагменты бересты. Граница волнистая, переход резкий.

Проба 8 – переход от щепы к навозу, граница между пластами 16 и 17.

Проба 7 – нижняя половина пласта 17. Навоз, под микроскопом обнаруживаются остатки травянистой растительности, фрагментов древесины не видно.

Погребенная почва:

Al₁ 348 (350)–370 см. Гумусовый горизонт погребенной почвы (верхняя часть). Темно-серый суглинок легкий к среднему, слабоуплотненный, комковатый (структура непрочная), переход постепенный, слабовыраженный.

Al₂ 370–380 (373) см. Тот же горизонт (нижняя часть). Темно-серый суглинок тяжелый, несколько плотнее вышележащего, ореховатый, на поверхности структурных отдельностей глянцевые пленки иллювиирования. Редко кротовины, переход постепенный.

Abtg 380–390 см. Переходный горизонт (нижняя часть прогумусированной толщи). Серый суглинок, слабоуплотненный, ореховатый с призматичностью, книзу светлеет, ярко-синие пятнышки, предположительно вивианит. Хорошо видны кротовины, переход постепенный.

Bg(t) 390–420 см. Иллювиальный горизонт погребенной почвы. Сизый на срезе, на воздухе постепенно буреет, глина легкая, уплотненная, ореховато-призматическая. Редко кротовины в самой верхней части. Местами крап мелких железомарганцевых конкреций. Вертикально ориентированные ходы червей и трещины (в верхней части шириной до 0,5–1 см) с серым и темно-серым заполнением.

Образцы для проведения комплексных анализов отобраны из горизонта Al₁ с глубины 0–5 и 10–14 см (от поверхности почвы), из горизонтов Al₂ – 23–28 см, Abtg – 33–38 см, Bg(t) – 45–50 см и 58–65 см.

Погребенная почва имеет строение профиля, сходное с таковым почвы из Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду. Почва имеет мощный и темноокрашенный гумусовый горизонт и расположенный ниже него глеевый горизонт. Вместе с тем этот нижний горизонт является также иллювиальным. Причем оглеение в данном горизонте признак вторичный, образовавшийся, в основном, на стадии диангенеза после погребения почвы под культурным слоем.

Мощность прогумусированной части профиля почвы из раскопа в Конюшенном дворе составляет около 40 см. В Григорьевском раскопе ее мощность составляет 45–50 см, в раскопе II в Митрополичьем саду (у Дровяных ворот) – 30 см, в Воскресенском раскопе – 35 см. Почва из Воскресенского раскопа имеет менее темную окраску. Вероятно, это связано с тем, что она образовалась на возвышении исходного рельефа данной территории. Не вполне объяснима пониженная мощность почвы во II Митрополичьем раскопе, возможно, почва здесь срезана сверху.

На дне раскопа в Конюшенном дворе выявлено темное кольцеобразное овальное пятно (яма 18). Оно представляет собой углубление в материке (глеевом иллювиальном горизонте почвы), заполненное гумусированным материалом верхнего горизонта почвы. Границы пятна диффузные, что свидетельствует о большой его древности.

Результаты химических и физических анализов почв и культурного слоя

Погребенная почва характеризуется высоким содержанием гумуса (табл. 1). Это соответствует темной окраске ее гумусового горизонта. При этом следует учитывать, что после погребения почвы во всем ее профиле происходит потеря большей части гумуса, накопившегося за время ее формирования. Через 1000 лет от его исходного содержания в верхнем горизонте остается около 50%, в нижележащих горизонтах потеря гумуса идет несколько медленнее. В связи с этим можно предполагать, что исходно в гумусовом горизонте Al_1 исследуемой погребенной почвы было около 16–20% гумуса, в горизонтах Al_2 – около 7–8%, $ABtg$ – 3,0 – 3,5%, $Bg(t)$ – 0,8–1,1%.

Содержание фосфора в погребенной почве невысоко. Сразу под культурным слоем оно резко понижается: с 0,8–2,2% до 0,37–0,53%. Отмечаемое увеличение содержания фосфора в нижней части профиля погребенной почвы (примерно в 2 раза) может быть объяснено тем, что она образована на озерных отложениях. Подобный факт обнаружен нами в Старой Ладоге, где в озерных отложениях под палеопочвой содержание фосфора также увеличено в 2 раза. В озерных отложениях фосфора может быть очень много, так как в них поступают остатки водной фауны. Особенно много фосфора в сапропелях, часто его содержание повышено и в озерных илах, глинах и супесчано-песчаных отложениях.

Таблица 1. Результаты химических анализов

Пробы	Объект	С орг. %	Гумус %	P2O5 %	CO2 карб. %	CaCO3 %
15	Угли и зола	–		5,51	6,2	14,1
14	Щепа и мелкозем	–		0,99	0,61	1,39
13	Щепа	–		1,45	0,23	0,52
12	Угли	–		0,81	0,79	1,80
11	Щепа	–		0,80	0,15	0,34
10	Угли	–		1,47	1,4	3,2
9	Щепа	–		1,76	0,38	0,86
8	Щепа/навоз	–		1,27	0,09	0,20
7	Навоз	–		2,23	0,0	0,0
	Погребенная почва					
6	Al_1 0–5 см*	5,95	10,2	0,45	0,01	0,02
5	Al_1 10–14 см	5,26	9,0	0,53	0,02	0,04
4	Al_2 23–28 см	2,67	4,4	0,43	–	
3	$ABtg$ 33–38 см	1,13	1,94	0,37	–	
2	$Bg(t)_1$ 45–50 см	0,48	0,83	0,45	–	
1	$Bg(t)_2$ 58–65 см	0,38	0,65	0,89	–	
П1	Овальное пятно, 1,50–60 см	3,57	6,1	0,39	–	
П2	Овальное пятно, 2,50–60 см	2,91	5,0	0,41	–	

Наличие элювиально-иллювиальной (текстурной) дифференциации профиля погребенной почвы, связано с формированием почвы в течение длительного периода под лесной растительностью. Эта дифференциация подтверждается данными гранулометрического анализа (табл. 2). В результате выноса тонких частиц (фракция ила

* Глубина дана от поверхности погребенной почвы.

<0,001 мм) из верхней элювиальной части профиля, их в горизонте Al₁ стало почти в 2 раза меньше, чем в иллювиальном горизонте. Переход к иллювиальной части профиля находится на уровне горизонта Al₂. Ниже содержание ила продолжает увеличиваться. Однако его распределение по профилю почвы характеризуется существенными колебаниями. Это связано с неоднородностью породы по содержанию фракций мелкого песка и крупной пыли (0,25–0,05 и 0,05–0,01 мм, соответственно), что влияет и на распределение тонких фракций. В результате в средней части иллювиальной части профиля, в горизонтах ABtg и верхней части Bg(t) содержание фракции ила (<0,001 мм) и физической глины (<0,01 мм) понижается и только затем увеличивается.

Таблица 2. Гранулометрический состав погребенной почвы

Горизонт	Глубина, см	Содержание фракций (%), размер частиц (мм)							Название почв по гран. составу*
		1–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001	<0,01	
6 Al ₁	350–355	3,5	14,7	43,9	10,9	13,0	14,0	37,9	Суглинок средний
5 Al ₁	360–367	3,6	15,0	42,0	8,8	10,0	19,6	38,4	Суглинок средний
4 Al ₂	374–379	2,0	12,3	41,1	11,4	10,6	24,6	46,6	Суглинок тяжёлый
3 ABtg	383–388	1,95	13,6	42,5	7,3	9,4	25,2	41,9	Суглинок тяжёлый
2 Bg(t)	395–400	1,1	13,9	45,3	6,8	8,7	24,2	39,7	Суглинок средний
1 Bg(t) ₂	408–415	1,9	9,5	37,3	9,6	11,1	30,6	51,3	Глина лёгкая
Овальное пятно	390	3,1	12,5	35,3	7,9	11,5	29,6	49,0	Суглинок тяжёлый

Большой интерес представляют данные по гранулометрическому составу пятна ямы 18. Как уже отмечалось, по морфологии заполнение этого кольцеобразного углубления сходно с нижней частью гумусового горизонта (Al₂). По химическим свойствам заполнение пятна сходно с горизонтом Al₂ почвы (табл. 1). В нем мало фосфора. Следовательно, культурного слоя на поверхности почвы во время формирования этой структуры не было. При этом по гранулометрическому составу её заполнение сходно с нижележащим иллювиальным горизонтом Bg(t)₂.

Таким образом, можно предполагать, что заполнение понижения произошло задолго до погребения почвы под культурным слоем. И случилось это, когда почва была уже сильно гумусирована, но дифференцирована по илу заметно слабее, чем в настоящее время, очевидно, до начала позднеголоценовой лесной стадии почвообразования. Длительность этой лесной стадии после образования структуры была не менее тысячи лет.

* Название почвы и породы по гранулометрическому составу даны на основе содержания физической глины (фракция <0,01 мм) по Качинскому (1943): Песок рыхлый – 0–5%. Песок связный – 5–10%. Супесь – 10–20%. Суглинок лёгкий – 20–30%. Суглинок средний – 30–40%. Суглинок тяжёлый – 40–50%. Глина лёгкая – 50–65%. Значения взяты для почв лесной зоны.

Учитывая, что на данном месте располагалась краевая часть поселения бронзового века, и в мерянское время поселение было в непосредственной близости от него, лес произрастал перед началом образования культурного слоя с перерывами. Таким образом, ориентировочно, анализируя всю сумму почвенных данных, время образования кольцевой структуры можно отнести к бронзовому веку, или более ранней эпохе, а стадию лесного почвообразования – к периоду раннего железа.

Химический состав культурного слоя существенно отличается от такового погребенной почвы. В нем значительно больше фосфора. Также в нем имеются карбонаты кальция, отсутствующие в погребенной почве.

Содержание фосфора зависит от поступления органического вещества животного происхождения. Содержание гумуса отражает интенсивность накопления органического вещества растительного происхождения. Зоны повышенного содержания фосфора в культурном слое соответствуют местам наиболее активной жизнедеятельности человека. По этим данным можно отличать зоны и горизонты с преобладанием строительного и бытового мусора. Так, в исследованной колонке содержание фосфора повышено в верхнем золистом слое. Здесь источником поступления данного элемента могли быть пищевые остатки. Также фосфора много в нижнем горизонте культурного слоя – в навозе, что также вполне объяснимо.

Результаты микроэлементного анализа культурного слоя и погребенной почвы

Погребенная почва и пятно ямы 18 имеют бедный микроэлементный состав. В пятне ямы отмечается слабое накопление железа и марганца. Значительно более высока концентрация микроэлементов в культурном слое (табл. 3).

Таблица 3. Содержание макроэлементов (%) и микроэлементов (мг/кг) в культурном слое

Объект	Fe ₂ O ₃ , %	CaO, %	TiO ₂ , %	Mп	Ni	Zп	Си	Pb	As	Br
Кларк	5	7,5	0,5	1000	99	76	30	13	2	0,7
15 Угли и зола	2,8	20,0	0,2	2000	7	140	40	5	1	0,1
14 Щепы и мелкозем	3,3	2,5	0,6	1000	15	105	25	15	1	0,1
13 Щепы	0,8	0,9	0,1	400	5	60	10	5	0,5	–
12 Углист. прослой	1,2	2,7	0,2	850	15	150	30	5	1,5	–
11 Щепы+ КС	1,7	2,1	0,3	500	10	180	35	10	2	0,4
10 Углистый прослой										
в толще щепы	1,1	5,0	0,3	700	13	170	30	5	2	–
9 Щепы (вскип)	0,5	1,6	0,3	3100	15	90	20	10	2	0,5
8 Щепы/ОВ	0,7	1,5	0,2	1200	12	100	25	10	1	0,4
7 Орг в-во (навоз?)	0,6	2,0	0,1	750	4	130	20	5	0,5	0,1
5 А1 ₁	2,3	0,8	0,7	600	10	50	18	5	2	0,6
4 А1 ₂	3,7	0,8	0,8	900	8	40	20	5	2	0,2
3 АВ	3,4	0,9	0,8	1100	11	40	17	10	1,5	0,3
Овальн пятно 2	4,5	1,0	0,9	1400	12	35	20	10	2	0,2
Среднее содерж. в исходных почвах	3,5	7	0,7	700	19	21	75	8	2	0,3

Отметим, что определять накопление или потерю веществ в культурном слое и почвах необходимо путем сравнения не с кларком в земной коре, а со средним содержанием элементов в почвах региона (дано в нижней строке в таблице).

Накопление в культурном слое характерно для кальция, цинка и, в некоторых горизонтах, марганца и меди. Кальций накапливается в углистых слоях, в связи с образованием кальцита при горении. Особенно много его в слое золы. В некоторых случаях увеличивается содержание марганца. Известно, что марганец накапливается в древесине, особенно если дерево выросло во влажных условиях.

Накопление цинка вообще характерно для культурного слоя Ростова. Этот элемент летучий и при плавке цветных металлов «летит» довольно далеко, осаждаясь на поверхности почвы. Также цинк накапливается в некоторых тканях рыбы. Поэтому повышенные его концентрации в культурном слое могут служить основанием для определения мест разделки рыбы. Медь менее летуча. Вместе с тем, по данным исследований в других центрах средневековой Руси, медь начинает накапливаться в культурных слоях раньше других металлов.

Следует отметить значительно меньшие концентрации указанных выше элементов на месте Конюшенного двора, по сравнению с районом Ростовского кремля. Видимо, в то время данный район был на окраине города и ни металлургии, ни других производств, загрязняющих среду, здесь не было. Также изученные нижние горизонты культурного слоя из раскопа в Конюшенном дворе слабее обогащены «техногенными» элементами, чем горизонты, расположенные выше.

История почв и ландшафтов места раскопок

Результаты изучения почв, погребенных под культурным слоем в районе Конюшенного двора и Ростовского кремля, позволяют сделать некоторые предположения об изменениях климата и ландшафтов в голоцене. Эти изменения отразились и в морфологии почв и в химических, и физических их свойствах.

Палеопочвы и в раскопе в Митрополичьем саду, и в раскопе на Конюшенном дворе (далее – КД), имеют хорошо развитые и сложные профили.

Морфологическое и аналитическое исследование профиля КД показывает, что профиль имеет четкую элювиально-иллювиальную дифференциацию профиля. Морфологически она выражена не ярко, так как элювиальные горизонты прокрашены гумусом. Но по данным гранулометрии прослеживается четко. Можно предполагать разные варианты происхождения такого профиля. Очевидно сначала, на лесной стадии, сформировался текстурно-дифференцированный профиль. Затем, в Средние века, в результате сведения леса человеком, под воздействием луговой растительности он прокрасился гумусом. Также имеются основания предполагать, что имелся еще один этап глубокой прокраски профиля гумусом, который относится к лесостепной среднеголоценовой стадии развития ландшафта.

Как показали исследования почвы в раскопе в Митрополичьем саду, лесной стадии почвообразования предшествовала степная (лугово-степная) среднеголоценового возраста. На это указывают достаточно древние радиоуглеродные даты темноцветных гумусовых горизонтов этих почв -7810 ± 120 и 4010 ± 100 лет назад (Кi-10516, 10517). Соответствуют этому и данные наших исследований почв территорий, окружающих котловину озера Неро. Здесь значительно менее облесенные ландшафты среднего голоцена (лесостепные), сменились лесными только в позднем голоцене (Александровский, 1983*).

---

* Александровский А.Л. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М.: Наука, 1983. 150 с.

При этом даты реликтовых среднеголоценовых гумусовых горизонтов, также имеющих очень темную окраску, были сходными: 7000 ± 50 и 4500 ± 50 лет назад (ИГАН-214,216).

Погребенные почвы, подобные изученным в раскопах Митрополичьего сада и Коношенного двора, относятся к луговым с реликтовой текстурной дифференциацией или к лесным темно-серым с унаследованным гумусовым горизонтом.

Стадии развития почв и ландшафтов в районе Ростова были следующими.

В начале голоцена формируется терраса 103–100 м, на которой располагается и раскоп КД (уровень озера 95 м).

В атлантический период в озере накапливаются сапропели, имеющие очень высокое содержание карбонатов (до 83%). В окрестностях распространяются широколиственные и хвойно-широколиственные леса. Почвы темноцветные, сходные с темно-серыми лесными и лесостепными. На террасе формируется мощная луговая или лугово-черноземная почва. В конце атлантического периода озеро мелеет.

В суббореальный и субатлантический периоды происходит похолодание климата, распространяются леса, суббореальный максимум ели. Кальций и CO_2 связываются лесной растительностью и не поступают в озеро. В озере откладывается торфянистый сапропель, не содержащий карбонатов. Начинается деградация темноцветных горизонтов почв, но реликтовый гумус и палеокротовины наследуются. Почвы основной террасы (103–100 м) испытывают процесс текстурной дифференциации. Образуются трещины, заполненные темным гумусированным материалом. Периодически почвы террасы прокрашиваются гумусом. При этом элювиальная часть профиля, имеющая темную гумусовую прокраску (горизонт Al_1), характеризуется непрочной комковатой структурой. Ниже, в столь же темном горизонте Al_2 , структура ореховатая прочная, характерная уже для иллювиальных горизонтов.

В мерянское время почвы под воздействием антропогенной луговой растительности и процесса накопления гумуса, приобретают свой окончательный облик: высокая гумусность, слабая выраженность признаков оподзоливания, но при этом наследование всех признаков предыдущих стадий почвообразования, гумусовой прокраски нижних горизонтов профиля и палеокротовин. Затем начинается накопление культурного слоя.

Результаты определения пород деревьев по уголькам

С целью реконструкции состава пород деревьев изучены обломки древесного угля и обугленной древесины, отобранные из различных слоев по колонке из тех же мест отбора, что и пробы, взятые на почвенно-геохимические анализы.

В некоторых проанализированных пробах, кроме углей, встречены фрагменты древесины, скорлупы лещины (орешника). Необугленная древесина, а в отдельных случаях и угли, плохой сохранности, фрагментированные. Поэтому часто по ним можно определить только принадлежность к трем основным группам строения древесины: хвойные, кольцепоровые (дуб и многие представители широколиственных пород), рассеянопоровые (мелколиственные и отдельные широколиственные, розоцветные и др.). Иногда древесина смята, гумифицирована и определению породы дерева не поддается. Плохо определяются и угли веток, так как имеют тонкие кольца и мелкие сосуды. Наиболее четко идентифицируются угли кольцепоровых.

В настоящее время появилась возможность определять породу дерева не только по углям из древесины ствола и ветвей, но и из корней. В частности в углях из корней хвойных пород строение ткани во многом сходно с таковым из древесины.

Для древесины во многих случаях характерна углефикация естественного происхождения (не пирогенная), отчего древесная ткань постепенно чернеет, сохраняя при этом все особенности строения древесины данной породы.

Исследование углей дало следующие результаты:

Проба 15, угли и зола, глубина 215 см: вяз – 10, береза – 3, ель – 1, рассеянопоровое – 2, хвойное – 1.

Проба 14, щепа и мелкозем, глубина 230 см: клен – 1, береза – 4, осина – 1, рассеянопоровое – 5, кора – 3, лещина – 2.

Проба 13, щепа, глубина 250 см: дуб – 3, вяз – 2, липа – 4, береза – 9, лещина – 1, хвойное (ель) – 4, неопределенные – 5.

Проба 12, углистый прослой, глубина 270 см: рассеянопоровое – 2, ель – 4, сосна – 1, хвойное – 4, лещина – 3.

Проба 11, щепа, глубина 282 см: дуб – 1, рассеянопоровое – 1, хвойное – 7, сосна – 1.

Проба 10, углистая прослойка, глубина 292 см: дуб – 8, клен – 1, береза – 4, ива – 3, рассеянопоровое – 3, ель – 1, хвойное – 11, кора – 4, неопределенные – 2.

Проба 9, щепа, глубина 307 см: береза – 1, дуб – 1, рассеянопоровое – 3, ель – 3, хвойное – 8, кора – 2, неопределенное – 1.

Проба 8, переход от слоя щепы к слою навоза, глубина 320 см: лещина – 2, кольцепоровое – 1, рассеянопоровое – 1, ель – 4, сосна – 2, хвойное – 4, кора ели – 1, кора хвойного – 1.

Проба 6, поверхностный слой погребенной почвы, глубина 350 см: хвойное – 2.

Таблица 4. Соотношение трёх основных групп растений

Проба	Широколиств.	Мелколиств.	Хвойные	Угли	Угли+древ.
15. зола	10	5	1 (древ 1)	Шир	Шир
14. щепа	1+2 скорл (д 2)	10 (д 3)	- (д 2)	Мелк	Мелк
13. щепа	10 (д1)	9 (д 4)	2 (д 10)	Шир+мелк	Смеш
12. углист. просл.	- (скорл 3)	2 (д 1)	9(д 4)	Хв	Хв
11. щепа	1	- (д 1)	- (д 8)	-	Хв
10. углист.просл.	9(д1)	10 (д-)	2(д 11)	Мелк+шир	Хв+листв
9. щепа	- (д1)	1 (д 3)	- (д 11)	-	Хв
8 щепа/навоз	3 (д-)	1 (д-)	10 (д-)	Хв	Хв
6. верх почвы	-	-	2		

Таким образом, можно выделить две основные зоны: верхнюю (пробы 15–14), где преобладают резко широколиственные и мелколиственные, и нижнюю (пробы 8–,12), где преобладают хвойные. Уровень пробы 13 – переходный между этими зонами, и сходный уровень пробы 10 ниже по колонке, характеризуются примерно равным соотношением между группами.

Подобные изменения по колонке пока трудно сопоставлять с какими-либо изменениями климата. Возможно, это просто неоднородное распределение остатков древесины по слою.

В культурном слое Конюшенного двора, как и в раскопе в Митрополичьем саду, много остатков древесины и угля дуба, вяза, клена, липы. Это отличает Ростов Великий от Москвы, где для строительства значительно шире применяли хвойные породы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ГМЗ – Государственный музей заповедник «Ростовский кремль»
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- САИ – Свод археологических источников
- ЯрГУ – Ярославский государственный университет

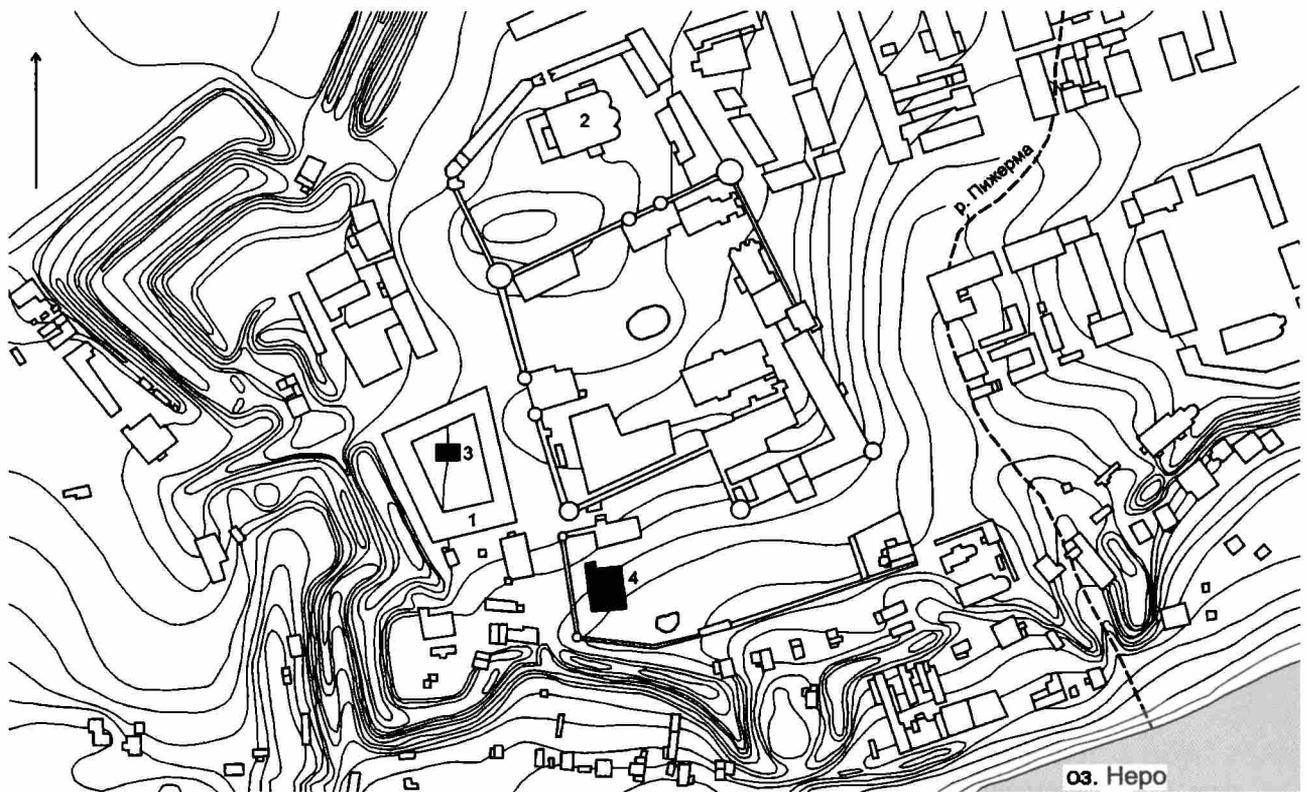

Рис. 1. Центральная часть г. Ростова.

Цифрами на карте обозначены: 1 – конюшенный двор; 2 – Успенский собор; 3 – раскоп в конюшенном дворе; 4 – раскоп у ц. Григория Богослова в Митрополичьем саду.

Рис. 2. Конюшенный двор. Участок раскопа до начала работ.

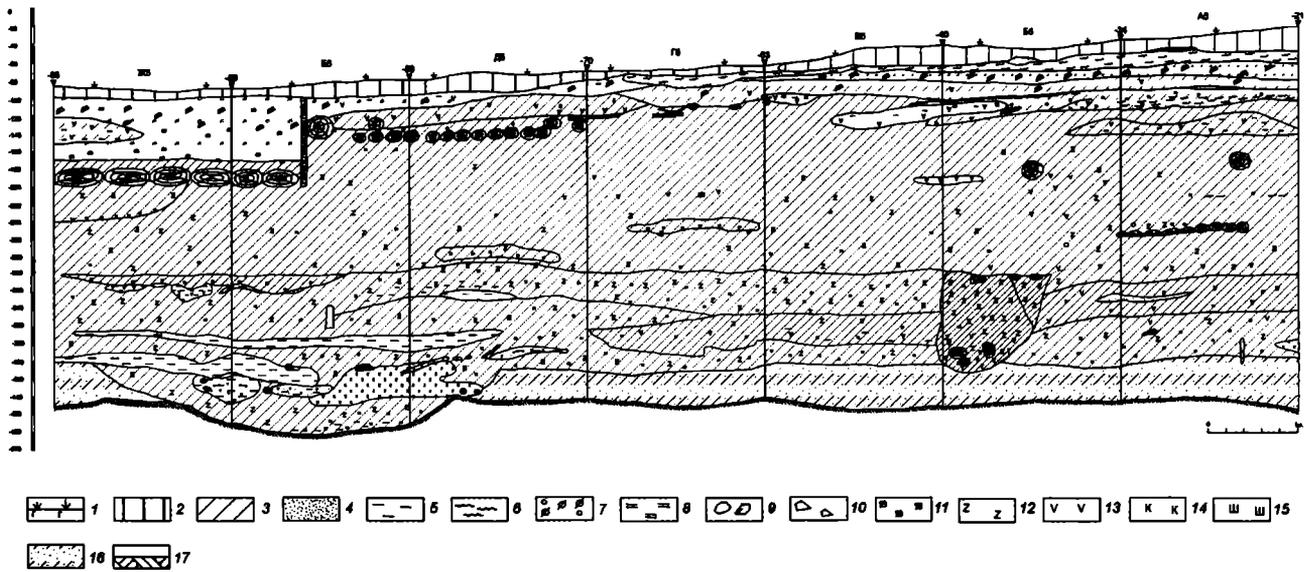

Рис. 3. Профиль южной стенки раскопа.

- 1 — дерн; 2 — современный перекопанный слой; 3 — черный гумусированный слой; 4 — песок;
 5 — глина; 6 — древесный тлен; 7 — известь; 8 — обожженная глина; 9 — камни; 10 — битый кирпич;
 11 — навоз; 12 — щепа; 13 — древесный уголь; 14 — кости; 15 — шлак; 16 — предматерик;
 17 — материк.

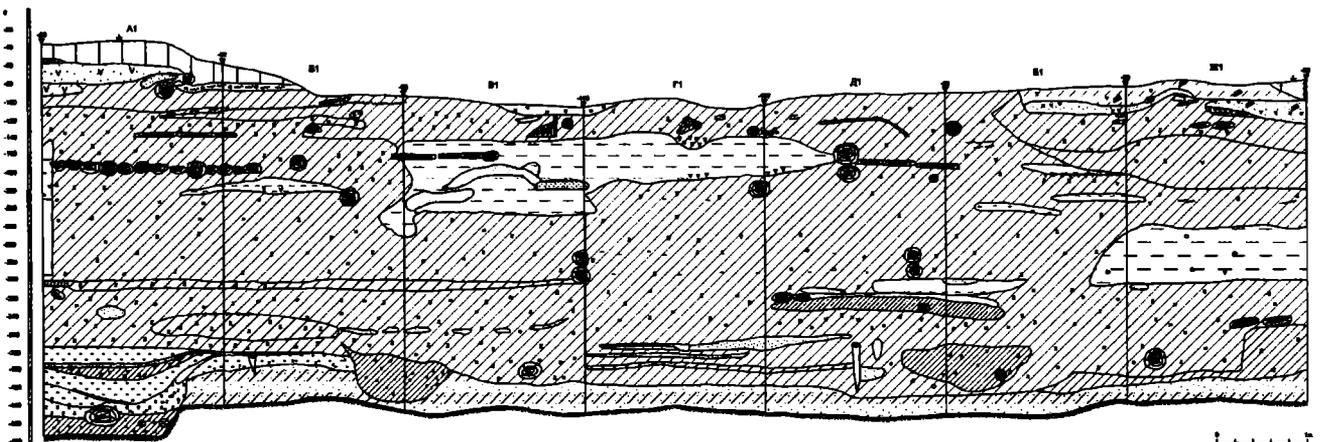

Рис. 4. Профиль северной стенки раскопа.

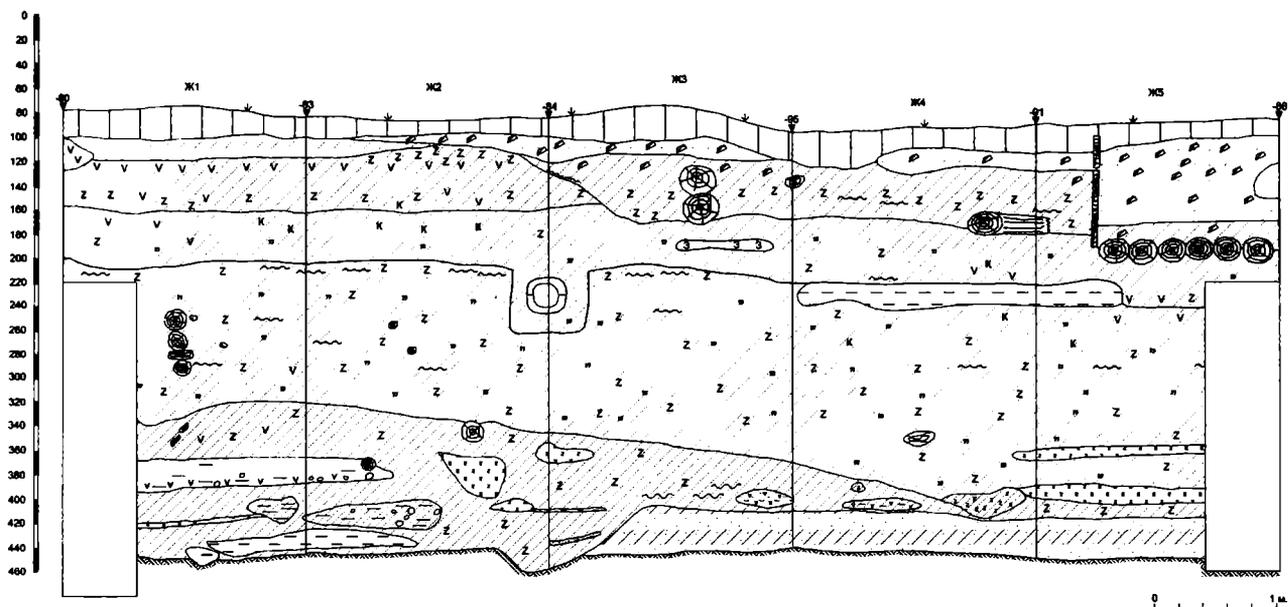

Рис. 5. Профиль восточной стенки раскопа.

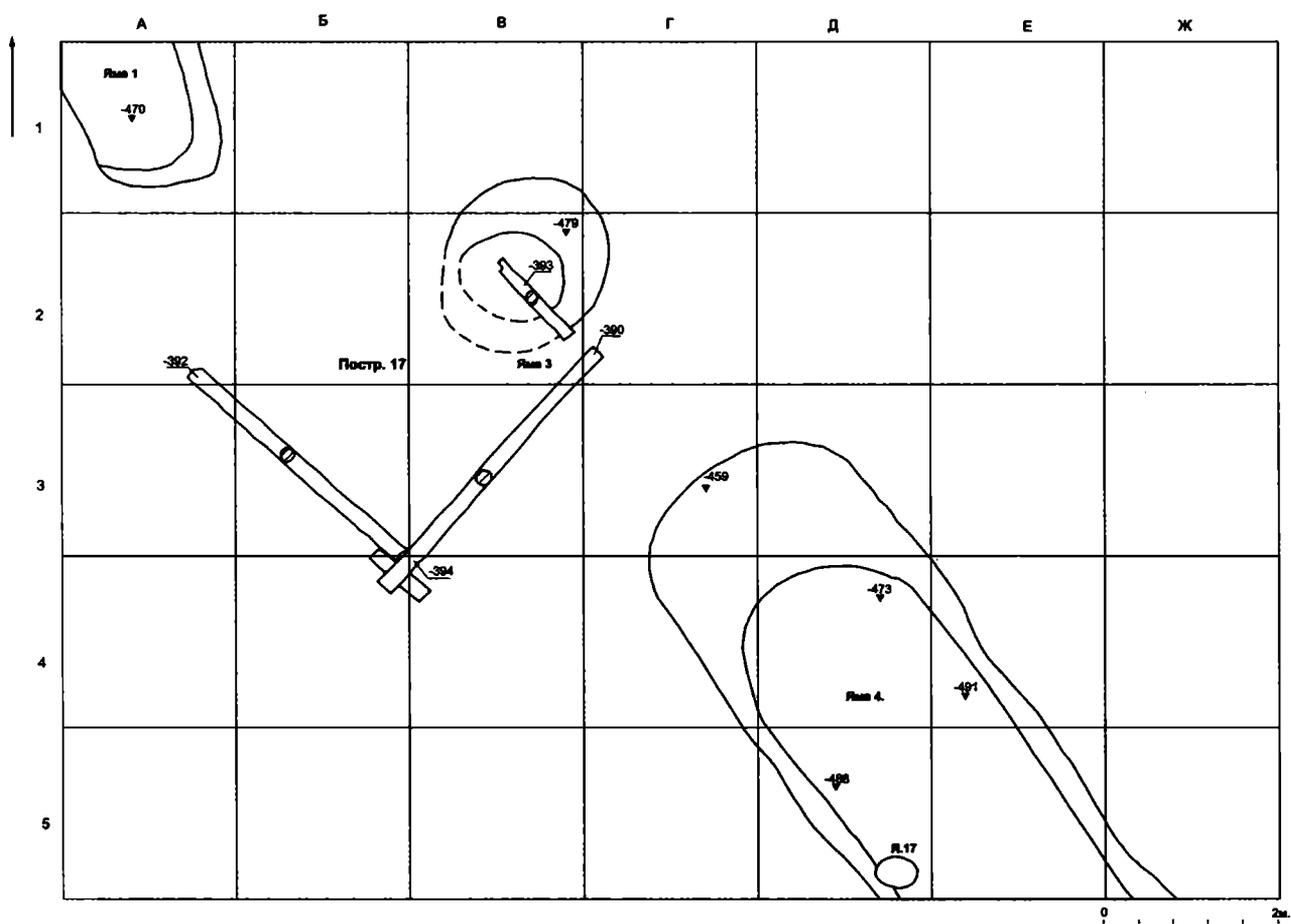

Рис. 6. 1 строительный горизонт. Постройка 17 и материковые ямы.

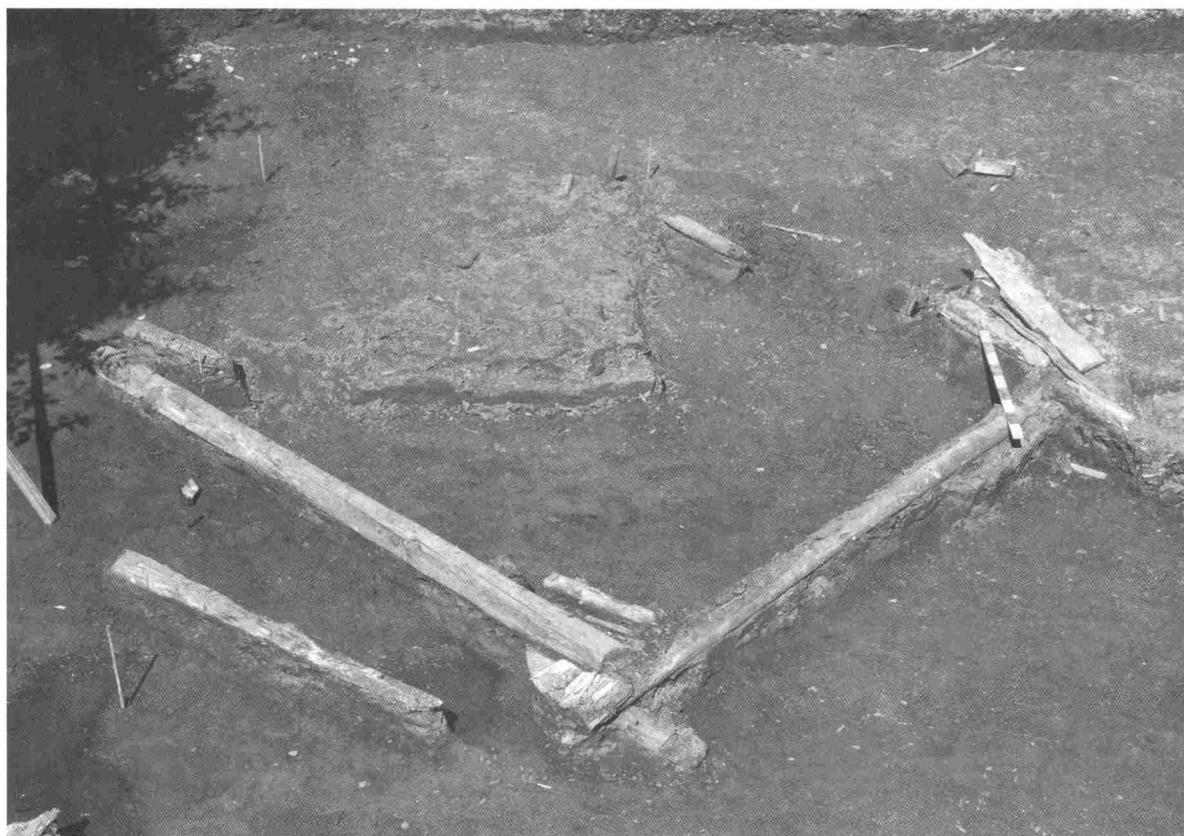

Рис.7. 1 строительный горизонт. Постройка 17. Вид с юга.

Рис. 8. Постройка 17, южный угол и бревно юго—восточной стены. Вид с юго—востока.

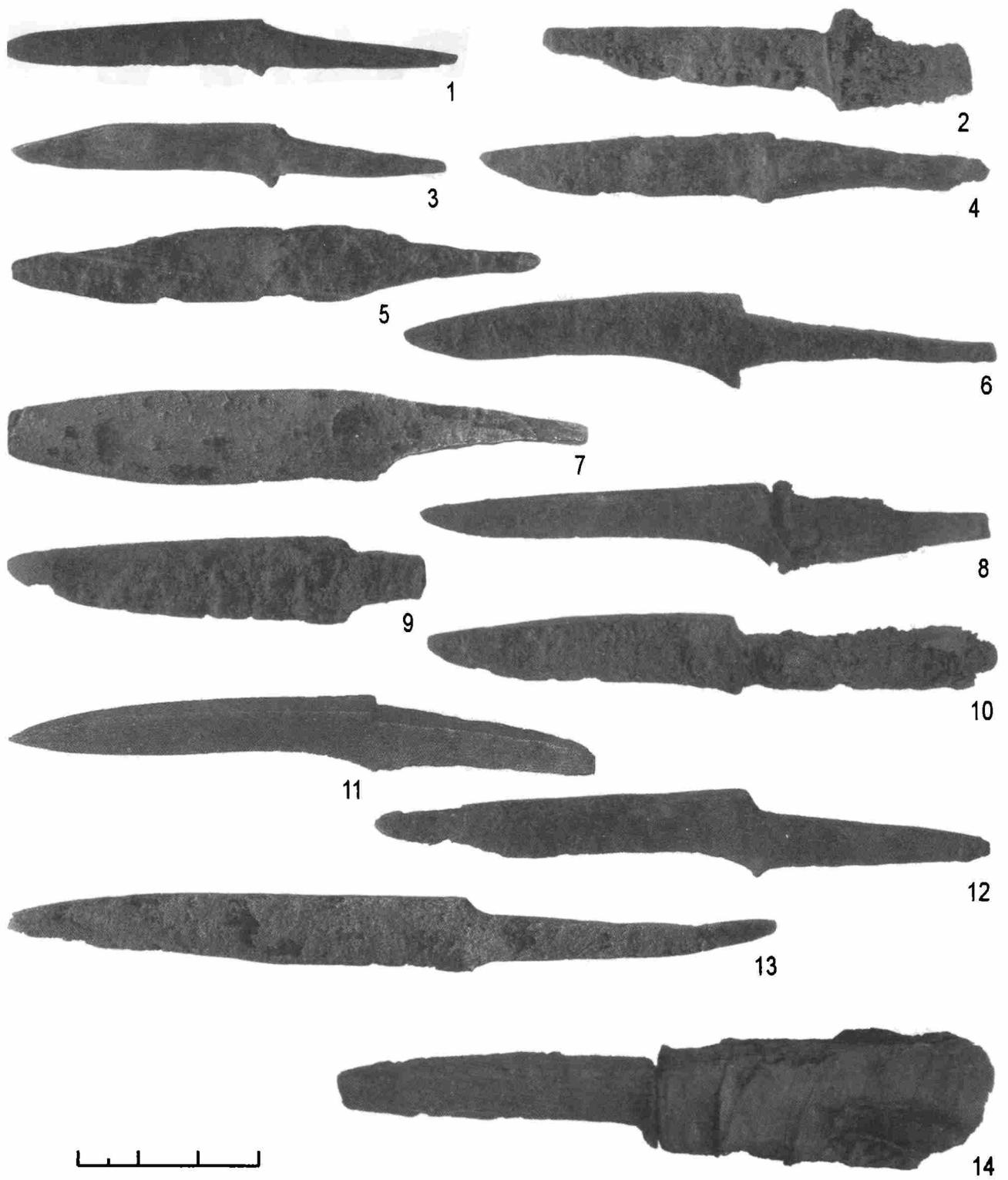

Рис. 9. Ножи из горизонта середины XI–XII вв.

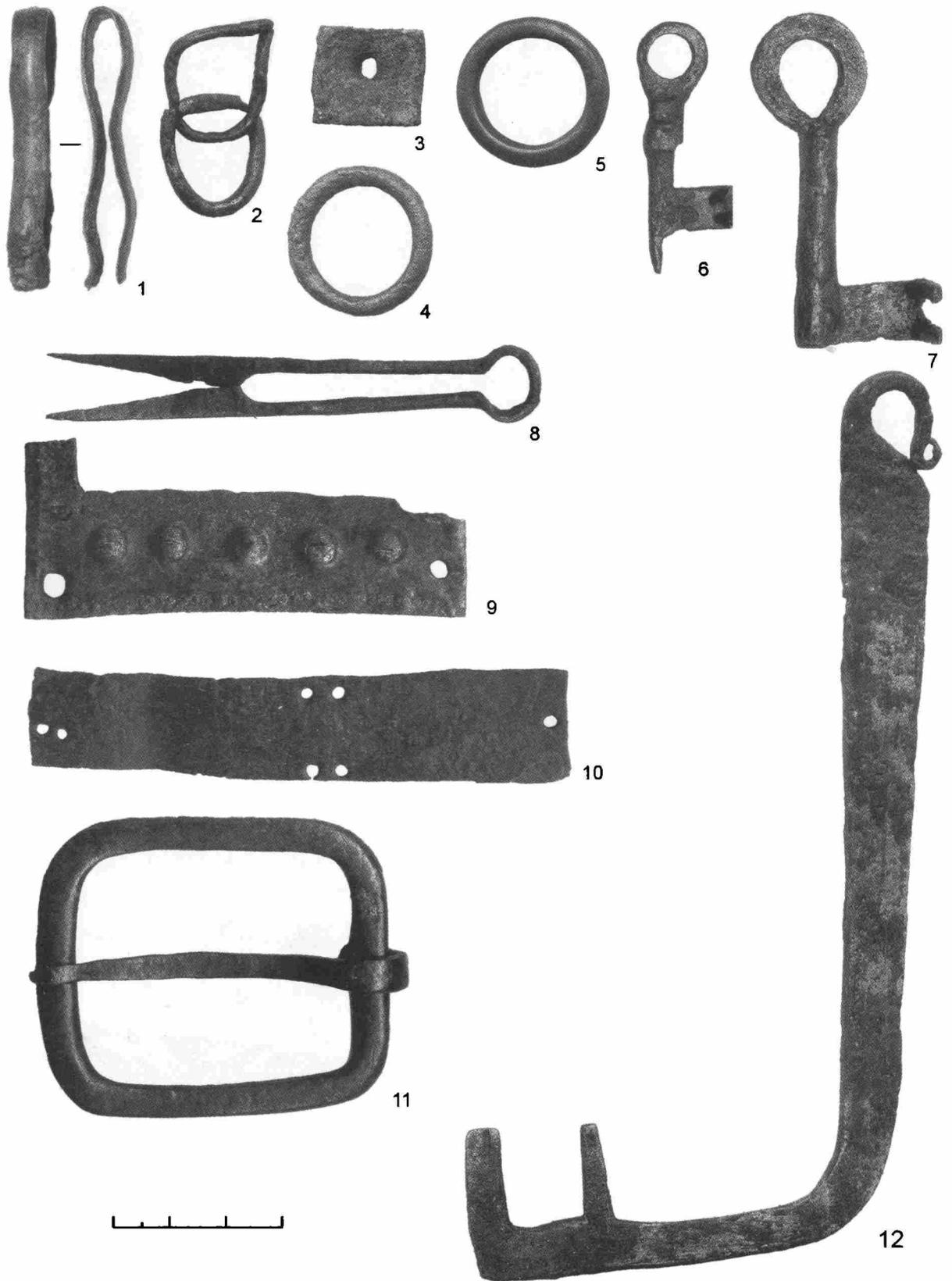

Рис. 10. Находки из горизонта середины XI—XII вв. Изделия из железа.
 1 — пинцет; 2 — фрагмент цепи; 3 — накладка; 4,5 — поясные кольца; 6,7,12 — ключи;
 8 — ножницы; 9,10 — накладки; 11 — пряжка.

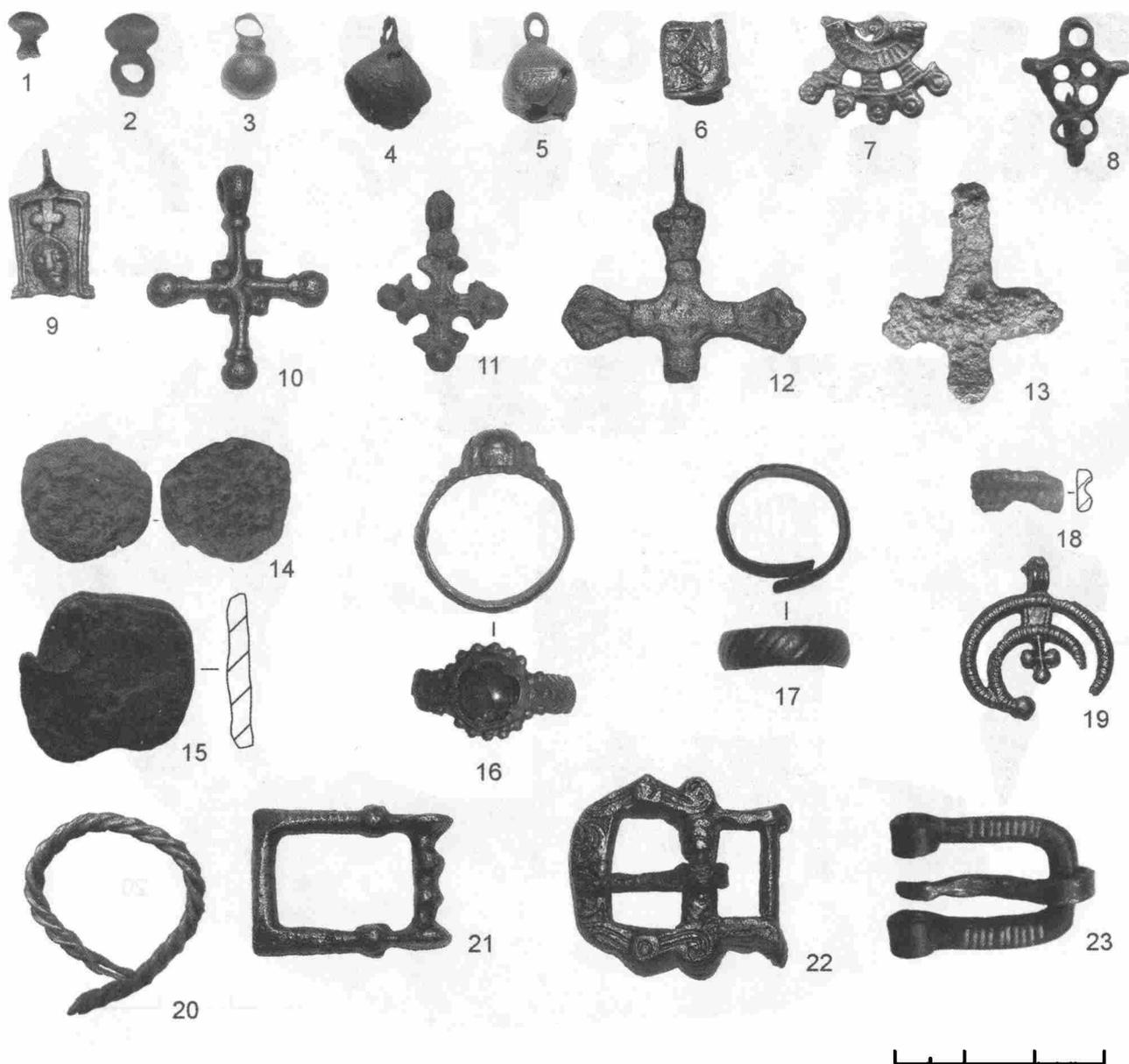

Рис. 11. Находки из горизонта середины XI–XII вв. Изделия из цветных металлов.
 1–3 – пуговицы; 4,5 – бубенчики; 6,16–18 – перстни; 7 – накладка; 8 – застежка книжная(?);
 9–13 – кресты-тельники; 14–15 – печати (?) свинцовые; 19 – лунница; 20 – браслета обломок;
 21–23 – пряжки.

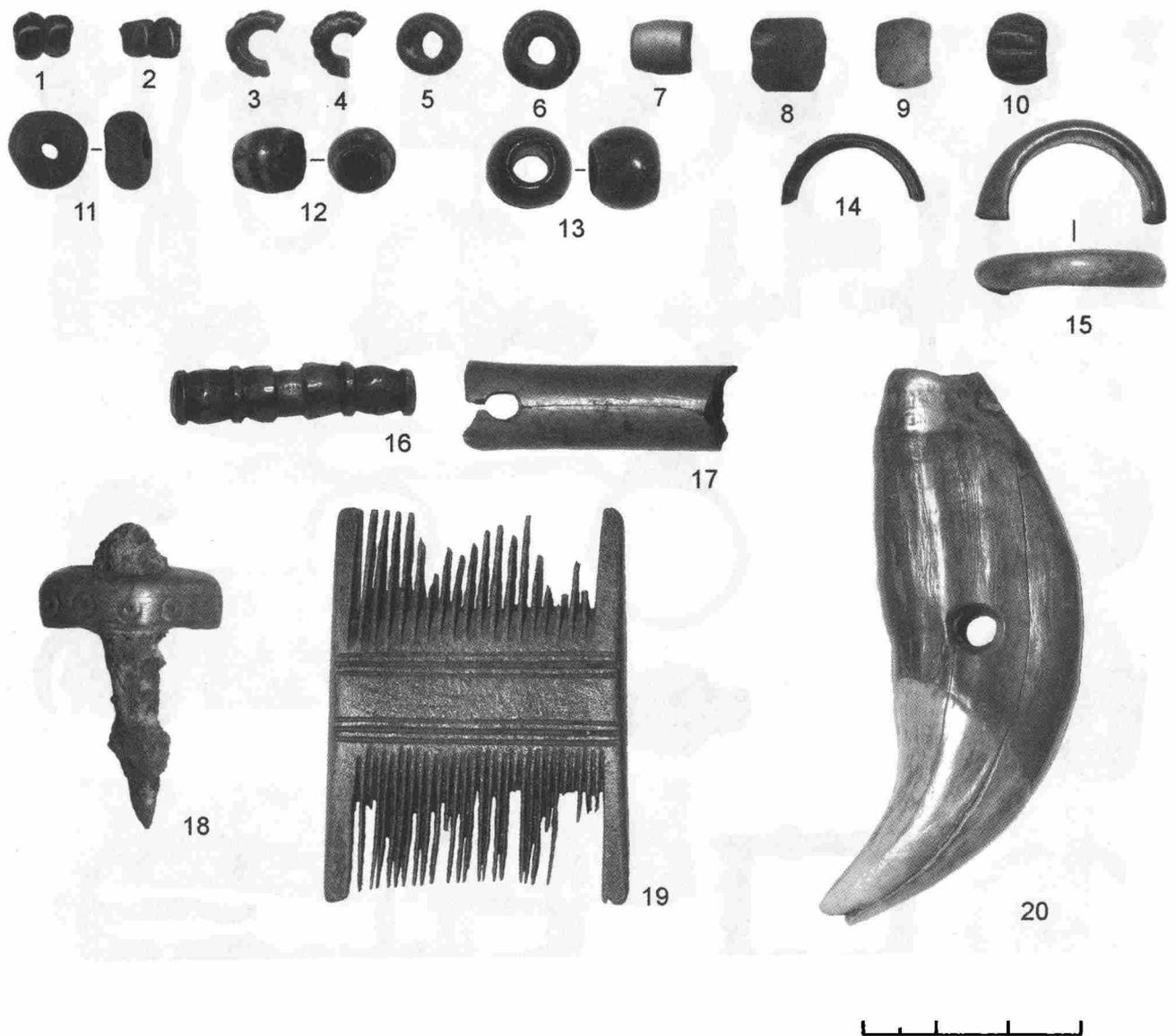

Рис. 12. Находки из горизонта середины XI—XII вв. Предметы из стекла, камня и кости.
 1—13 — бусы; 14,15 — перстни; 16 — пуговица; 17 — фрагмент птичьей кости с отверстием;
 18 — часть рукоятки; 19 — гребень; 20 — подвеска из клыка медведя; 1—7,9,10,12—15 — стекло;
 8 — сердолик; 11 — янтарь; 6—20 — кость.

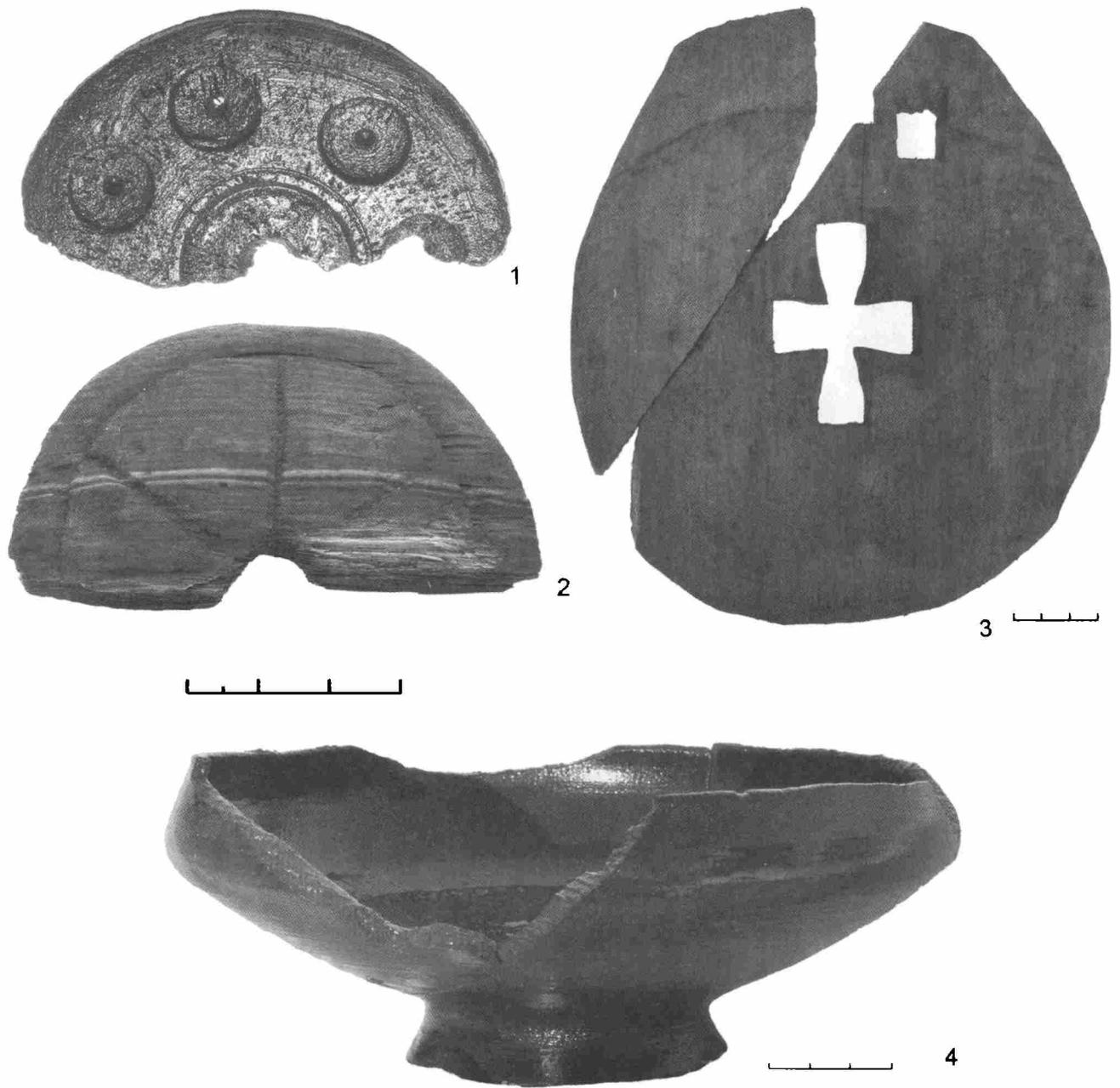

Рис. 13. Находки из горизонта середины XI—XII вв. Изделия из дерева.
1 — деталь из самшита(?); 2 — обломок колесика; 3 — "пасочница"(?); 4 — миска точеная.

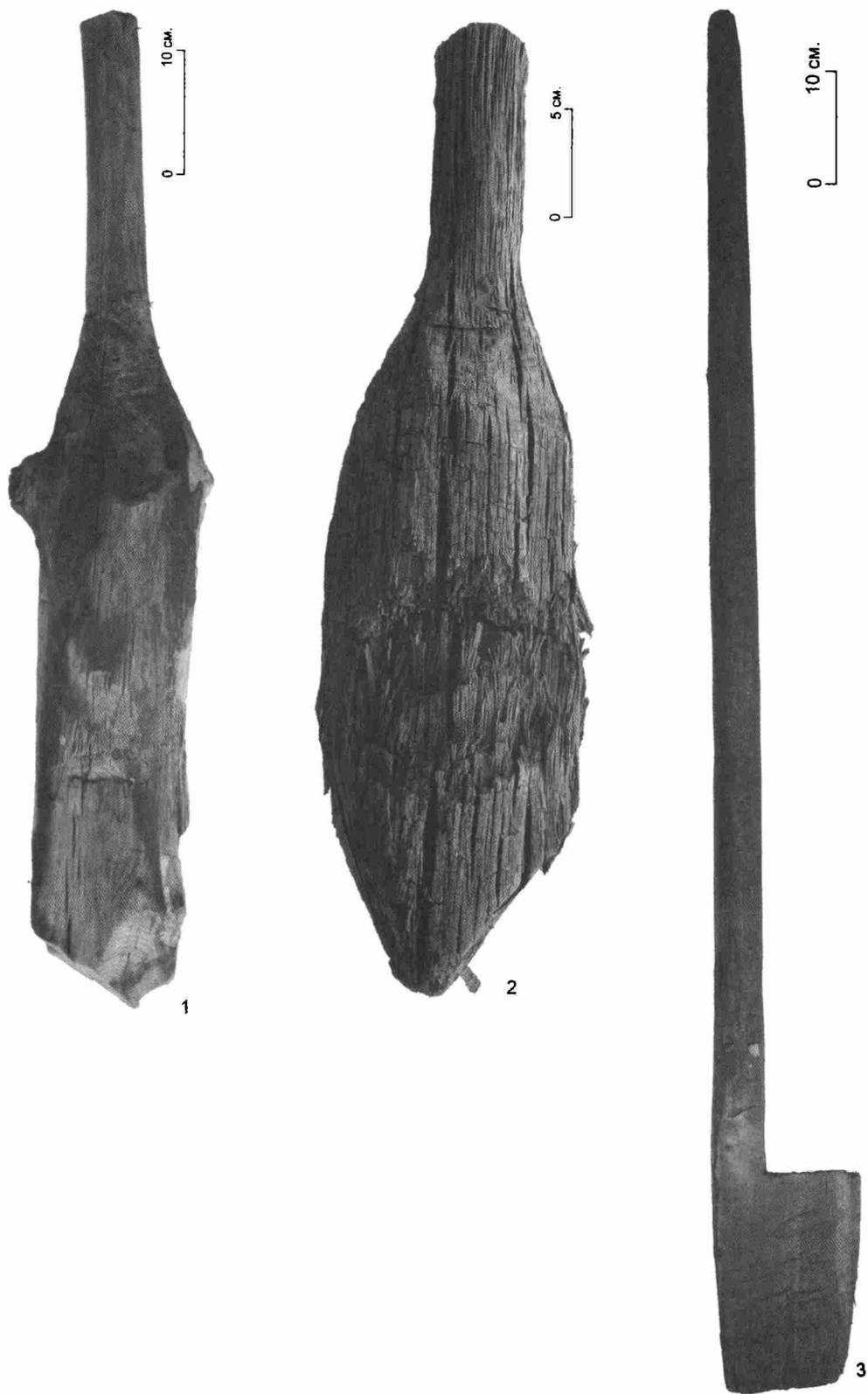

Рис. 14. Деревянные чекмари и лопата из ямы 4.

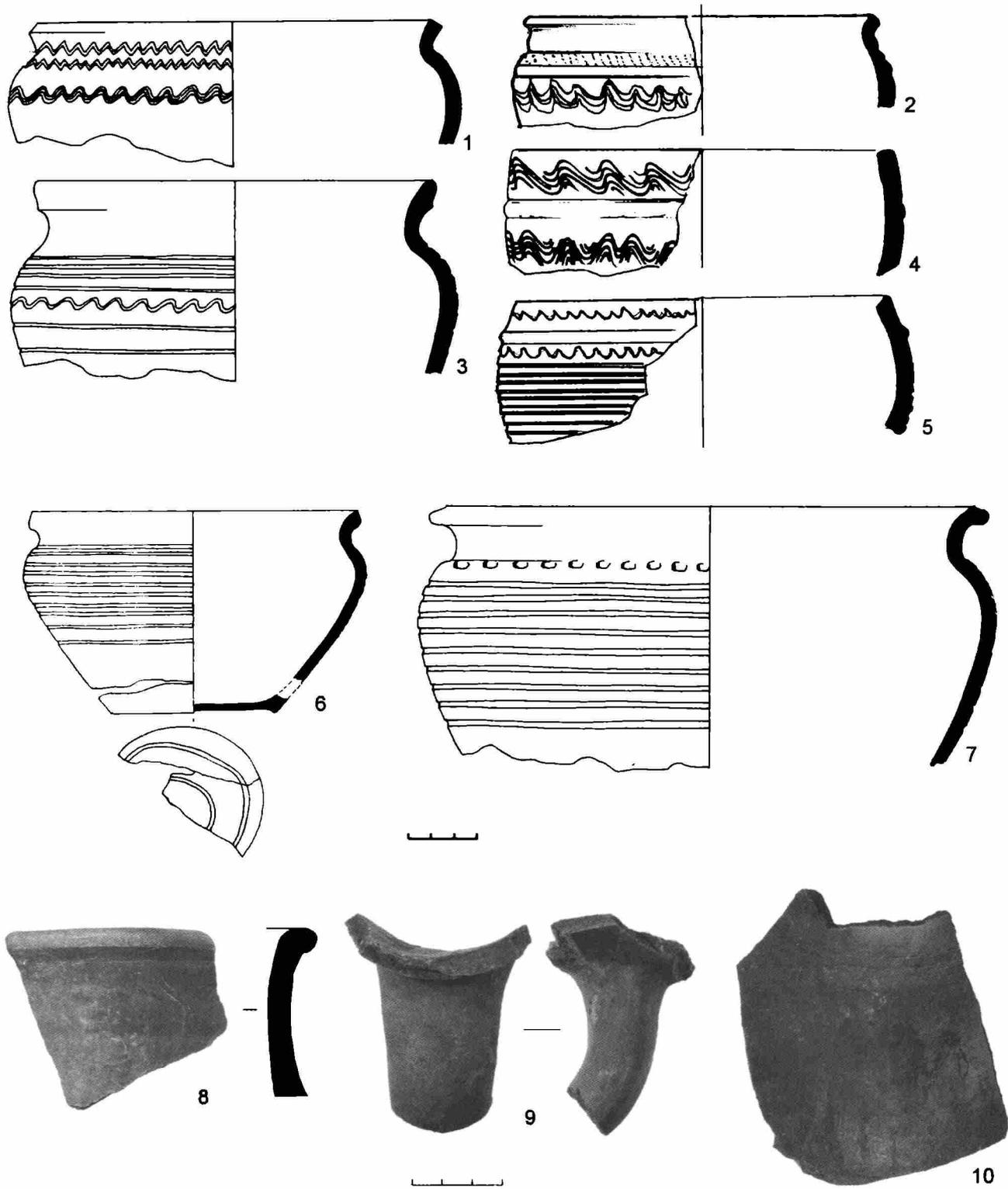

Рис. 15. Круговая керамика нижнего горизонта.
 1,3,5,6 — пласт 17; 2,4 — пласт 18; 8-10 — фрагменты болгарских сосудов (пласт 18).

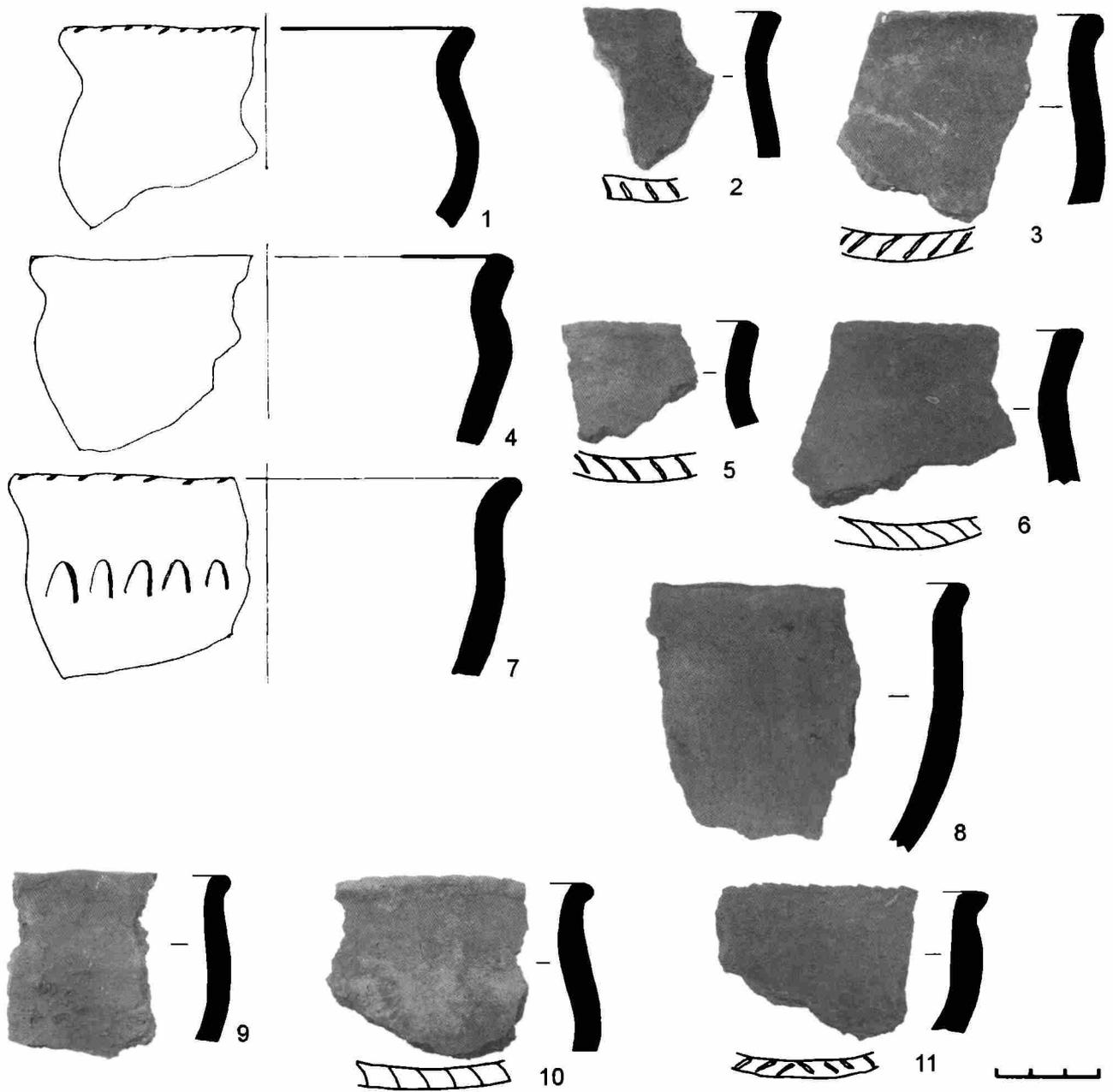

Рис. 16. Лепная керамика из нижнего горизонта.
 1-6 — пласт 18; 7 — пласт 19; 8-11 — пласт 20.

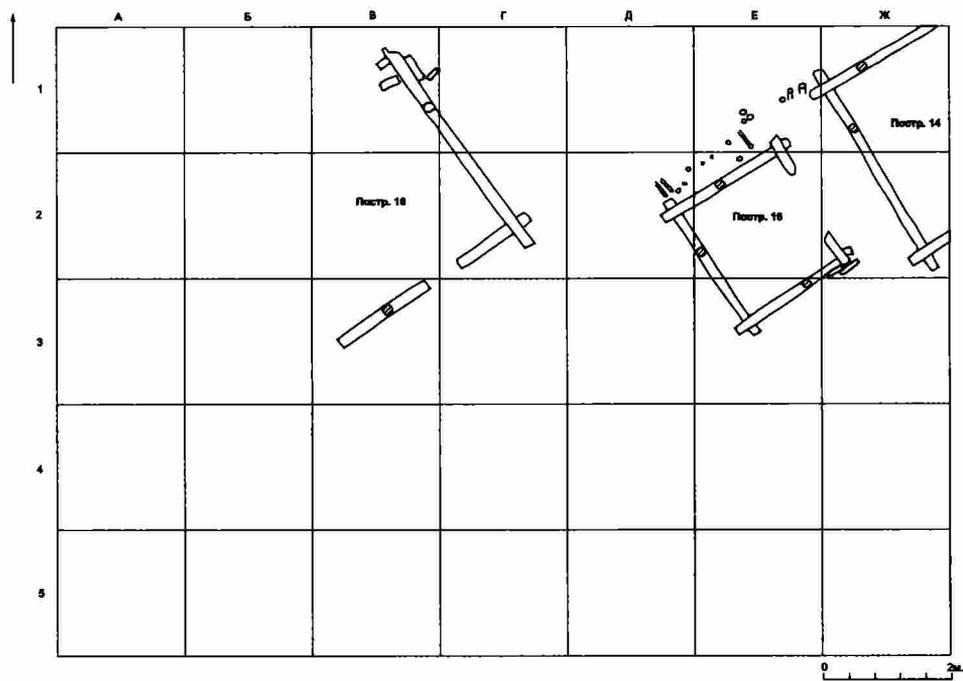

Рис. 17. Усадьба А. 2 строительный горизонт.

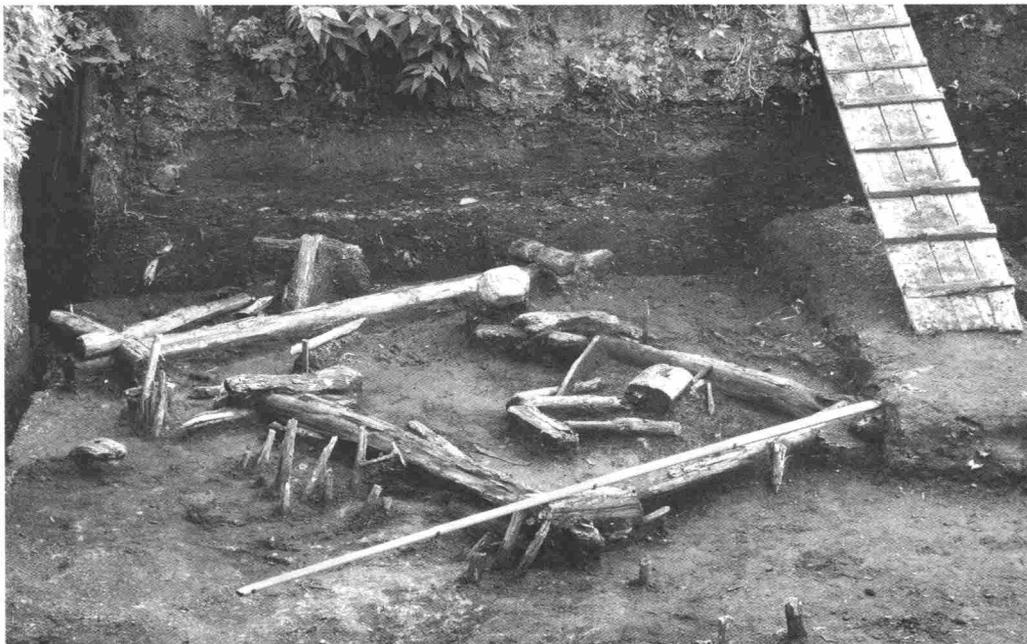

Рис. 18. Усадьба А. Постройка 15 и остатки плетня. Вид с запада.

Рис. 19. Усадьба А. Западный угол постройки 14. Вид с запада.

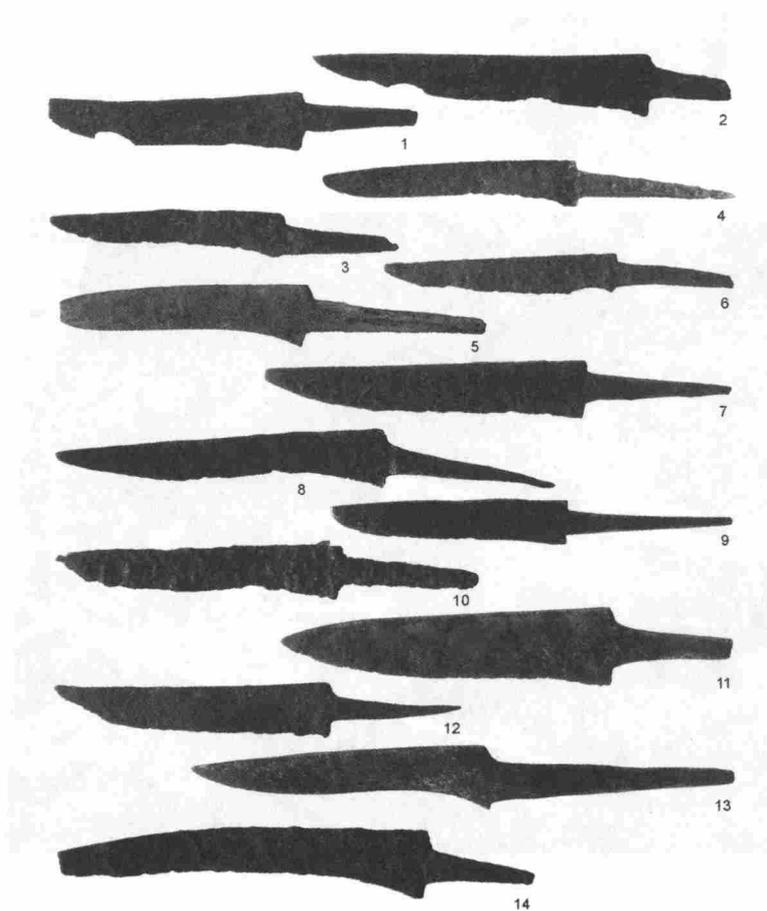

Рис. 20. Усадьба А. Ножи.

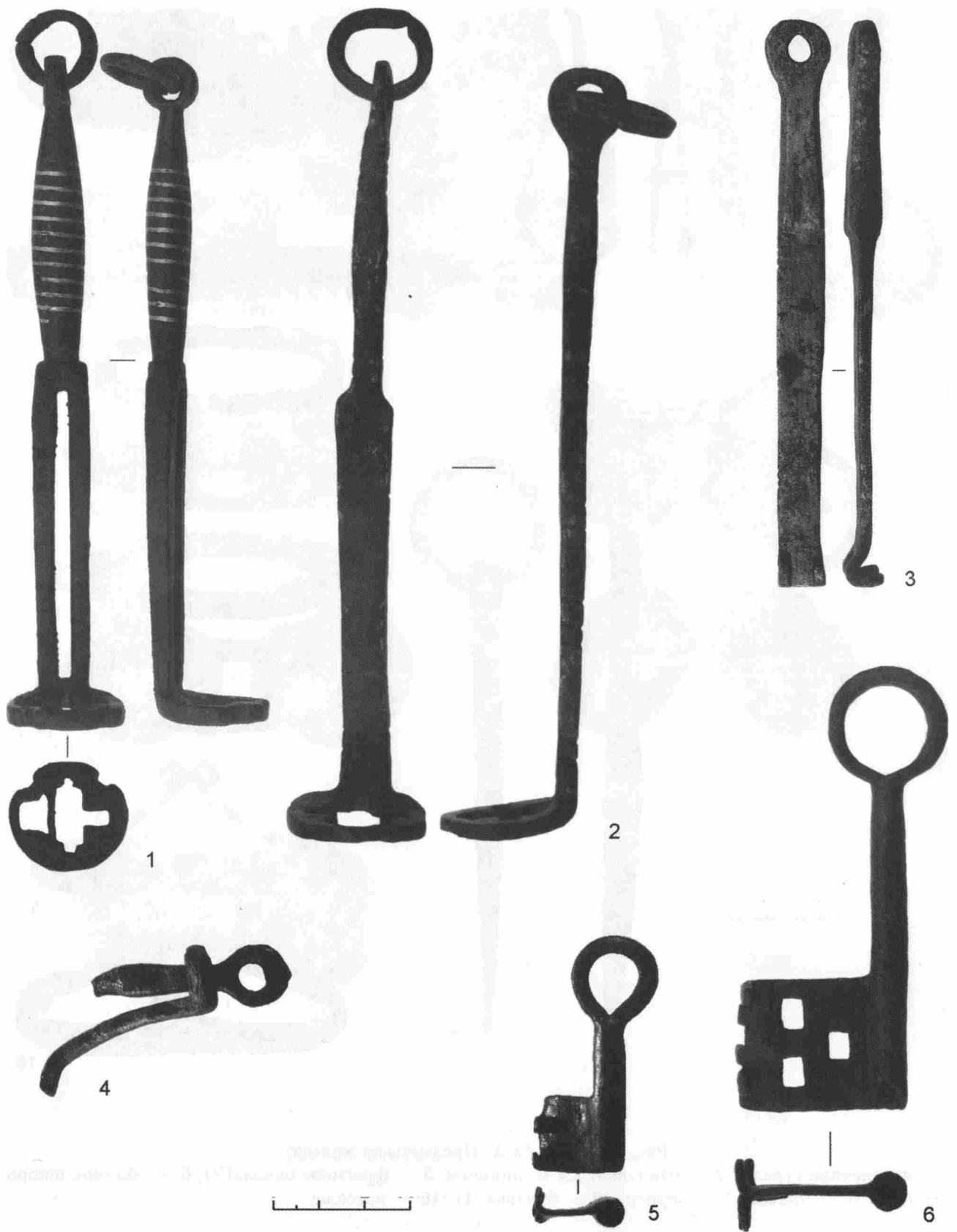

Рис. 21. Усадьба А. Ключи железные.

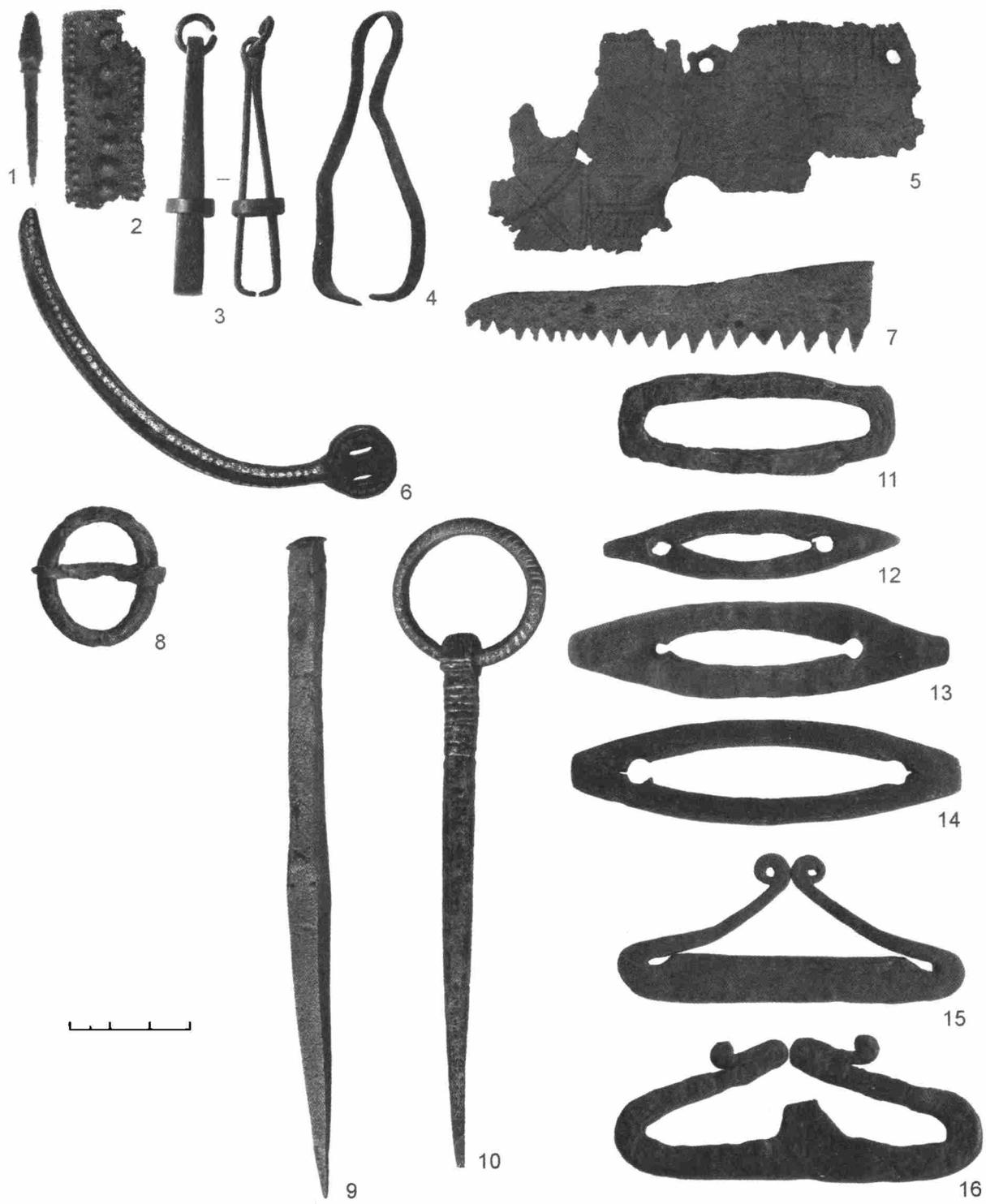

Рис. 22. Усадьба А. Предметы из железа.

1 — наконечник стрелы; 2 — накладка; 3, 4 — пинцеты; 5 — фрагмент оклада(?); 6 — обломок шпоры; 7 — пила; 8 — пряжка; 9 — кернер; 10 — булавка; 11–16 — кресала.

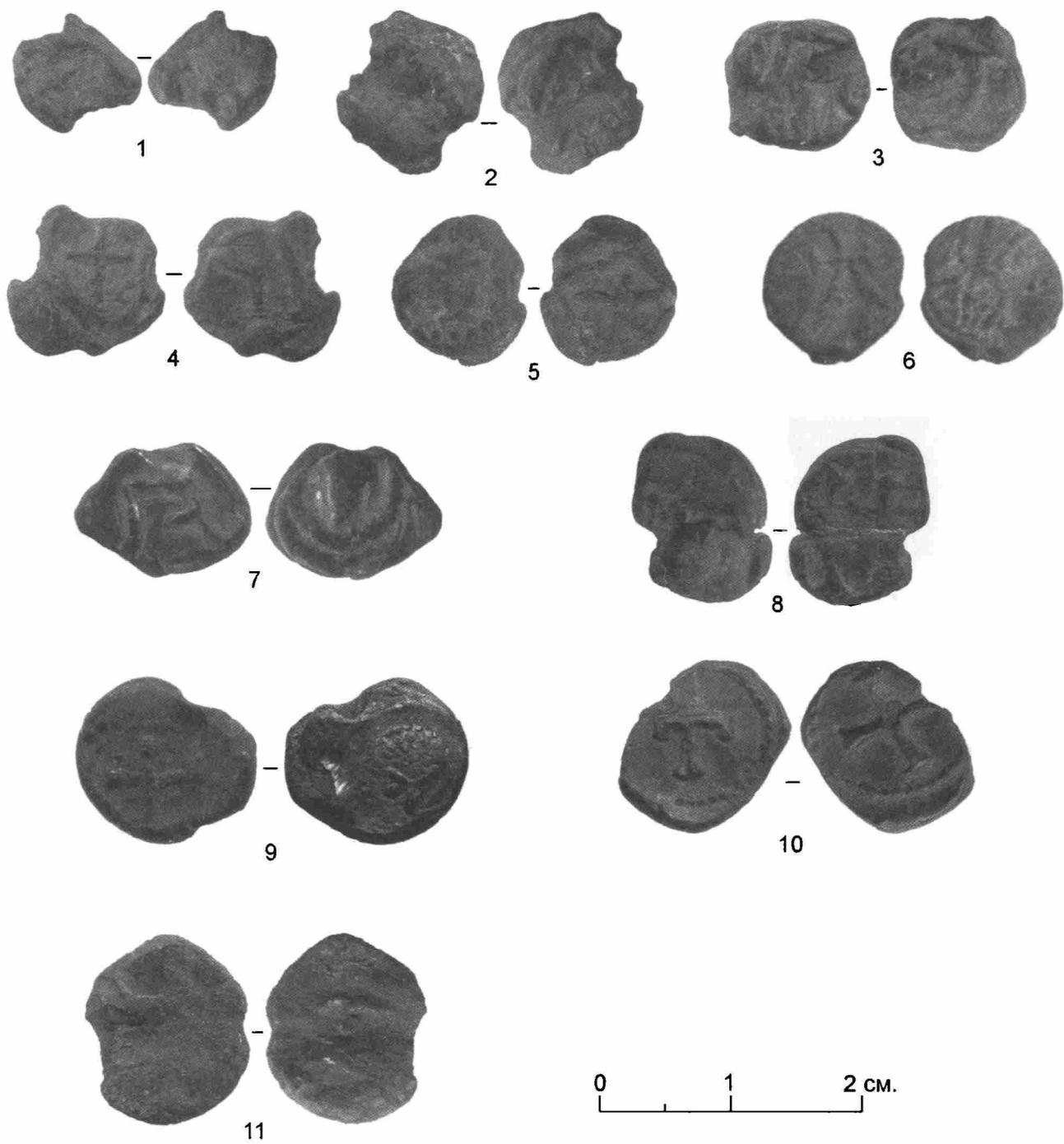

Рис. 23. Усадьба А. Пломбы свинцовые.

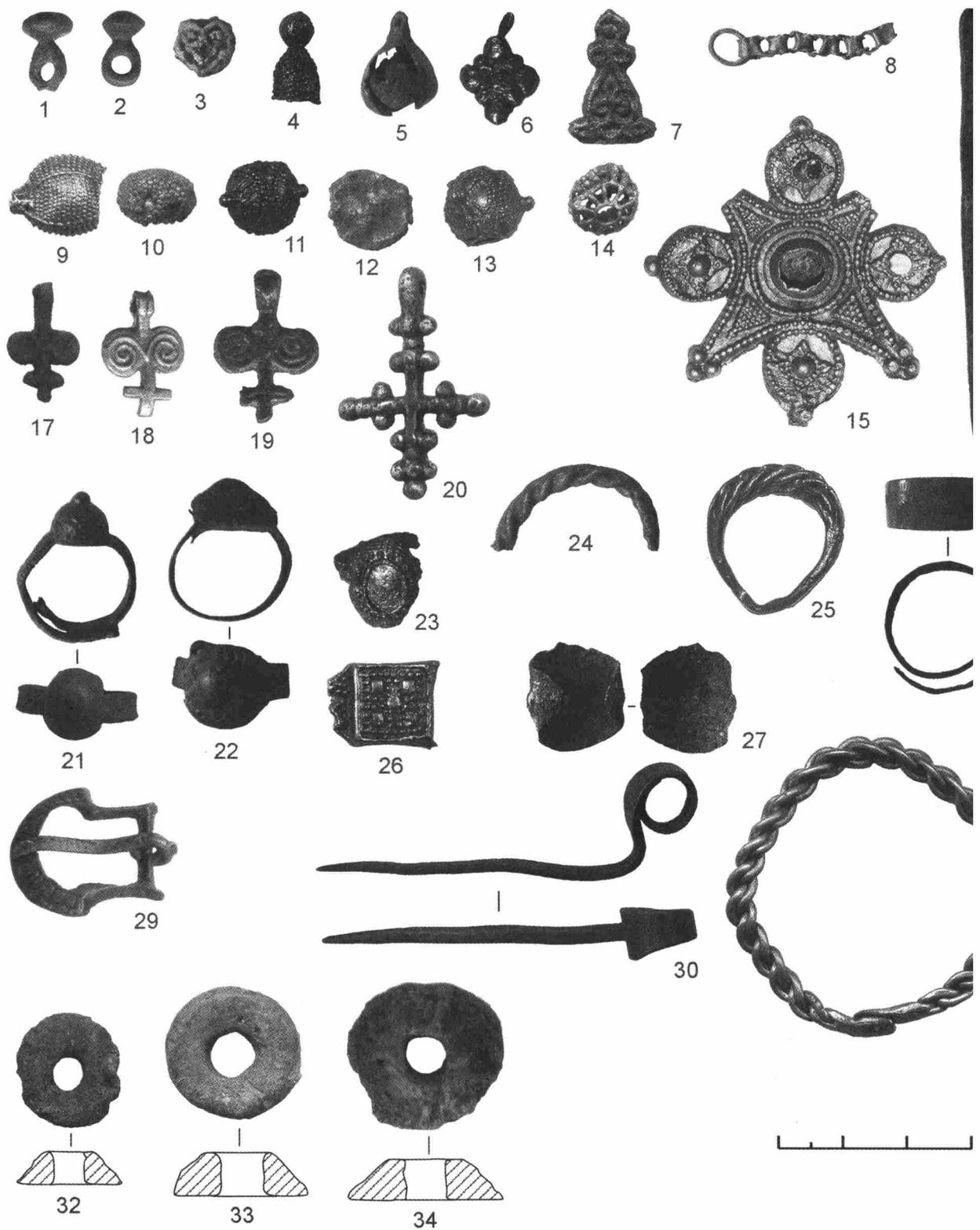

Рис. 24. Усадьба А. Предметы из цветных металлов.

1,2 — пуговицы; 3 — накладная поясная; 4 — обломок золота; 5 — бубенчик; 6,7 — накладки; 8 — цепочка; 9-14 — бусины; 15 — головка булавки; 16,30 — булавки; 17-19 — подвески крестоспиральные; 20 — крест нательный; 21-28 — перстни; 29 — пряжка; 31 — браслет; 32-34 — грузики.

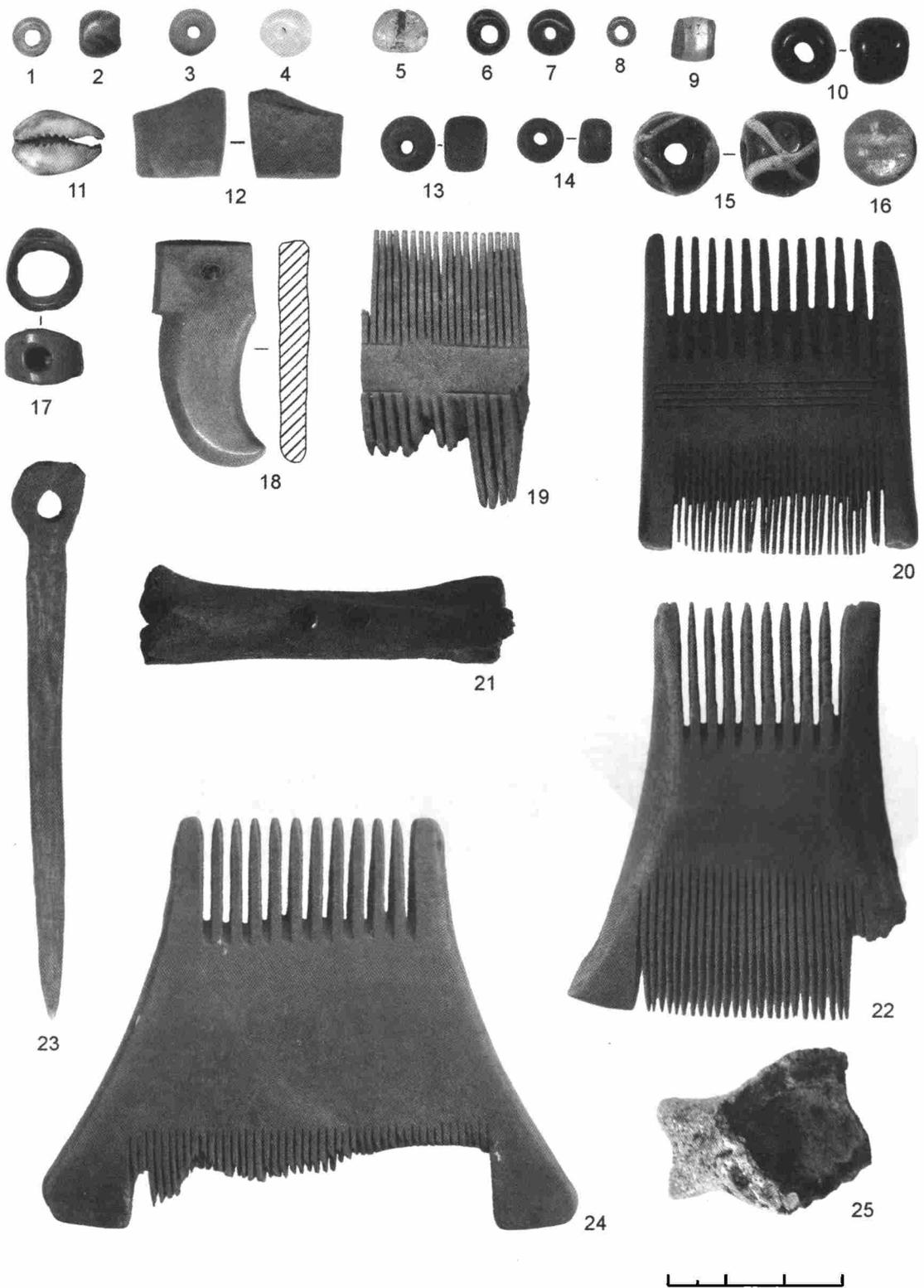

Рис. 25. Усадьба А. Изделия из стекла, камня, кости, глины.
 1-10, 13-16 — бусы; 11 — раковина каури; 12 — пластина; 17 — перстенок; 18 — поделка;
 19, 20, 22, 24 — гребни; 21 — "брунчалка"; 23 — проколка; 25 — льячка-тигель;
 1, 2, 6-10, 15, 16 — стекло; 1, 5 — хрусталь; 12-14 — янтарь; 17-24 — кость; 25 — глина.

Рис. 26. Усадьба А.
Изделия из бересты и дерева.
1 — крышка (?) берестяная;
2 — рисунок на берестяном кружке;
3 — обломок ложки; 4 — резная
деталь; 5 — ковш.

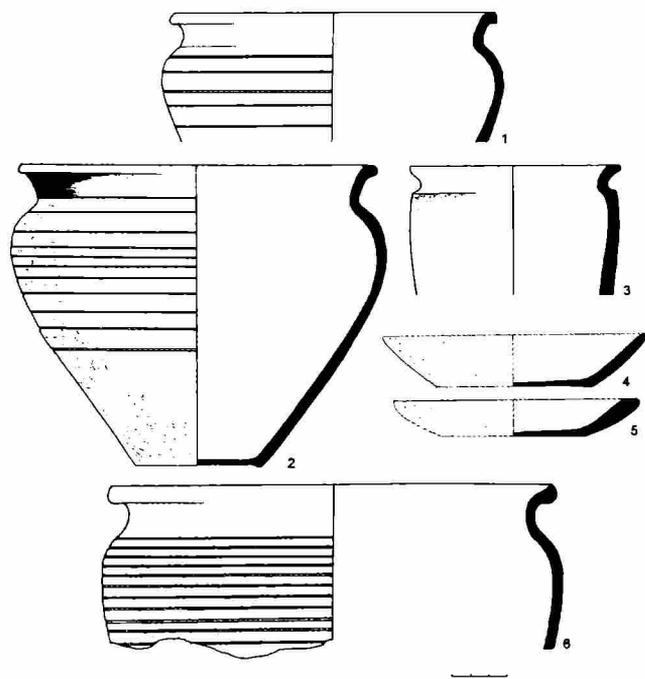

Рис. 27.
Усадьба А. Керамика.

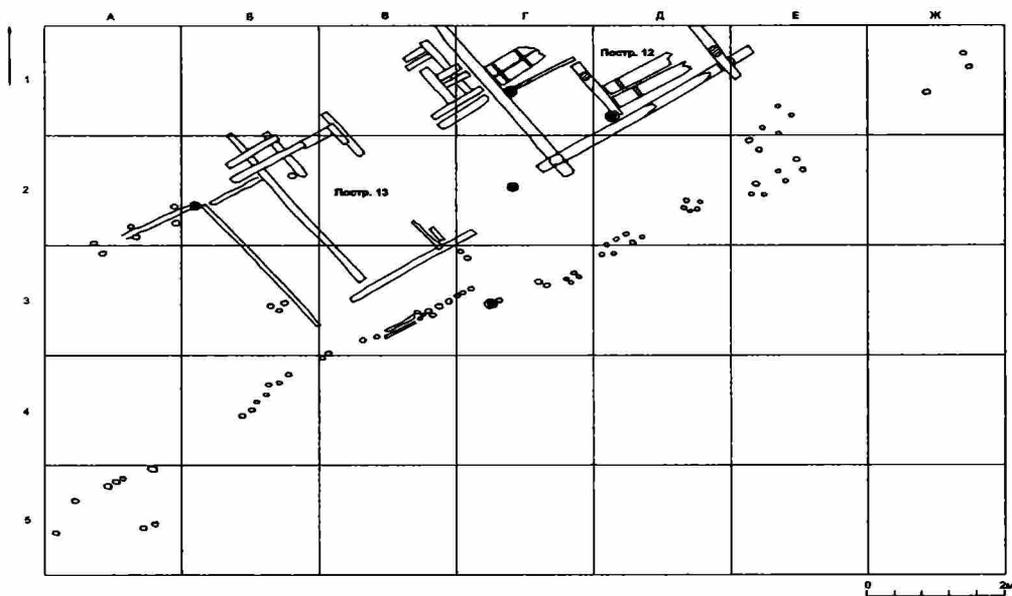

Рис. 28. Усадьба Б.
3 строительный горизонт.

Рис. 29. 3 строительный горизонт.
Печь в постройке 12 вид с севера.

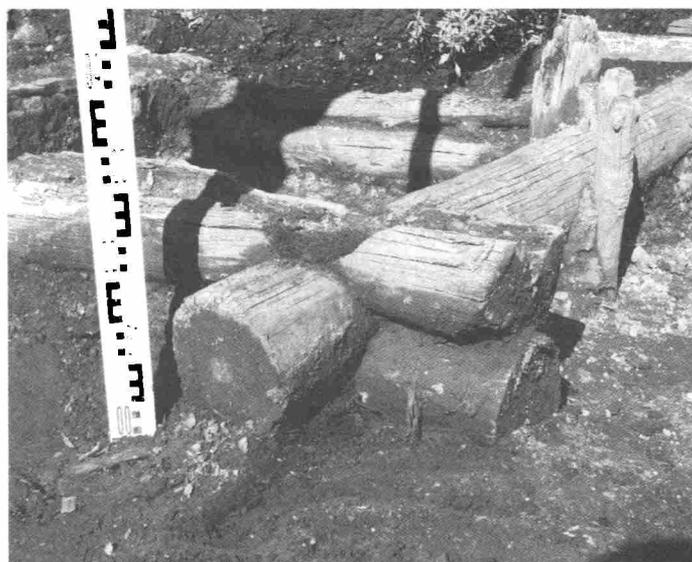

Рис. 30. 3 строительный горизонт.
Южный угол постройки 12.
Вид с юга.

Рис. 31. Постройка 12. Доски дверного полотнища. Вид с юго-востока.

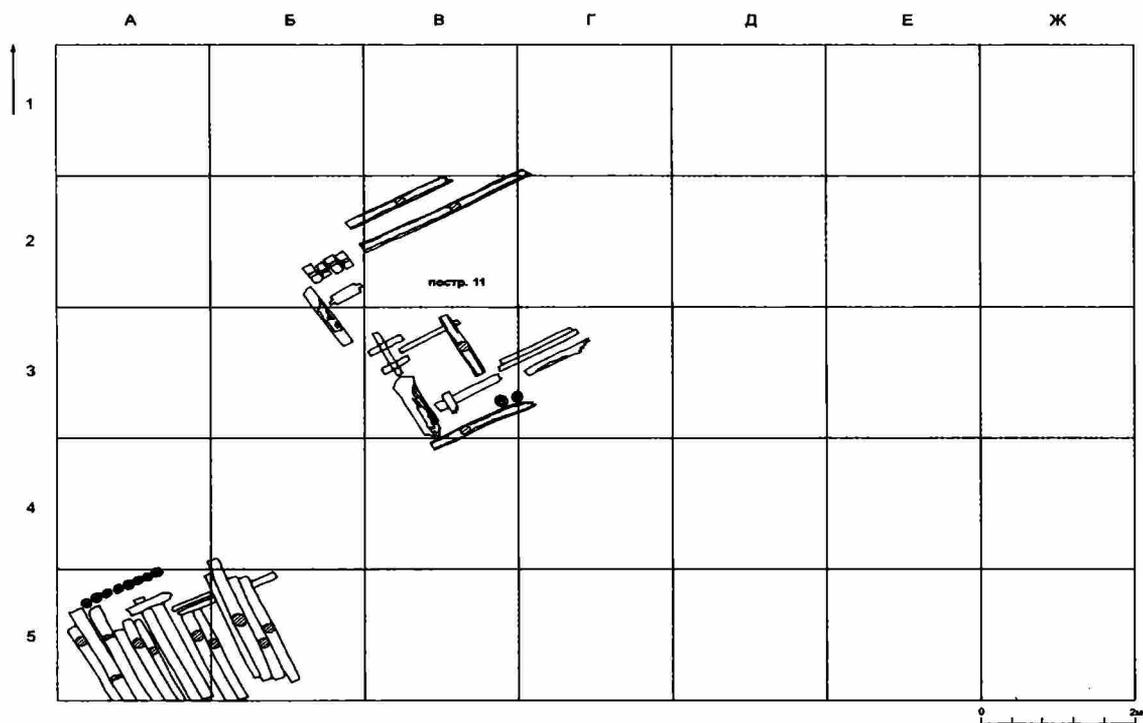

Рис. 32. Усадьба Б. Строительный горизонт.

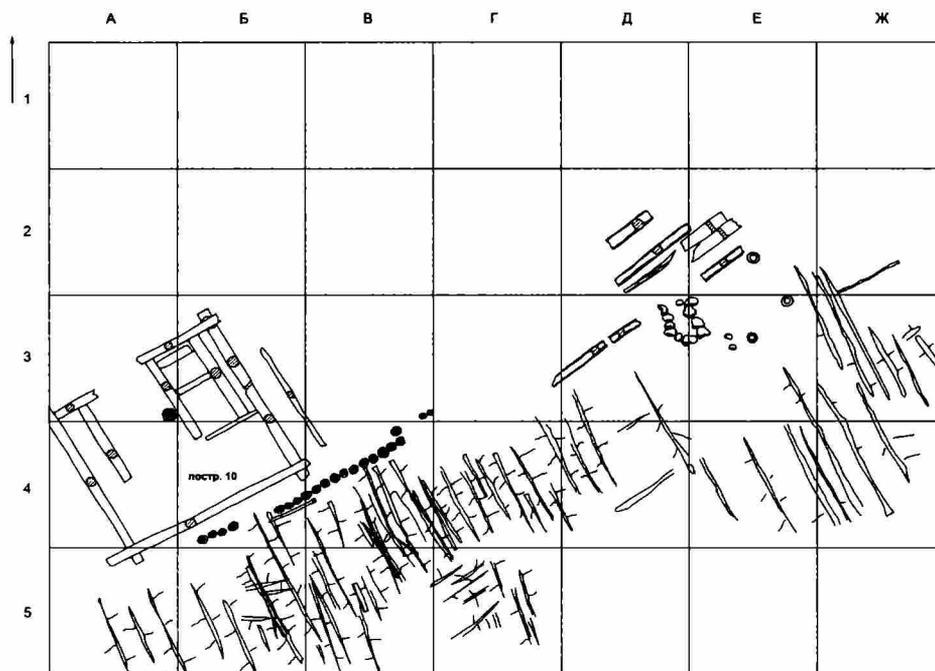

Рис. 33. Усадьба Б. 5 строительный горизонт.

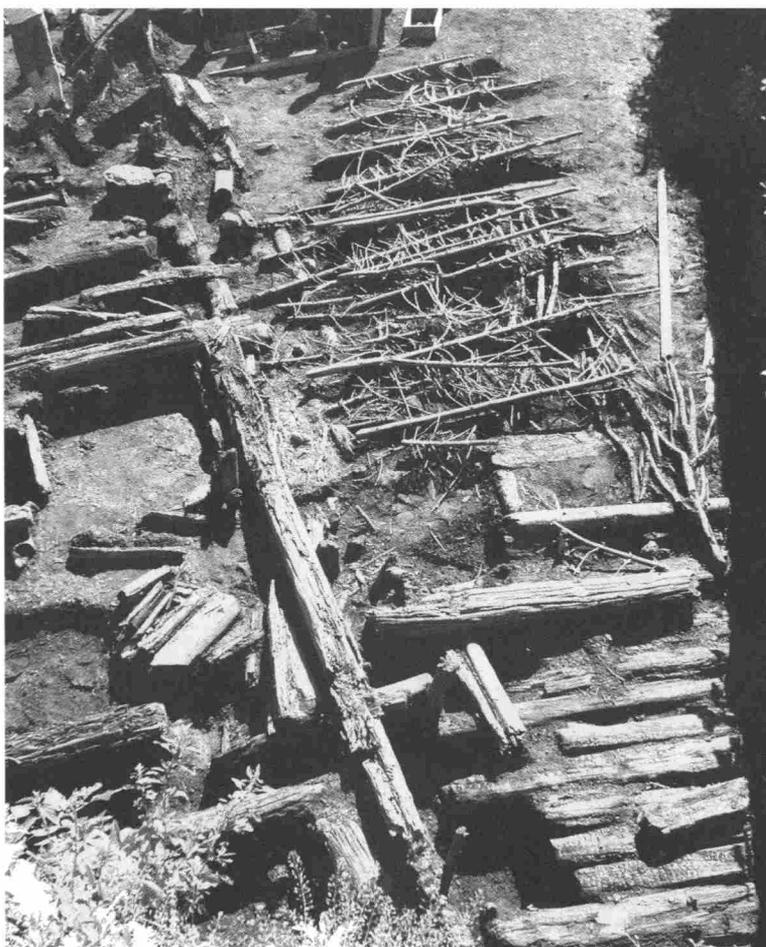

Рис. 34. Настил 4 горизонта и гать в юго-западном углу раскопа.
Слева — нижний венец постройки 10. Вид с запада.

Рис. 35. 5 строительный горизонт. Постройка 10 и гать. Вид с севера

Рис. 36. Развал печи в постройке 10. Вид с запада.

Рис. 37. Венец постройки 10 на сгоревшем частоколе 4 строительного горизонта. Вид с юга.

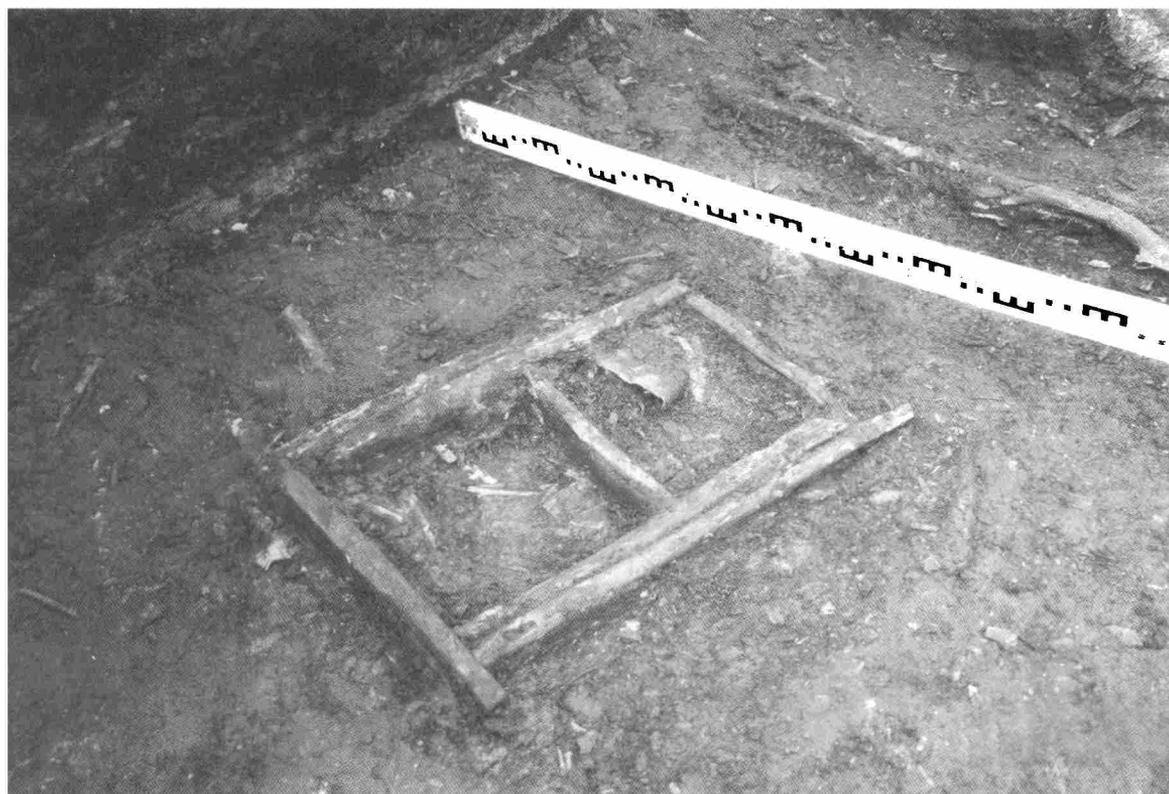

Рис. 38. 5 строительный горизонт. Деревянные пальцы "in situ".

Рис. 39. Плетение на пальцах. Реконструкция. (Худ. Купцов И.В.)

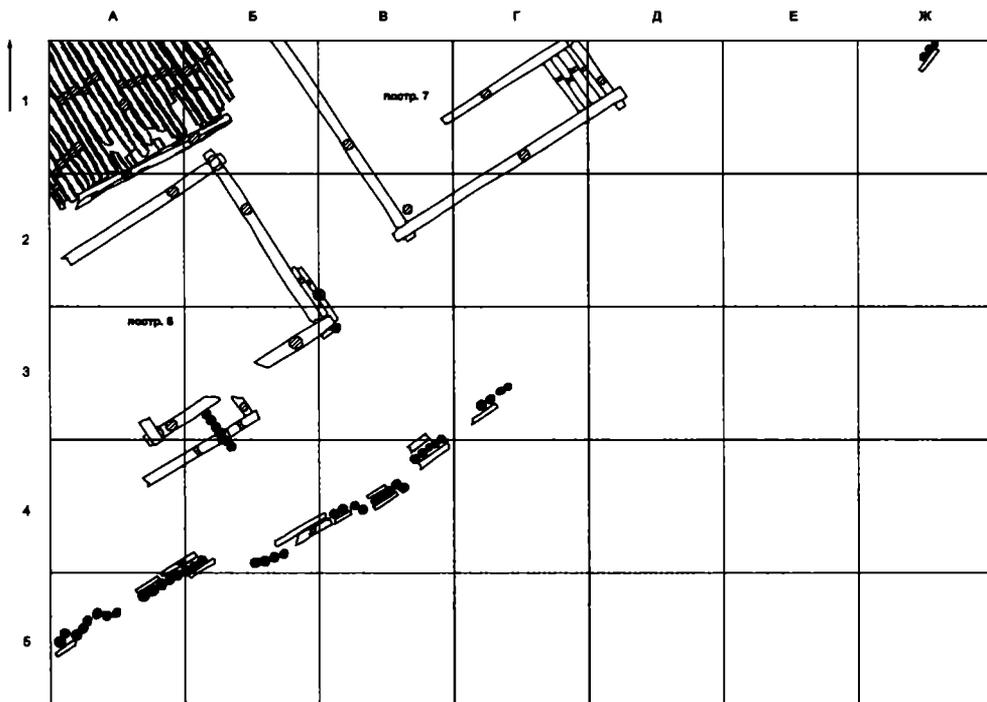

Рис. 40. Усадьба Б. 6 строительный горизонт.

Рис. 41. 6 строительный горизонт. Постройка 8. Вид с северо-запада.

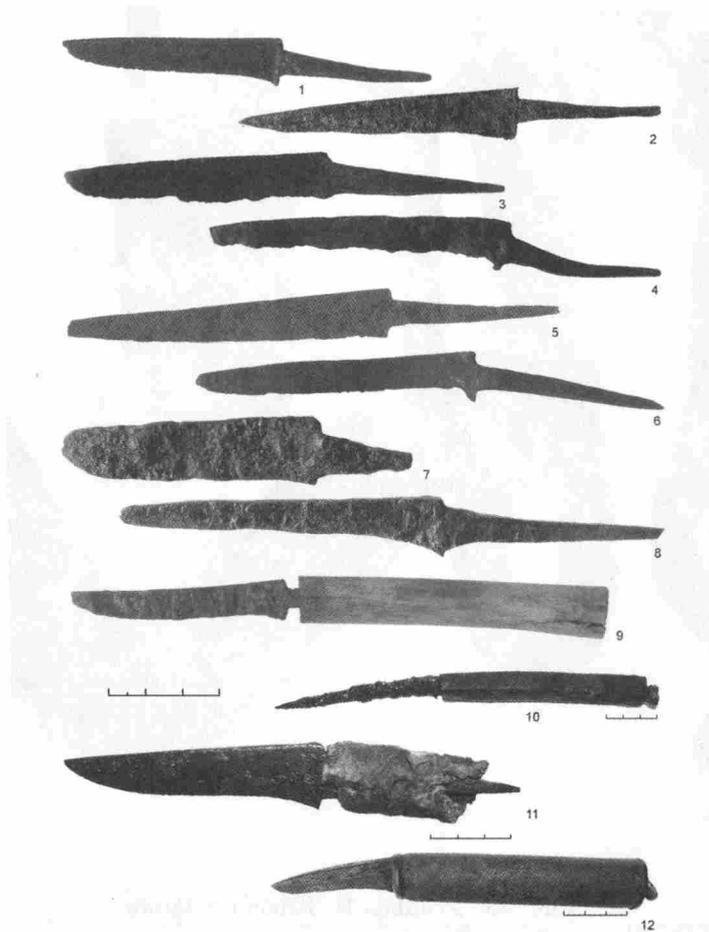

Рис. 42. Усадьба Б. Ножи.
9 — с костяной рукояткой; 10,12 — с деревянной рукояткой; 11 — с рукояткой из капа.

Рис. 43. Усадьба Б. Ключи и замки.

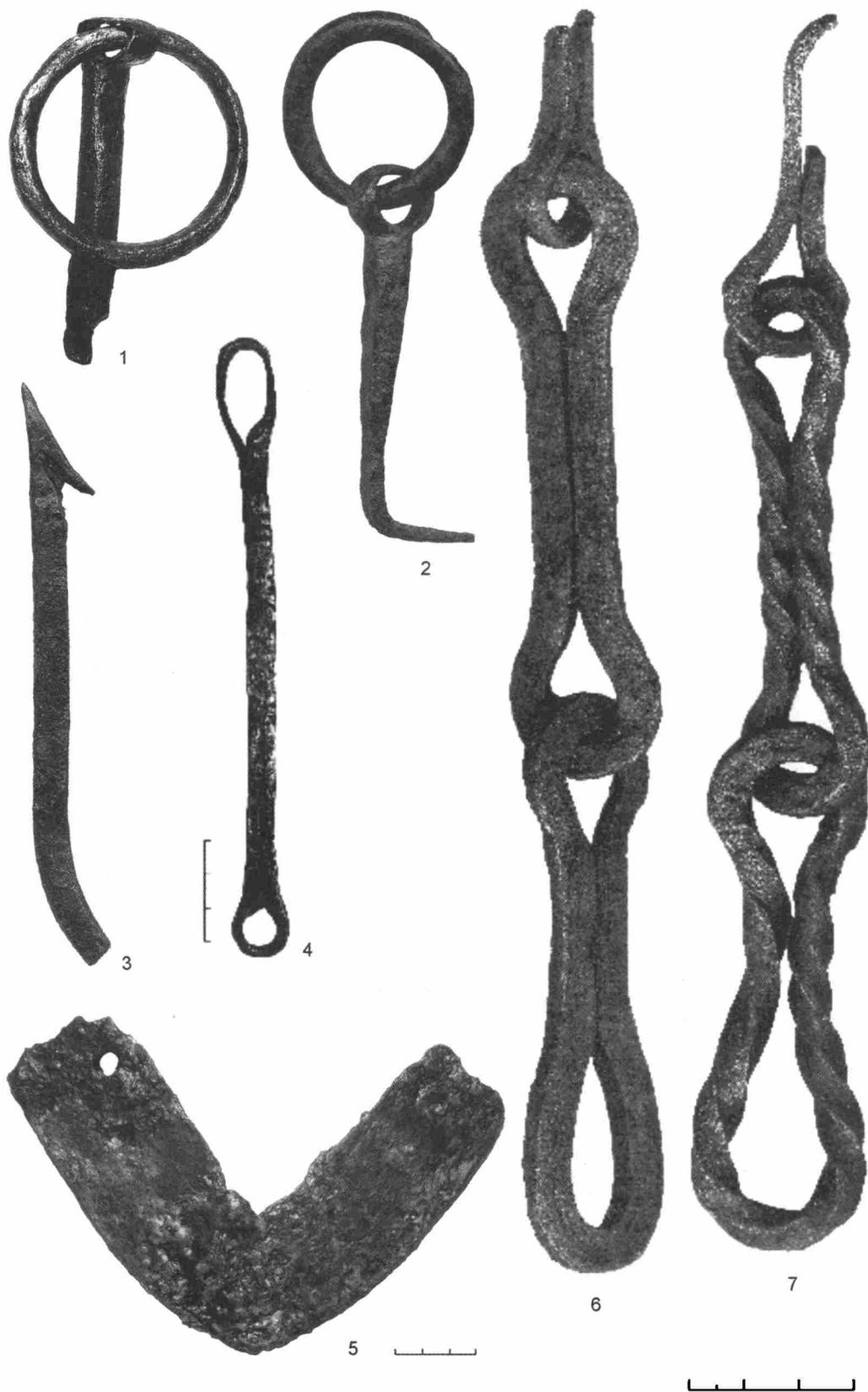

Рис. 44. Усадьба Б. Изделия из железа.

1 — стержень с кольцом; 2 — пробой; 3 — острога; 4 — накладка; 5 — оковка лопаты; 6,7 — цепи.

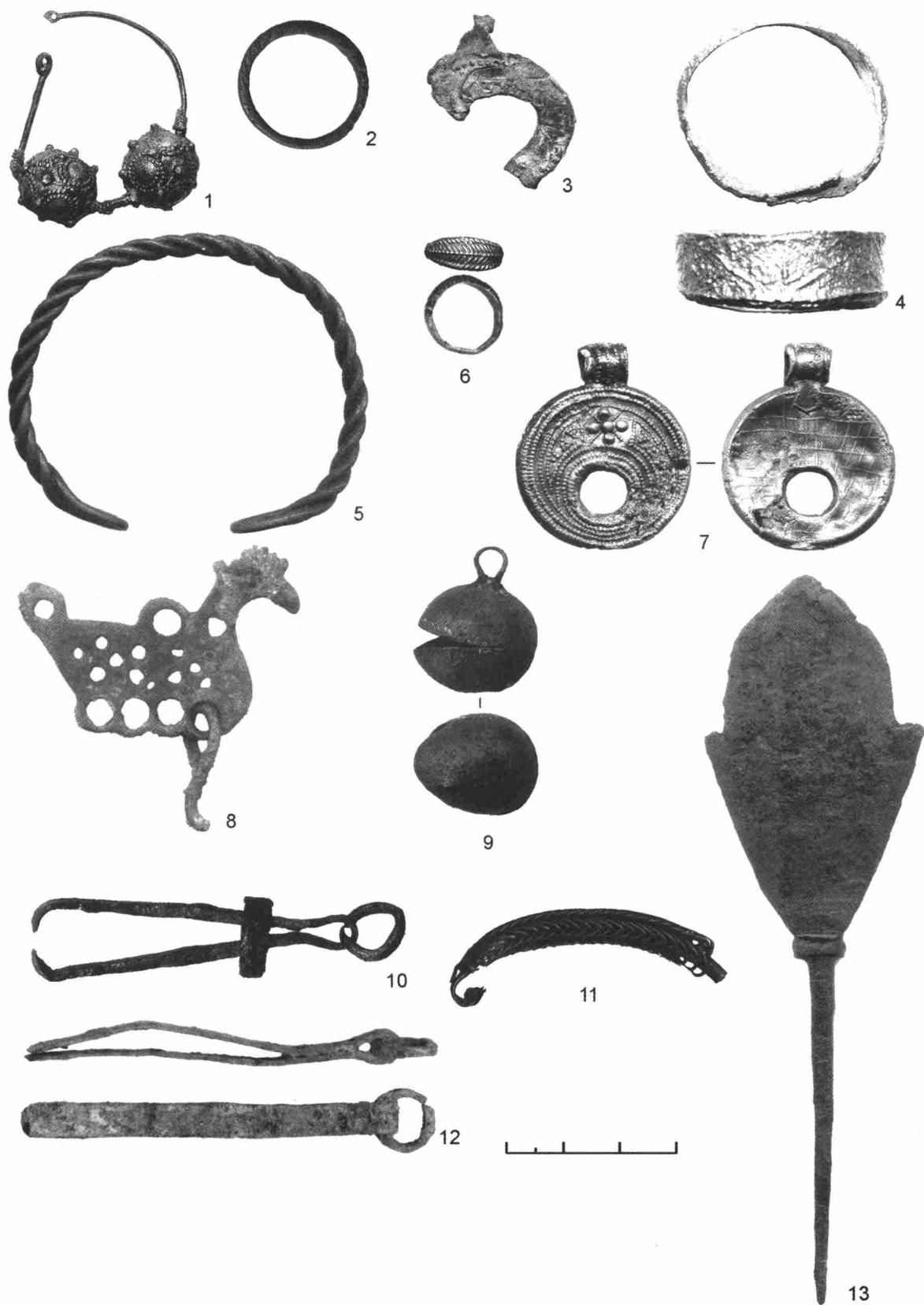

Рис. 45. Усадьба Б. Металлические предметы.

1 — височное кольцо; 2,6 — перстни; лунницы обломок; 4,5,11 — браслеты; 7 — лунница; 8 — подвеска; 9 — бубенчик; 10,12 — пинцеты; 13 — наконечник стрелы; 1,3,4,6,7 — белый металл; 2,5,8,9,11 — бронза; 10,12,13 — железо.

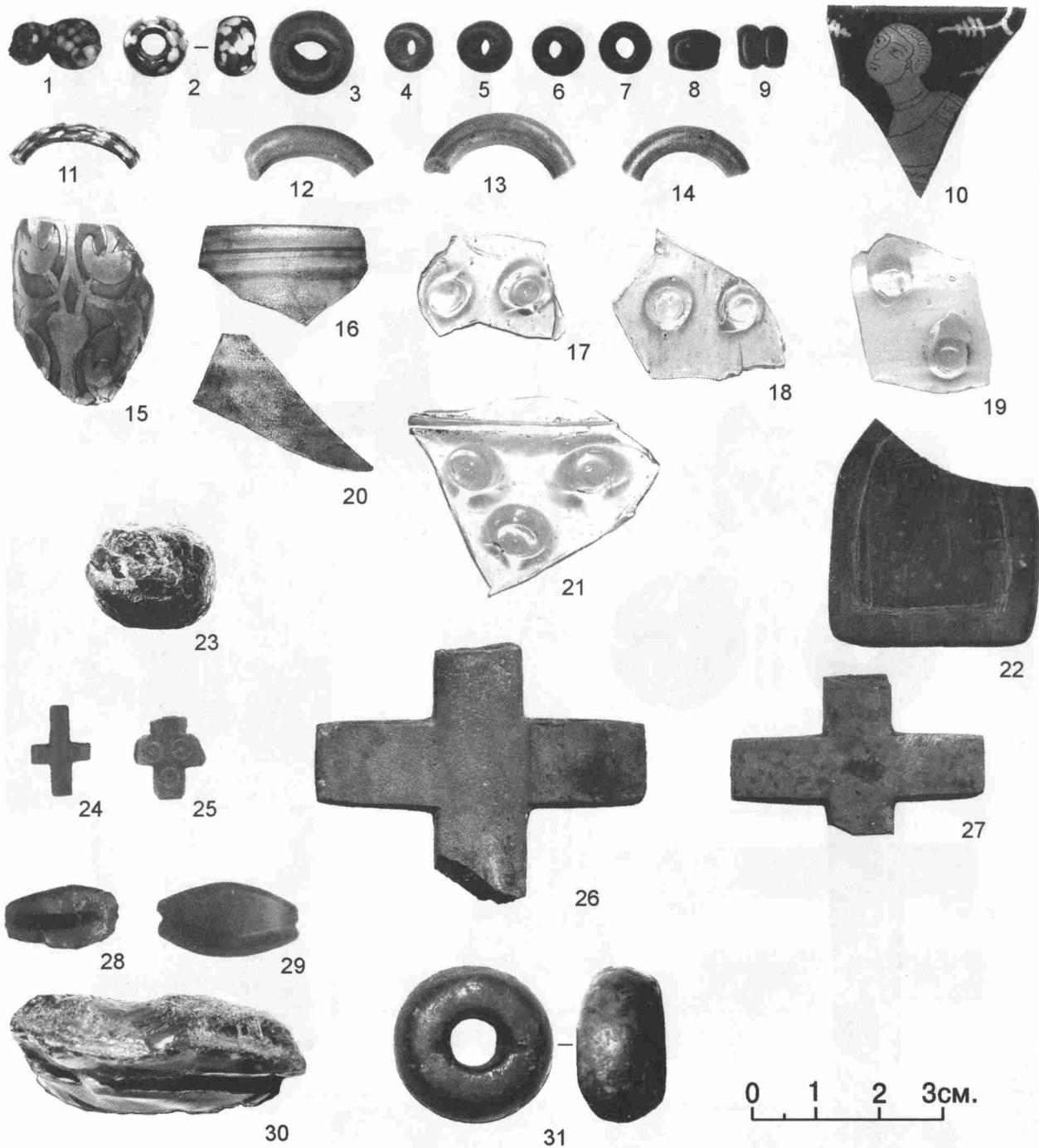

Рис. 46. Усадьба Б. Изделия из стекла и камня.

1-9, 28, 29 — бусы; 10, 15, 16-21 — фрагменты сосудов; 11-14 — перстни; 22 — заготовка образка; 23 — гранат; 24-27 — кресты-тельники; 30 — янтарь со следами сверления; 31 — пряслице; 1-3, 6-21 — стекло; 4, 5, 28-30 — янтарь; 22, 26, 27, 31 — шифер.

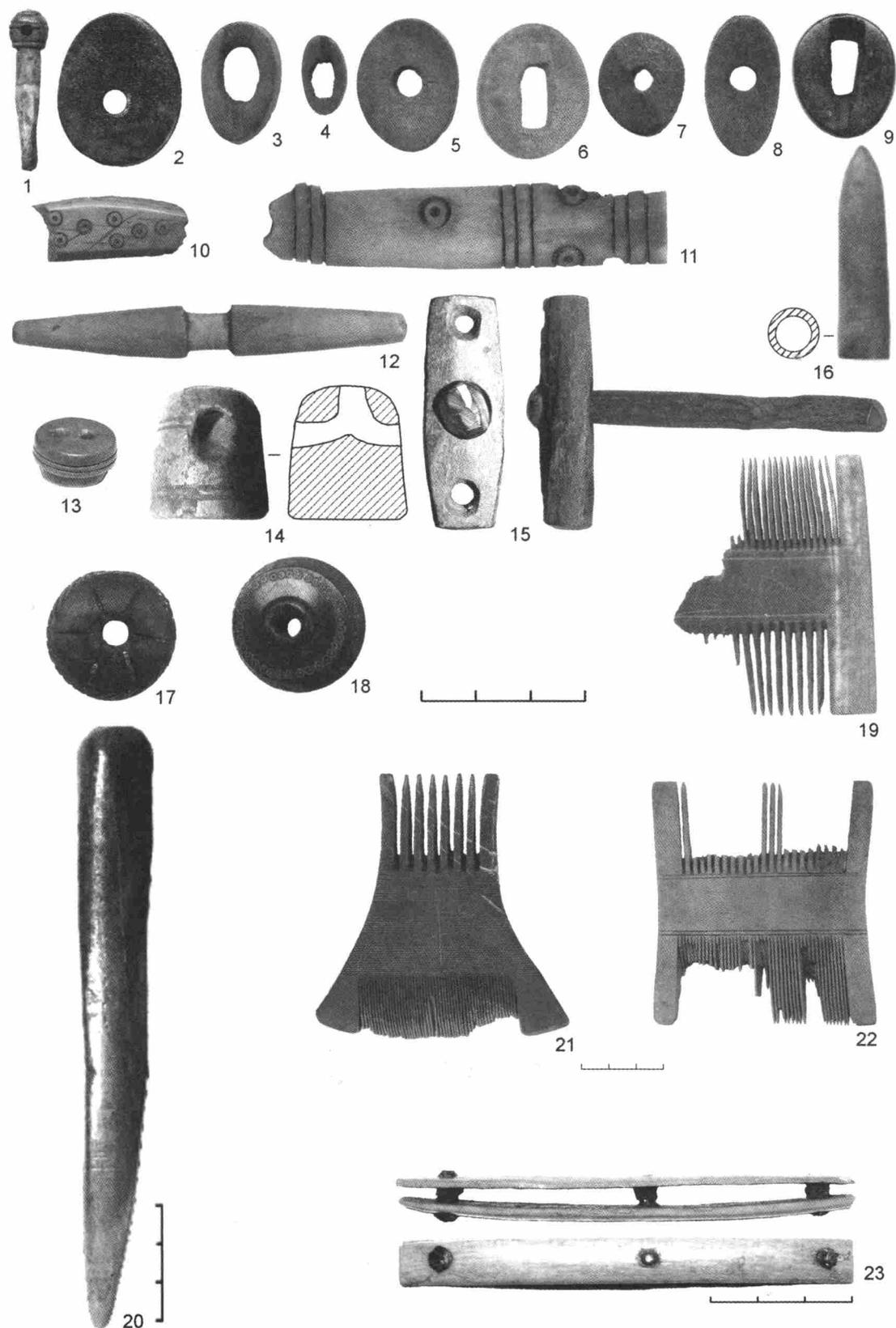

Рис. 47. Усадьба Б. Изделия из кости.

1 — шпилька; 2-9 — детали наборных рукояток; 10 — обломок накладки; 11 — обломок рукоятки; 12,13,17,18 — пуговицы; 14 — корпус печати (?); 15 — вертлюг; 16 — наконечник стрелы; 19,21,22 — гребни; 20 — кочедык; 23 — обоймица.

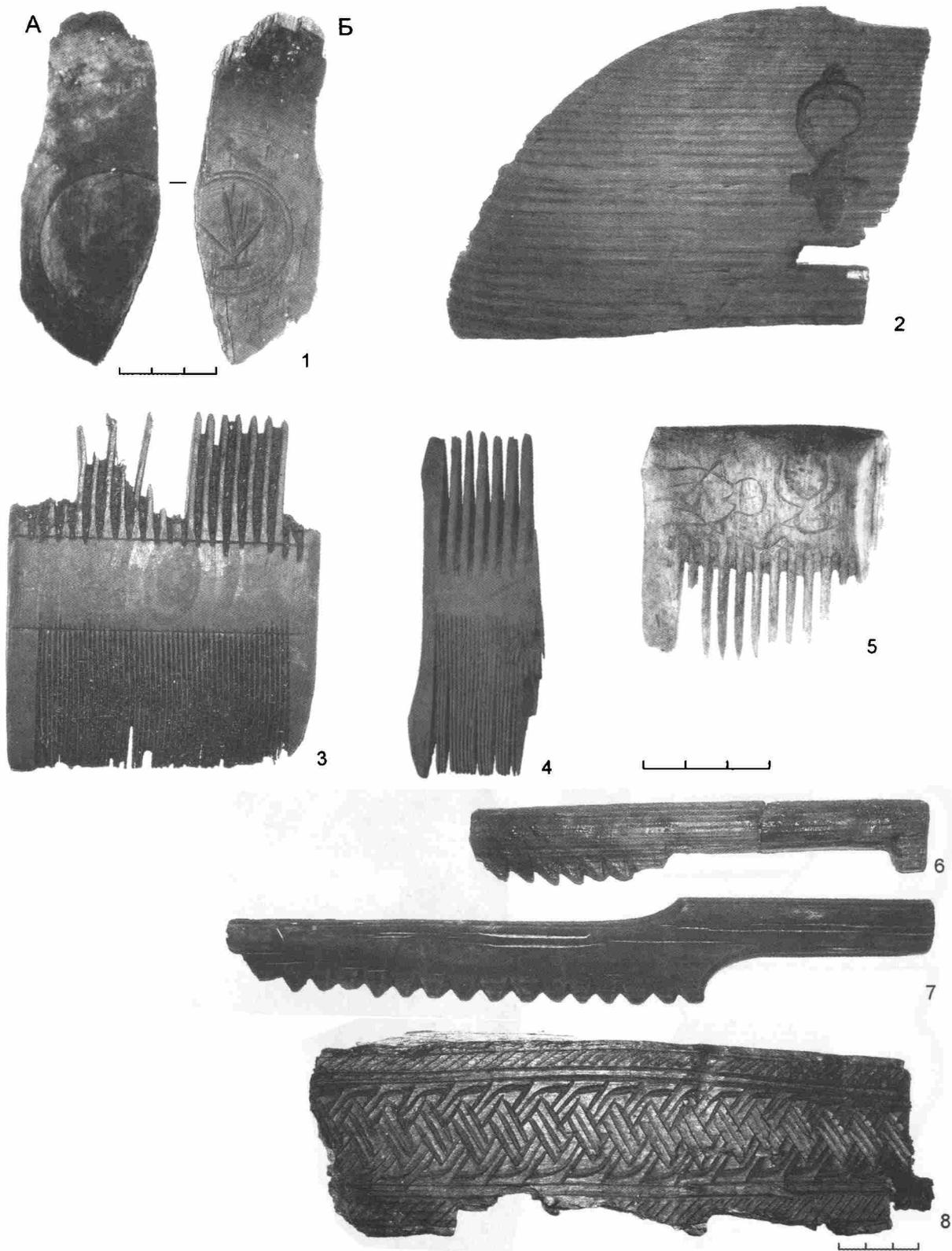

Рис. 48. Усадьба Б. Изделия из дерева.
 1 — обломок точеного сосуда (А — внешняя сторона донца, Б — внутренняя); 2 — бондарное донце с
 клеймом; 3–5 — гребни; 6,7 — чесала; 8 — часть резного ларца.

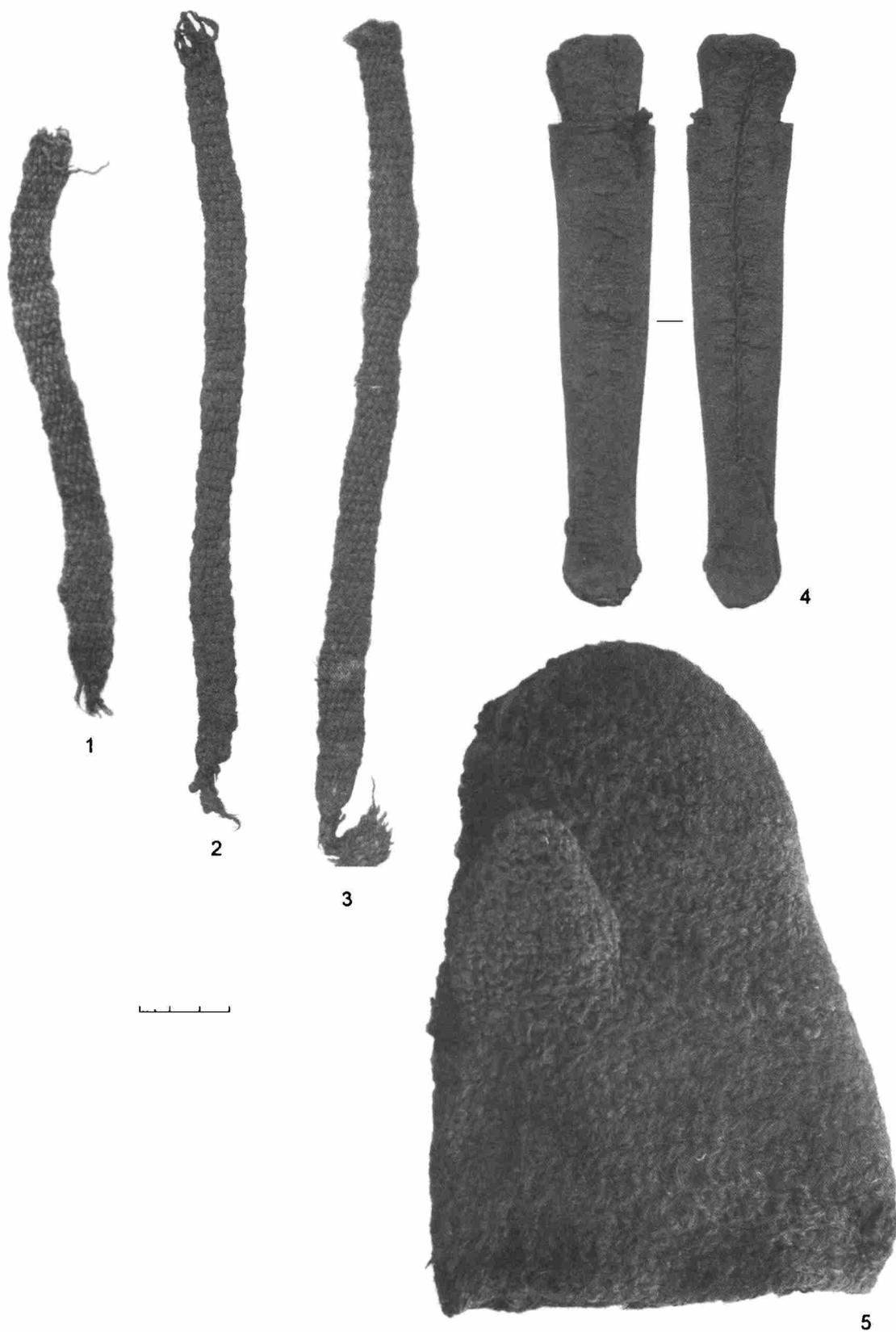

Рис. 49. Усадьба Б. Изделия из кожи и шерсти.
1-3 — плетеные пояски; 4 — ножны; 5 — рукавица вязаная.

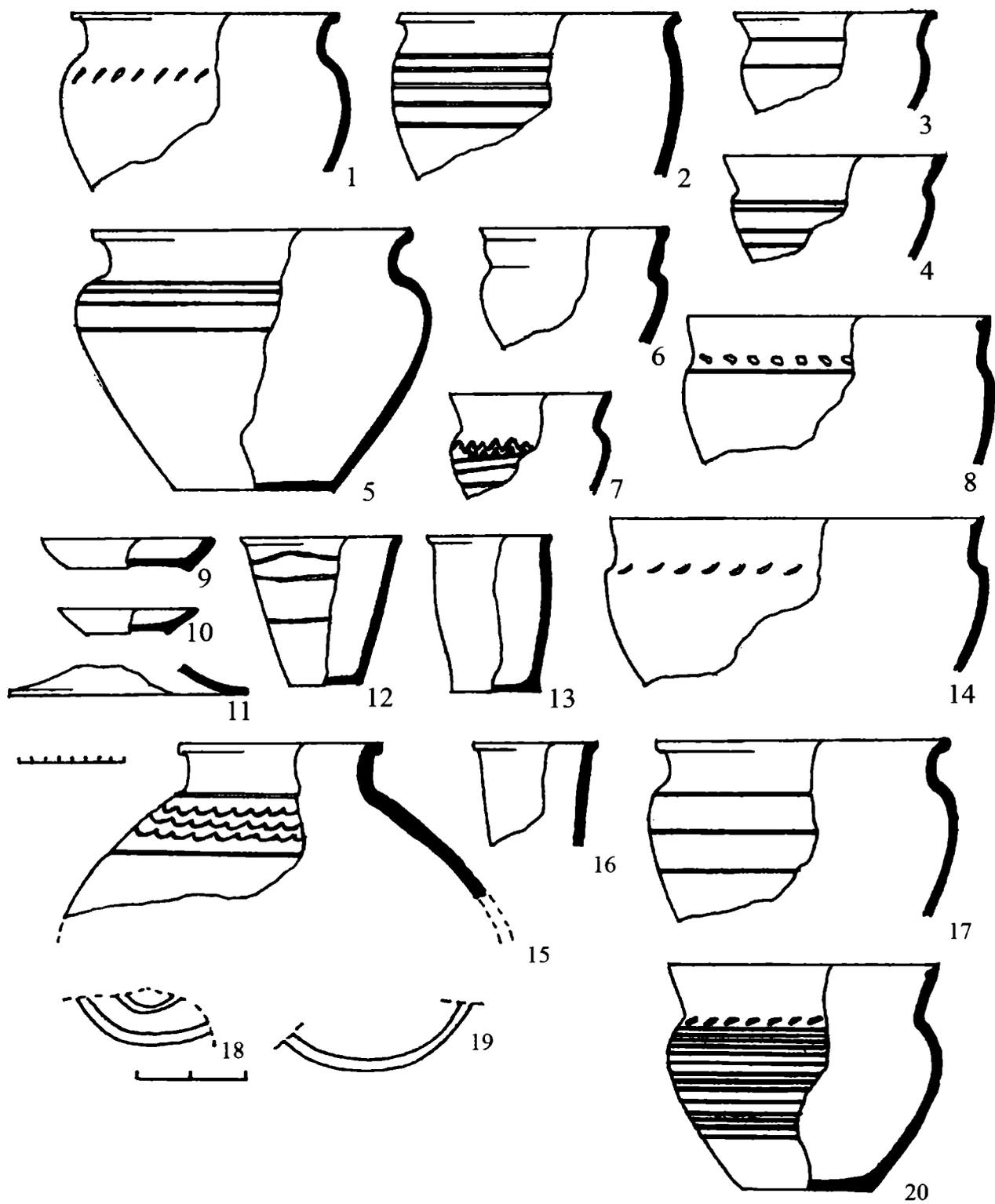

Рис. 50. Усадьба Б. Керамика XIII–XIV вв. (по Е.К. Кадиевой)
 1–8, 14, 17, 20 – горшки; 9, 10 – блюда; 12, 13, 16 – стаканы; 11 – крышка; 15 – корчага;
 18, 19 – клейма.

Рис. 51. Усадьба Б. Горшок из постройки 8 и сосудик 12.

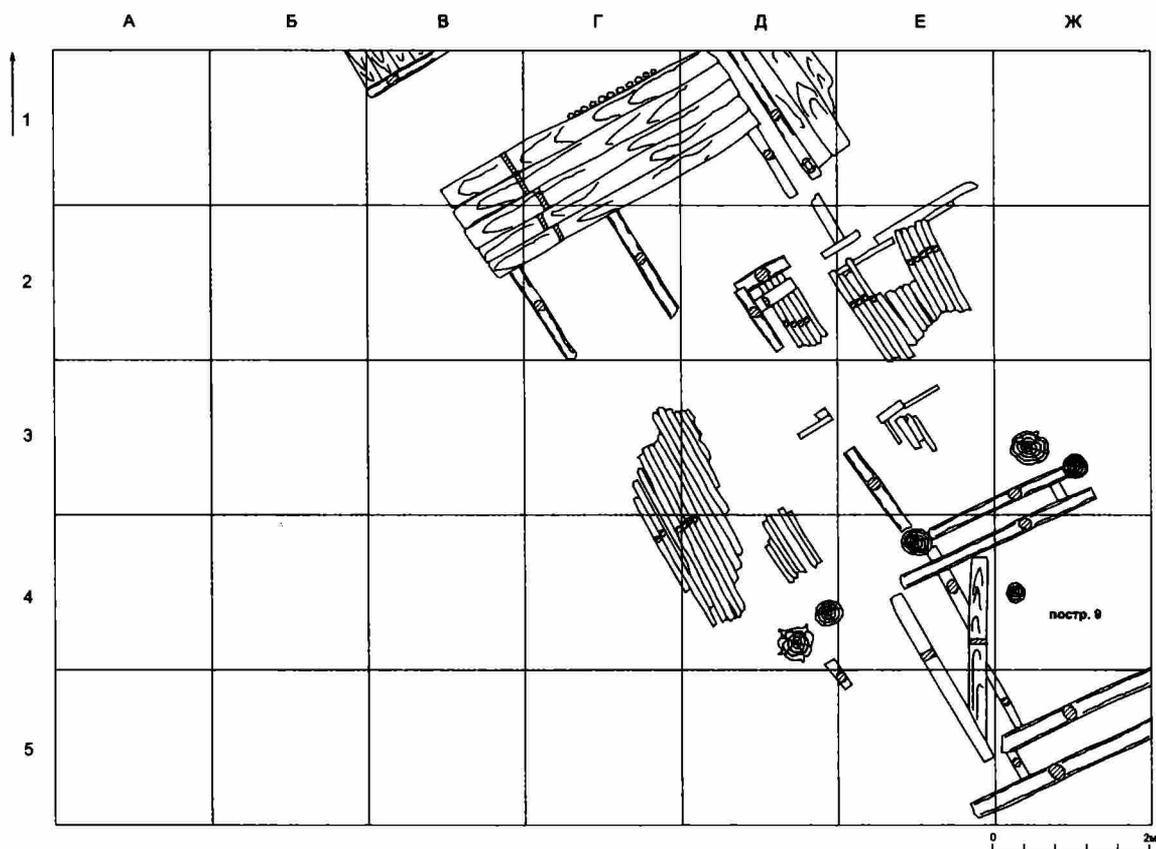

Рис. 52. Сооружения 7 строительного горизонта.

Рис. 53. Глиняные плитки пола в площади постройки 6. Вид с юго-востока.

Рис. 54. Плитки пола в слое глины. Вид с востока.

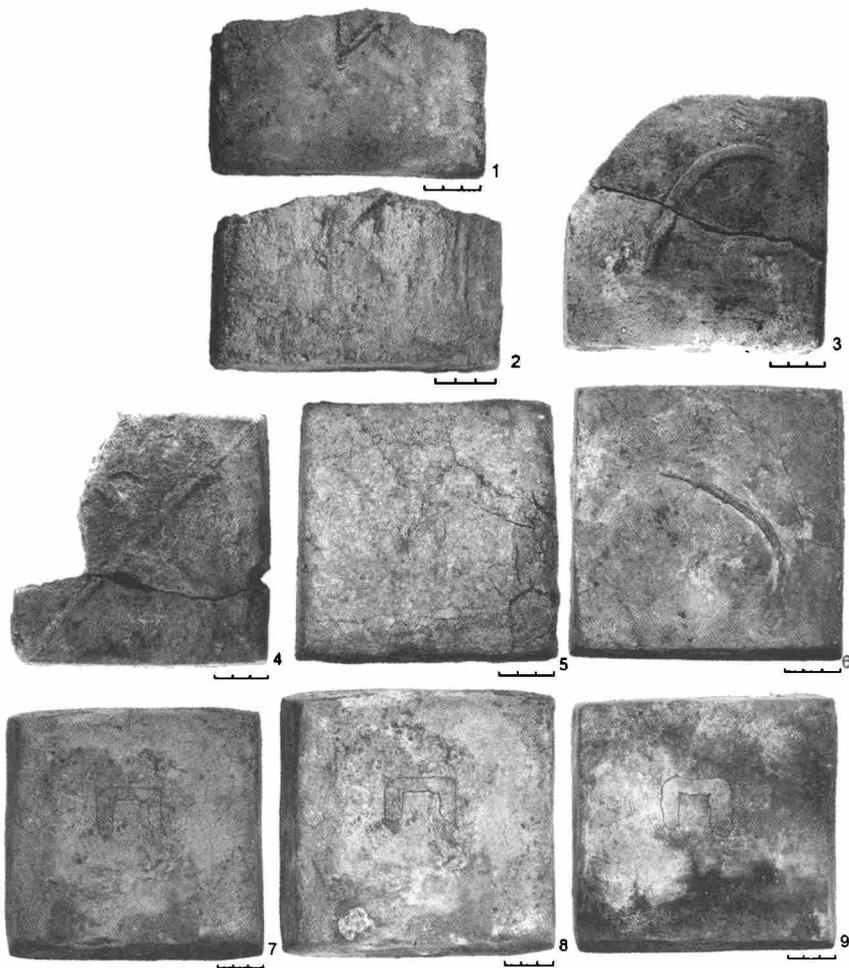

Рис. 55. Плитки пола из мастерской начала XVI в.

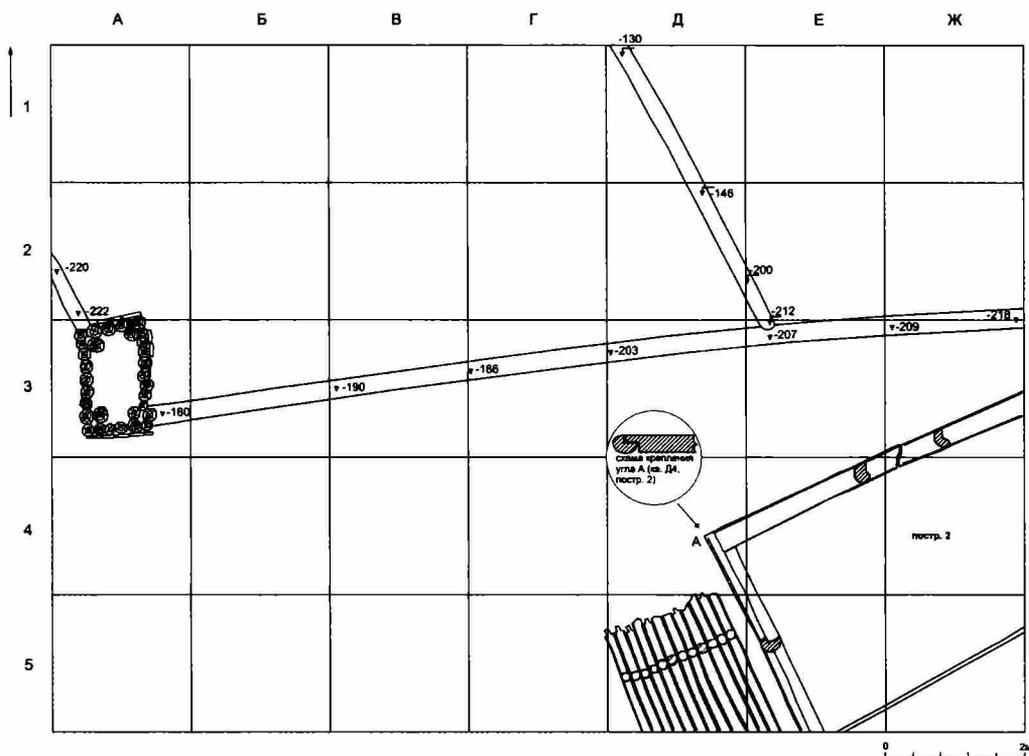

Рис. 56. Сооружения 8 строительного горизонта.

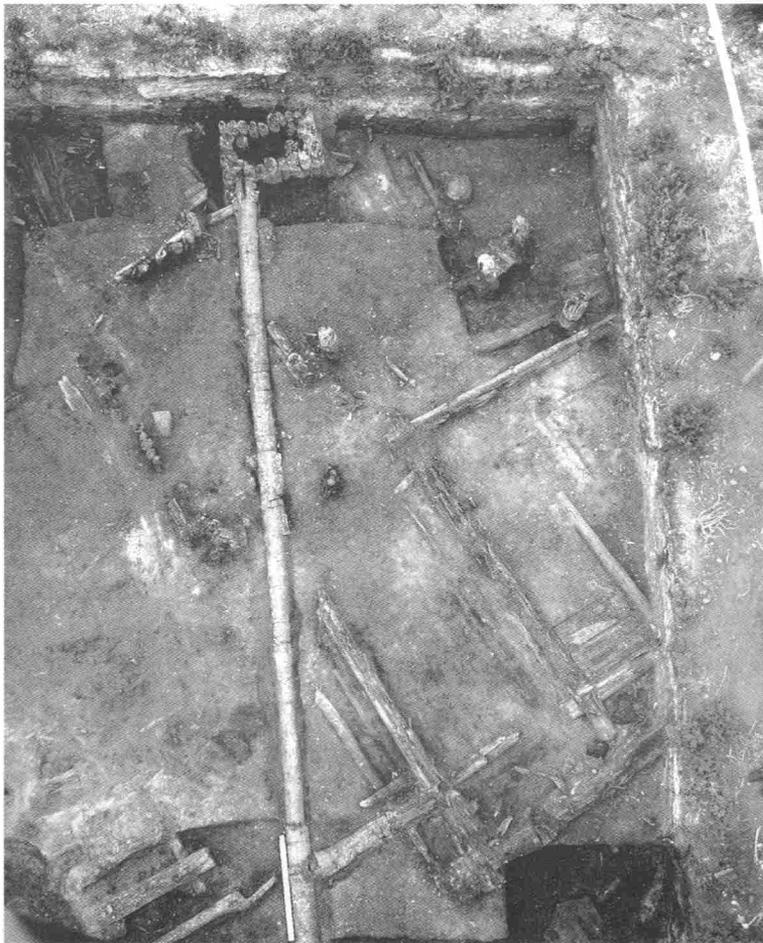

Рис. 57. Водосборный колодец и обводная труба. Справа постройка 7 усадьбы Б. Вид сверху с востока.

Рис. 58. Соединение труб водосборной системы.

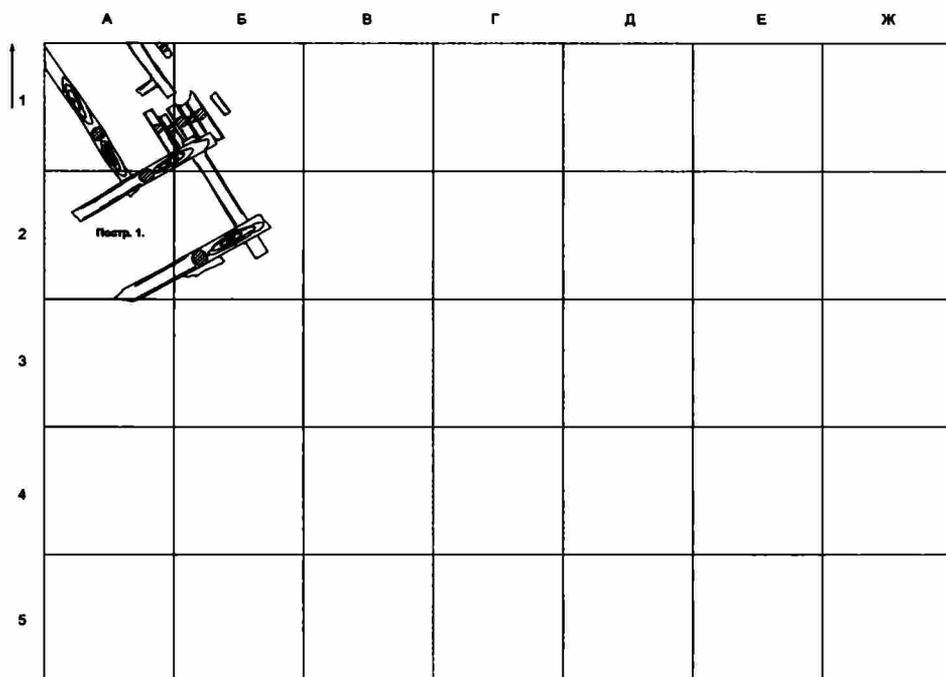

Рис. 59. Строительный горизонт 9

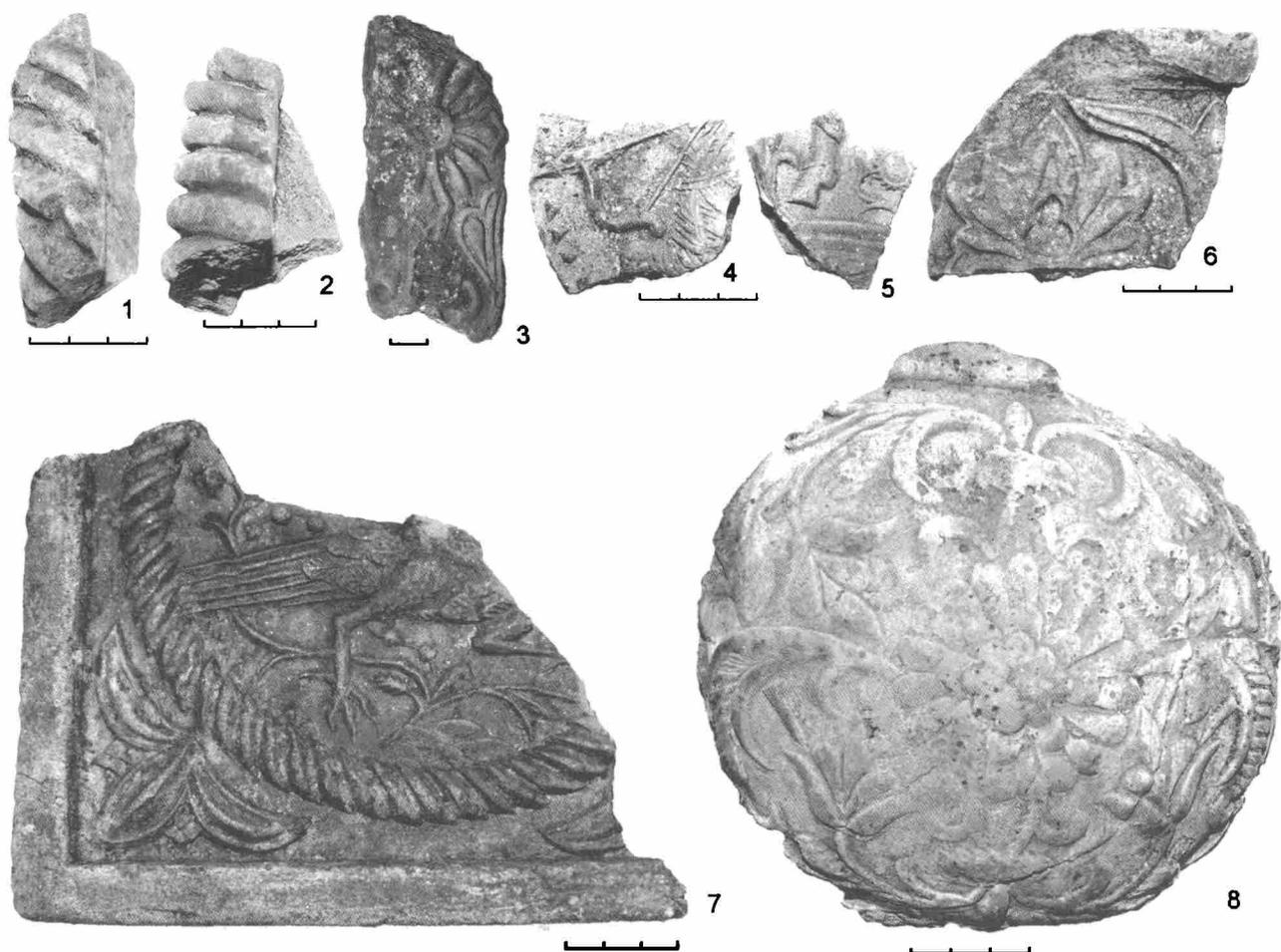

Рис. 60. Красноглиняные изразцы и архитектурная деталь. Середина XVII в.

ТРУДЫ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК

Том 1

Практика и теория археологических исследований
М., 2001

Том 2

30 лет Отделу охранных раскопок
(сборник статей) Тула, 2004

Том 3

Ворошина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.
Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.
М., 2005

Том 4

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.П., Массалитина Г. А., Хохлова Т.М.
Древний Козельск и его округа.
Материалы исследований Деснинской экспедиции
Института археологии РАН
М., 2005

Том 5

Сорокин А.Н.
Мезолит Оки. Проблема культурных различий
М., 2006

Том 6

Воронин К.В., Малашев В.Ю.
Погребальные памятники эпохи бронзы
и раннего железного века равнинной зоны
Республики Ингушетия
М., 2006

Том 7

Осипов Д.О.
Обувь московской земли XII–XVIII вв.
М., 2006

Том 8

Пронин Г.Н., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В.
Могильник Поваровка X–XIII вв.
М., 2006